

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 1(49)-2022

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ

Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В.,
Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В.,
Федосеенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

СТИХИ

Валентин Баранов Что-то есть в невесомости душ.....	5
Тамара Барейшина	
Сплав по реке	6
Алексей Баскаков Являются героями войны	7
Наталья Дубровина Вот таков наш общий дом!	8
Елена Дуденкова Года ушли, года прошли.....	8
Нэлли Кизилова Надо думать о хорошем.....	9
Константин Клепиков Весна наступила — не надо бояться.....	10
Елена Кожунова Откровенья мои сокровенные.....	11
Людмила Куковенкова	
Стихи о жизни	12
Рапсодия	12
Александра Москвина (Бунякова) Поговори со мной в тиши.....	12
Лидия Осминина Капели звенит голосок.....	13
Иван Плетухин И в душе оживёт вдохновение.....	14
Игорь Полинов Загляни в глаза, загляни	15
Александр Попов Если всё ровно, то это не Россия.....	16
Тамара Симовских	
Андрею Серede	16
Я на крыльце своем стояла.....	17
Роза Тайгунова Отпусти, что было.....	17
Тильтан-Лаван	
псих.....	18

Анатолий Чигинцев А сверху синий небосвод..... 18

Проза

Валерий Богушев

Манящие огни Армавира..... 19

Елена Дуденкова Деревенские байки..... 23

Дмитрий Елисеев

Искусство выживания
(секретные материалы) *киносценарий*..... 25

Олег Иванов

Собачья верность..... 29

Малиновый хор 32

Александр Кукушкин

Два Сашки (роман)..... 35

Евгения Матвеева

Целительная сила искусства 39

Ирина Моршинина

Пятый угол Небылицы Хромого,
рассказанные Группсом (*сказки для взрослых*).... 40

Валерий Мякушко

Дом на Советской (повесть) 42

Наталья Паршукова

Иван-чай..... 52

Бордо..... 52

Алла Федосеенкова

Приворотные казусы..... 52

Марина Шалыгина

Утятинский корпоратив 54

Мемуары

Наталья Дубровина

Душа-то у вас поёт 58

Людмила Рогачко

Одноклассники 60

Станислав Чиликов

Моя целина 61

Николай Шукшин, Татьяна Ефимова

Хозяин детского дома 64

185 лет — от Чёрной речки

Галина Афимова

	Миражи	67
Каринэ Гаспарян	«Не смотри с портрета с укоризной...»	67
Елена Дуденкова	Последний бал Пушкина	67
Ольга Карпенко	У Чёрной речки	68
	Русский гений.....	68
Нэлли Кизилова	России первая любовь	68
Александр Мишутин	1825. Михайловское	69
Тулеген Наурзбаев	«Среди его стихов и слов великих...».....	69
Тамара Симовских	А. С. Пушкину.....	69
Алла Федосеенкова	Но Чёрная речка течёт и течёт.....	69
Александр Фунштейн	Дуэль.....	70
	Женщины Пушкина.....	70
	Шутка.....	71
Галина Черкасова	Дуэль.....	71
Александр Попов	Примите роды	71
	Земля моя	
Нина Кысса	Деревенские истории.....	72
Валентина Почтарёва	Все мы родом из детства (воспоминания)	74
Николай Таёжный	Свой путь Марии Булатовой.....	76
Галина Уразаева	Жили-были	77
	Юмор	
Светлана Андриевская	Жажда.....	80
Николай Задорожный		

Андрей Смолук	Всемирный потоп 80
	Майские праздники 83
	Длинные женские ногти 84
Вячеслав Тюнькин	Рассол..... 85
	Боцман..... 86
	Пагуба..... 87
Александр Мишутин	Байки о Чекундашке 87
Пробник	
Нина Кысса	Весна..... 91
Надежда Голикова	Наш Челябинск 91
Юрий Рычков	Счастье рядом с нами 91
Вера Серебрякова	Судьба..... 92
	Весна..... 92
Галина Уразаева	Весна в посёлке..... 92
	Пятница и..... 92
	Весна..... 92
	Мост любви..... 92
Наталья Челинова	Хорошему человеку..... 93
	Апрель..... 93
Наталья Шишлева	О земле родимой..... 93
Мнение	
Анатолий Кухтурский	Непридуманные жизни непридуманных людей о повести Н. И. Годиной «Царёнок»)..... 94
Детская комната	
Валентина Почтарёва	Пришла весна, как рада я! 96
Иван Рябов	Что такое «подлость»? 96

Что-то есть в невесомости душ

Бал

Вновь бал. Распутица веселья.
 Знакомств вертлявый ритуал,
 Где дух возвышенный безделья,
 Превыше истины зеркал.
 Превыше бдительности правил,
 Преувеличенности слов,
 Суждений, чем бы позабавил
 Я трезвость тщательных голов.
 Изыски, вычурности мнений:
 О, мир для разговора мал!
 Но кто избегнул заблуждений,
 Тот прелесть их не понимал.

Вальс

Вальс растёт геометрией сна,
 Где легка и мечтательна плавность,
 Той любви, что ещё не ясна,
 И ещё хороша, как забавность.

Что-то есть в невесомости душ,
 В несерьёзности их откровений.
 Когда ты не любовник, не муж,
 Не предмет её поздних видений.

Но ты знаешь, что всё про любовь,
 И другое — душе бесполезно.
 Словно всё начинается вновь.
 И растёт геометрией бездна.

И во взгляде смятенье, как рысь.
 Ах, про что, ах, про что наша жизнь?

Пароход

Ширь пространства озёрностью нежит.
 Гладью вод можно взор целовать.
 Потому мимо всех побережий,
 Пароходом легко проплывать.

Пароходом легко отдаляться
 От усталых надежд, от забот.
 Счастье может собой притворяться,
 Пока павой плывёт пароход.

Путешествие — праздник вначале,
 Всё отлично, пока всё вдали,
 Пока, путь погасив, не причалишь,
 И опять не коснёшься земли.

И опять побережье, как годы,
 Повторённых надеждою дней.
 Потому ли меня пароходы
 Нынче манят гудками сильнее?

* * *

Сосны увязли в закат.
 Жаль возвращаться домой.
 Берега длинный песок...

Что изменили века?
 Только в минутах с тобой —
 Жизни действительный срок.

* * *

Я проследил за рекой.
 Ночью она не течёт:
 В ночь она в тяжести звёзд.

И красоты никакой,
 Больше мерцания вод.
 Там, где гуляем с тобой,
 Лунностью грезится мост.

* * *

Вечер. Продолжена тень
 Шёлком затихших ветров.
 Нежен сиреневый май.

Хочется словно лететь...
 Только усталость дворов
 Сходит закатом с ума.

* * *

Что может дать ещё день,
 Если уже города
 Всю потеряли любовь.
 Полные суетных дел,
 Что они ищут всегда,
 Небо закрыв пред собой?

* * *

Как я могу уходить,
 Если вздыхает орган
 В высь, где таительный звук.

Нет ничего впереди:
 Ни горизонтов, ни стран.
 Музыка — высший недуг:
 Смысла над музыкой нет.

* * *

Волны, влекущие вспять...
След от послушной волны
Входит в замедленность дум...

Море листает тетрадь
Вечности — дальней страны.
Где повторимся опять?

* * *

Нет листвы в паутине ветвей.
Голый сад. В тишине обнажённой
Ускользящий свет от звезды...

Горек сад в знак печали своей,
Как отвергнутый дамой влюблённый.
Как всё близко в любви до беды.

Предсказание

Вы спросили: что же завтра?
Я отвечу в пять минут:
Вот вернутся динозавры,
И, наверно, нас сожрут.

Им бы только поглумиться:
Мозг тупой непостижим.
И, конечно, наши мысли
Непонятны будут им.

Тут и нам не всё понятно:
В каждом — истины дизайн.
Они всё вернут обратно,
Чтобы с этим завязать.

Они всё вернут обратно.
Станет всё, как в прошлый раз:
Всё на месте, всё понятно,
А не так, как нам сейчас.

Наши помыслы базарны,
Вместо душ — дешёвый понт.
Вот вернутся динозавры
И проглотят весь бомонд.

А пока ещё держайте,
Сумасшествие легко.
Вот вернутся динозавры.
Им уже недалеко

г. Касли

Тамара Барейшина

Сплав по реке

Сплав по реке —
С природой общенье,
Покой для души,
В то же время движенье.

Дорога, как лента,
Меж леса виляет,
И летний пейзаж
Меня вдохновляет.

То спуск, то подъём,
То вершина крутая.
От вида такого
Душа моя тает.

Баллоны надули,
И кашу поели.
Отправились в путь
Между сосен и елей.

Маршрут по реке
Начался наш отсюда.

Весло я взяла,
В ожидании чуда.

Слоистые горы,
И сосны как свечи,
И их отраженье
Купается в речке.

Я раньше весла
В руках не держала,
Но в этой «бригаде»
Гребла, не устала.

То солнце, то дождик —
Попутчик в дороге.
Промокли до нитки,
Но высохли вроде.

Питанье с костра
И ночёвка в палатке,
Походы с утра —
И здоровье в порядке.

г. Пласт

Являются героями войны

Севастополь. Июль 1942

Они пришли не славою гордиться,
На них наград не видно боевых:
Обнять живых, и павшим поклониться,
И помянуть товарищей своих.

От наизнанку вывернутых дотов,
То крадучись, то принимая бой,
Артиллеристы, моряки, пехота —
Все отступали к бухте Голубой.

Когда, списав защитников в потери,
Решили в Ставке их оставить тут,
Они дрались... Ещё никто не верил,
Что корабли за ними не придут.

И без воды, без пищи, без патронов,
Без командиров, сгинувших уже,
Они опять держали оборону
На этом безнадежном рубеже.

На слове «плен» лишаясь дара речи,
Как на допросах много лет назад,
Они привычно опускали плечи,
Как будто каждый в чем-то виноват.

Они и через сорок лет не знали,
Те, брошенные Родиной сыны,
Что, не имея ни одной медали,
Являются героями войны...

3 июля 1942 года — официальная дата, когда Севастополь был оставлен советскими войсками... Но очаги сопротивления оставались, защитники, лишённые командования, боеприпасов, воды и пищи, насмерть стояли на высотах у Балаклавы, пытались прорваться в крымские леса, отходили с боями к мысу Херсонес, где находился последний укрепленный район и грозная 35-я береговая батарея...

В мае 1985 года советский народ праздновал сорокалетие великой Победы. В Севастополь съехались тысячи участников героической обороны и освобождения города. Главные события проходили на Сапун-горе, где 9-го мая было не протолкнуться.

Мне, начинающему экскурсоводу, в этот день досталась группа ветеранов, бойцов 142-й Сибирской стрелковой бригады, доставленной в Севастополь 25—26 июня 1942 года на одном из последних прорвавшихся надводных боевых кораблей.

Ехать на Сапун-гору мои экскурсанты отказались, а попросили меня отвезти их на 35-ю береговую батарею. В текстах экскурсий, во всех официальных источниках всегда очень подробно описывали подвиги защитников 30-й береговой батареи, которой командовал майор Георгий Александр.

35-ю батарею, которой командовал Алексей Лещенко, в военно-исторической литературе упоминали очень скупо как последний рубеж обороны Севастополя, откуда в последние дни обороны 1942 года шла эвакуация советских войск... Количество погибших в последние дни обороны и попавших в плен защитников города авторы мемуаров также не уточняли. О судьбе защитников, сопротивлявшихся до 12-го июля 1942 года, было известно очень мало. Многие из числа попавших в плен были освобождены только в конце войны и долгие годы проходили бесконечные проверки, а некоторым довелось побывать и в сталинских лагерях. Никто из них не получал тогда ни пенсий, ни наград за пережитое. Не чувствовали они себя победителями и в этот день...

Неподалеку от полуразрушенной 35-й батареи был в советское время сооружен только скромный памятник на братской могиле моряков, входивших в состав экипажа батареи и погибших еще до начала 3-го, июньского наступления фашистов на Севастополь. Потом хоронить убитых уже не успевали... Вот сюда и привел я свою экскурсию.

К тому времени я уже около трех лет работал экскурсоводом и считал, что достаточно много знаю о подвигах защитников Севастополя во время второй обороны. Оказалось, что я почти не знаком с этими героическими и позорными страницами нашей истории...

Сапун-гора

Я к этим плитам прихожу полвека,
Сперва с отцом, теперь уже один.
Гранит и пламя славят Человека,
Который здесь фашиста победил.

Он обожженный, раненый, усталый,
С подножья до вершины целый день
Полз под лавиной пороха и стали,
Освобождая землю для людей.

Он был совсем не так, как мы, воспитан.
Он был совсем не так к войне готов.
В нём даже годы лагерей и пыток
Не вытравили к Родине любовь.

В госпиталях, залечивая раны,
Оставив Севастополь нам с тобой,

Он шёл освобождать другие страны,
К чужой деревне, в свой последний бой...

Семье достались трудности и беды,
Несправедливой власти воровство...
Он подарил нам главное — Победу!
Но больше не оставил ничего.

г. Касли

Наталья Дубровина

Вот таков наш общий дом!

* * *

Светлой памяти Н. И. Годины

Певец чудиновский лесов
И заповедных мест Миасса.
Поэт с ранимой душой,
Достойнейшей высот Парнаса.
Слов незабвенных ювелир,
Искусник, виртуоз и мастер.
Талант его неоспорим:
Перо в руках или фломастер.
Он в сердце раненный селом,
Оно ему давало силы,
Чтоб стать наставником для нас —
Настырных, чувственных, пытливых.

Он нас любил.
Он нас сплотил.
Осиротели и скорбим...

Наш район

Вам Увельский край знаком?
Он нам родина и дом.
Сам посёлок небольшой,
Почетаем всей страной.
В нём компания «Ресурс»
Задаёт Европе курс;
Уплетает гречку нашу
И Америка-мамаша;
Да и кумушка-Канада
Подтвердит: «Крупа, что надо!»

Вы в Кичигино бывали?
Нет? «Тушкана» не видали?
Вечным сном спала в нём жрица,
Мира и войны «царица»,
Кочевой люд стерегла
От врагов, болезней, зла.
Встарь вот тут сарматы жили,
Знать в курганах хоронили.
В Красносёлке не бывали?
Очень много потеряли.
Море раньше здесь плескалось
И гряда пещер осталась:
«Жемеряк», «Казачий стан»,
В них скрывался Емельян,
Самозванец и смутьян,
Из Сибири атаман.
Баят, клад в понорах скрыт.
Тайну ту река хранит.
Вы в «Урале» не бывали?
Минералки не пивали?
Та водица не простая,
А целебная, «живая».
Тело хворое взбодрит.
Стариков омолодит.
Грязь глубинная озёр,
Ревматизму даст отпор!
Все суставы исцелит.
Позабудешь, где болит.
Вот таков наш общий дом!
Приезжайте в гости! Ждём!

п. Увельский

Елена Дугенкова

Года ушли, года прошли

* * *

Мои семнадцать светлых лет, семнадцать вёсен —
И рыжей сеткой солнца свет в верхушках сосен,
Стекает небо синевой в мои ладони,
И льёт медвяный запах свой цветущий донник.

Мои семнадцать светлых лет, семнадцать вёсен —
Я берегу их нежный свет, вступая в осень.
И всё не старится душа — ей всё семнадцать.
А юность уж давно прошла, жаль расставаться!

Не расплескать бы бирюзы в своих ладонях;
Года ушли, года прошли, их не догонишь...
Но всё звенят в душе моей, всё воли просят,
Моих семнадцать светлых лет, семнадцать вёсен.

* * *

Что осталось от этой деревни,
Что не хочет никак умирать?
За церквушкой погост её древний,
Да болот пересохшая гать.
Эти избы слепы и увечны!
А в полях колосится польнь...
Так и тянет печалью извечной
Неба хмурого серая стынь.

На завалинке птицей седую
Одиноко старуха сидит:
На дорогу с глубокой тоскою,
Поджидая кого-то, глядит,
Только прошлое разве воскреснет?
И Господь оживить не спешит!
Погребальной щемящею песней
Даже воздух в округе звенит...

г. Троицк

Нэлли Кузчлова

Надо думать о хорошем

Доверие

Я доверяла папе с мамой
И братьям верила всегда.
Не подвергалась я обману
Ни разу в детстве никогда.
Я доверяла всем подругам,
Где я училась и росла...
Мы доверяли все друг другу,
Была единая страна...
Теперь мы все живём в обмане,
Доверия нет никому:
Кто шарит по чужим карманам,
Кто лезет в драку, кто — в войну.
Как жаль, доверие исчезло:
Тревога души леденит.
— Нам жить в неверии полезно, —
Так только циник говорит.
Хотим мы верить незнакомцу,
Случайным людям доверять,
Чтоб все равны были под солнцем,
Чтоб честь и совесть сохранять.

Почерк

Ох, и почерк у меня!
Как прыжки у зайца.
Я стихи пишу сама —
Читать несу китайцу.
А ведь я как русовед
У детей и дочек
Требовала сорок лет
Грамотность и почерк.
Теперь каракули мои
Стали некрасивы,
Иероглифы свои
Разобрать не в силах.

Надо думать о хорошем

Надо думать о хорошем.
Пусть сегодня не везёт —
Будет мостик переброшен
Завтра точно повезёт.
Злая новость огорошит,
Доброй вести каждый рад.
Надо думать о хорошем,
Вести радужно пестрят.
Верь, что всё плохое в прошлом.
Ежедневно, круглый год
Будешь думать о хорошем —
И оно тебя найдёт.

с. Миасское

Константин Клепиков

Весна наступила — не надо бояться

* * *

Весна наступила, и надо признаться,
 Что чувства остыли, и нет больше страсти.
 Остались обиды, разлуки, сомнения,
 И нет рядом счастья, а в жизни везения.
 А помнишь, когда-то, забыв всё на свете,
 Мы верили в чудо, как малые дети?
 Летали, как птицы, дышали как рыбы,
 И были чисты, как снега Антарктиды.
 Весна наступила — не надо бояться,
 В любви, если любишь, любимым
 признаться...

Опускается туман
 Ночью, до жары.
 Проявляется обман,
 Скрытый до поры.
 Загорелись берега
 Голубой реки.
 Не забуду никогда
 Я твоей руки.
 А зелёные глаза
 Ты не отводи,
 Знаю, что за образа
 Спрятала ключи...

Кораблик

Сходит снег, образуя проталины,
 Вдоль дорог побежали ручьи.
 Зеленеет трава на окраинах,
 Треснул лёд под напором реки.
 Прилетели грачи и кляксами,
 Разбрелись по снежным полям.
 Я из школы иду, лет двенадцати,
 А навстречу мне тополя.
 На душе хорошо —
 Не пасмурно,
 И в руке из бумаги корабль.
 Уплыву я в далёкую Африку —
 По отчизне наступит печаль.
 И тогда я пойму, что, наверное,
 Невозможно прожить без неё,
 И меня сквозь пространство безбрежное
 Мой кораблик в Россию вернёт.

Ключи

Вновь растаяли снега,
 Потекли ручьи.
 Белоснежная пурга
 Спрятала ключи.
 От дверей, где холода —
 Иней и метель.
 Загудели провода,
 Заиграл апрель.
 В небе ватой облака,
 Белые дожди,
 Разноцветные бока
 Радуги-дуги.
 И при этом иногда,
 Дует в камыши
 Ветер, пенится вода,
 Кружатся стрижи,
 Выполняя иммельман,
 Линии петли.
 Солнце прячется в лиман,
 Стынет на мели.

Я и ты

Я по-прежнему считаю:
 Счастья в жизни нет.
 Твою руку обвивает
 Золотой браслет.
 Он похож на небольшую
 Скользкую змею,
 Очень быструю и злую
 Юркую гюрзу.
 Я спешу тебя увидеть,
 Чтоб предупредить:
 Если ты змею обидеть —
 Может укусить...
 Но накрыла непогода
 Наши города;
 Я искал тебя полгода,
 Когда год за два...
 Мне упала на ладонку
 Капелька дождя;
 Я хочу, чтоб хоть немножко
 Ты была моя...
 Улыбаешься, не смотришь
 В сторону мою;
 Закричу — и ты оглохнешь:
 Так тебя люблю!
 Эта плавная походка,
 Синие глаза —
 Моя главная находка,
 Линия, судьба...
 На тебя молюсь и плачу
 Сутки напролёт.
 Не надеюсь на удачу —
 Знаю наперёд,
 Что моё большое чувство
 Время перетрёт:
 Было пусто — станет густо,
 Радуга взойдёт.
 Из земли, воды и ветра
 Вырастут цветы,
 Осторожно, незаметно
 Сбудутся мечты.
 Раскидают свои кроны
 Липы, тополя.

Сохраню в своей ладони
Капельку дождя...

* * *

Мой дом, как подводная лодка,
Разрезал пятью этажами,

Сырую прохладу Земли.
Мне снится твоя неземная походка,
Когда за окном скрипят фонари.
Я помню тебя удивительно нежной,
На белой постели, в объятьях своих.
Хоть зима и была утомительно снежной,
Но пели всю ночь соловьи для двоих...

г. Южноуральск

Елена Кожунова

Откровенья мои сокровенные

* * *

Лишь пыль останется на пальцах
От тонких крыльев мотылька...
Порою больно расставаться,
Но жизнь земная коротка.

Мгновенье — бабочка взлетела,
Лишь трепет в сердце сохранив.
Эфир — земля, душа и тело,
Как эфемерен этот мир...

Мы покидаем мир подлунный
На миг, навечно, навсегда...
Душа поднимется бесшумно
И, пролетая города,

Дороги, страны, континенты —
Всё оставляет позади,
И счастья краткие моменты,
Томленья сладкое в груди...

Века сольются в одночасье.
Свободно, бабочка, лети!..
Лишь пыль останется на пальцах
И чей-то вздох: «Не уходи!..»

На святки

— Мне сегодня сон приснился:
Снег на солнышке искрился,
Белой змейкою позёмка
По земле вилась, и звонко
Колокольчики звенели,
Кони резвые летели,
Словно сказочные птицы...
Разгадай мой сон, сестрица!
— Ты счастливая, подруга!
Видно, миленького друга
Ждёшь давно издалека,
Но дорога нелегка...

Снег искрился — знать, богатый
Едет твой жених и знатный.
Бубенцов слыхала звон?
Значит, скоро будет он.
Или жди с гонцом вестей,
Сердцу милых новостей.
Вмиг пройдут твои печали,
Коль дружочка повстречаешь.
Разгадала я загадку?
Сны сбываются на Святки.

* * *

На земле обретая терпение,
Я искала любви в облаках,
Чтобы в сердце вошло вдохновение
И душа возродилась в стихах.

Чтоб однажды тоскливою осенью,
Среди мокрой озябшей листвы
Отыскать вдруг, почувствовав ошупью,
Записного блокнота листы,

Что потерян был мною нечаянно
В прошлой солнечной жизни моей.
Лишь пройдя через боль и отчаянье,
И, умывшись слезами дождей,

Словно птица свободная, дерзкая,
Поднимается в небо душа
За мечтою заоблачной детскою
В неизвестность куда-то спеша...

Перелётные птицы торопятся,
Им дорога опять суждена.
Листопад впереди хороводится,
Осень жизни нам свыше дана.

Откровенья мои сокровенные
На листках пожелтевших прочту.
Лишь отбросив земные сомнения,
В небесах обретаем мечту.

г. Копейск

Людмила Куковенкова

Стихи о жизни

Поэзия — душа больших сердец,
Где мысль — венок, а может быть, венец
Стихи, каких нигде вам не сыскать,
В них самобытность, как родная мать.
Они о счастье и родимом крае,
Снежинках первых, что в ладонях тают
О красоте осенней, о войне...
О бабьей доле, жизни на селе.
Тропа зачахла, огород посох,
Свеча погасла, в доме отчем мох...
Но солнце ярко лучами брызнет,
И всё понятно — стихи о Жизни!

Рапсодия

По оврагам заблудшая осень
От зимы зябкой хмуро бежит.
И так хочется листьев подбросить,
Чтобы ночь эту ей пережить.
На пороге зимушка белая
Паутинку надела на всех,
Любовалась собою: ах, смелая —
Заморозила речку в орех.
Воробьи на заборах говеют,
Да синички сидят на плетне,
Свои грудки жёлтые греют,
Напевая... рапсодию мне.

г. Троицк

Александра Москвина (Бунякова)

Поговори со мной в тиши

Россия

* * *

«Какая наша Россия?» —
Дочка папу спросила.
Россия — страна большая
И очень красивая.

От мороза хрустящее
Небо синее, синее.
Белизна необъятная —
Россия зимняя.

Летом солнцем поджарена,
Вся берёзой украшена,
Широка и прекрасна
Россия наша.

В осень — золотом крашена,
Морем хлеба затоплена,
Хлебосольно улажена
Щедрая Родина.

Весной — нежно-зелёная
Да с морями синими,
И всегда загадочна
Наша мать Россия.

Сарафаны меняет
По времени года;
Ожерелья речные,
И богата природа.

Вот такая Россия,
Родина милая,
Всеми нами любимая
И Богом хранимая.

Как хорошо...
Как хорошо,
Что нас двое.
Как хорошо,
Что ночь не длинна.
Как хорошо,
Что мирно
Ночует наша страна.
Как хорошо,
Что солнце
Ярко светит.
Как хорошо,
Что смеются дети.
Как хорошо,
Что речка блестит.
Как хорошо,
Что птичка летит.
Как хорошо,
Что растут цветы.
Как хорошо,
Что рядом ты.

Ангел

Не разлучайся, Ангел мой,
С моею грешною душой;
Храни меня от всех наветов,
Лихих соблазнов и запретов;
На путь мой истинный наставь,
Дорогу к храму предоставь...
Поговори со мной в тиши
Для сохранения души.

У мемориала в Брянске

Золотая осень,
Тихо в лесу.
К мемориалу на поляне
Я цветы несусь.
Семь тысяч фамилий
Рядами стоят,
Твёрды, как в бою —
Не свернуть назад.
Вот фамилия брата:
Золотое — на красном.
Сколько лет мы искали,
Но было напрасно.
Ох, как долго и трудно
Я к этому шла...
И хочется крикнуть:
«Мама! Я Сашку нашла!»

* * *

Не волнуйте матерей
Необдуманным поступком.
Не печальте их очей
Грубым словом или шуткой.
Мама вида не подаст,
Лишь вздохнёт украдкой,
Ночью волю даст слезам,
Когда уснёшь ты сладко.

г. Дудинка

Людия Осминина

Капели звенит голосок

Ранняя весна

По сугробам с ребячьей отвагой,
По снегам, что зима намела,
Напоив их весеннею влагой,
Ярким светом окрест обожгла.

По карнизам, белеющим крышам,
Брызнув светом на плотный снежок,
Хоть не смело, но радостно слышно,
Что капели звенит голосок.

И чарует весной поднебесье,
Манит взор синеокая высь.
Льются песни, весенние песни,
Что так сладко в душе родились.

Я люблю пробужденье природы:
В ней волнителен плавный черёд.
И пленят меня: талые воды,
Свежесть воздуха, мыслей полёт.

Воскресенье вербное

Распустились вербочки —
Нежен их наряд.
Осторожно — свечечки
Золотом горят!

Вербочки пушистые
Льют свой аромат.
В Воскресенье вербное
Люди в храм спешат.

Дождик сеет маленький,
Тихо и тепло.
В храме Божьем пение,
На душе светло.

Освятили вербочки —
Глаз не оторвать!
Льётся в душу негою
Божья благодать.

Лики все улыбчивы —
Радость и покой.
Будет жизнь без горестей
С веточкой святой.

г. Пласт

Загляни в глаза, загляни

Дворник Митрич

Снег рисует, словно мелом,
На дорогах вензеля,
Так обыденно и смело
Двор засыпал по края.

Дворник Прохор с папиросой,
В нос тихонечко бубня:
«Мать твою, аршинов восемь!» —
Кроет зиму почём зря.

Всё бухтит, дымком пуляя,
В небо серые клубы,
И детишек забавляя,
Лепит горку и ходы.

Между лавок и качелей
Он насыпал «Эверест»,
Сквозь него прорыл туннели!
Выше нет горы окрест.

Сколько дней ещё с лопатой
Эдак Митричу кружить,
В шапке дряхлой и помятой
Перемёты ворошить?

Мельница

На краю глухой деревни
Шеретовка есть одна.
Оказался там намедни,
Задержался допоздна.

Перекошенные двери,
Ручки нет, петли, замка.
Я глазам своим не верил —
Боже мой, так то ж она!

Сотню лет, да и с лихвою
Перемалывала хлеб.
Годы шли, и с тишиною
Подружилась вдруг навек.

Из щелей с торчащей дратвой
Проросла полынь-трава.
Залепила, словно ватой,
Окна сгнившая плева.

Жернова уже не скрипнут,
Обломились три крыла.
Крыша, на ветру осипнув,
Прохудилась, протекла.

Нет твоей тоске предела.
Чтобы людей смогла простить
Попытаюсь что-то сделать,
Помогу тебе ожить.

* * *

Не гони коня, не гони:
Он служил тебе много лет.
Вы с ним стали братьям сродни,
За седло заклав сотни бед.

Расседлай его, расседлай,
Скинь от пота мокрый вальтрап¹;
Не вяжи, гуляет пушай,
Успокой безудержный храп.

Ковыли цветут, ковыли —
Травкой шёлковой оботри;
С родника водой напои,
Скинь узду до самой зари.

Разнуздай его, разнуздай —
Дай свободы, дай отдохнуть.
Аромат разлил иван-чай,
Не мешай дышать во всю грудь.

Загляни в глаза, загляни,
И поймет он друга без фраз.
Обними коня, обними —
Не в последний, дай Бог, чтоб раз.

г. Троицк

¹ Вальтрап — суконное покрывало, надеваемое на седло.

Александр Попов

Если всё ровно, то это не Россия

* * *

Книгами патриотов рук не марал.
Плакаты, доски не осквернял мелом.
По глупости полагал:
Родина — женское тело.

И озёра её, и вокзал,
И снег во дворах, ослепительно белый...
Я своей родиной считал
Голое женское тело.

Я — первый, я — Адам!
Территория страны — тело,
Райских яблок с груди не отдам.
Здравствуй, Родина моя — Ева!

* * *

Были бы руки у бюстов, они бы порядок на-
вели быстро.

* * *

Небу
синие цветы
тени сосен
на снегу рисуют.
Ты по снегу не ходи,
ты по снегу не ходи,
я тебе
принесу их.

Небо
синие цветы
на снегу рисует
соснами.

Ты по снегу не ходи,
ты по снегу не ходи
босым.

Незабудки, васильки
на снегу синем.
Все они с твоей руки,
Милый.

Небу
синие цветы
тени сосен
на снегу рисуют.
Ты по снегу не ходи —
арестуют.

* * *

Пустите пыль пускать в глаза,
пустите перст узоры рисовать по пыли
Узнайте, всё ли я сказал?
Давайте власти уши оттопырим!

Не я валяю дурака,
она сама свои играет роли,
пыль, пуская в облака,
пылинки стырить не позволит.

Пустите пыль пускать в глаза,
любое наказание исполню.
Узнайте, всё ли я сказал?
А то, что спьяну наломал,
трезвея, заново отстрою.
Пустите пыль пускать в глаза!

г. Челябинск

Андрею Серее

Какой бы ни стоял мороз,
Но мы-то знаем:
Он создавался, креп и рос,
Тянулся к маю.

И нежность до поры сберёг,
Чтоб вдруг раскрыться,
Чтоб удивился даже Бог —
Да сотвориться.

Тамара Симова

Любовь земная и небес,
Мешая краски,
Разбудит спящий зимний лес —
Предстанет сказкой,

Где пенье птиц
Под флейту грёз
Прольётся рифмой.
Поэт не зря мечту пронёс
И сделал зримой.

Я на крыльце своем стояла

И снова снег на землю пал,
Вокруг торжественно нарядно.
Крыльцо моё, как пьедестал,
И в дымке дали необъятны.

И тишина вокруг, окрест,
На сердце нега и отрада.
Снежок как будто благовест,
Так, видно, богу было надо,

Чтоб все грехи запорошить,
Очистил заново пространство.
Приму законов постоянство,
Чтоб новый день, любя, прожить.

О небо, благодать послало:
Невинность с красотой роднишь,
Со мной о вечном говоришь.
Я на крыльце своём стояла...

п. Тыелга

Роза Тайгунова

Отпусти, что было

* * *

Если зло я твое и проклятие,
Если больно и нервно со мной —
Для чего же в моих объятиях,
Так стремишься найти покой?
Говоришь, что наслала морок я,
Одурманила сладостью губ,
И на теле созвездия родинок,
Так безумно к себе влекут!
Ты же болен мной. Дать тебе варева
Для того, чтобы смог позабыть?
Как, касаясь тебя едва-едва,
Твою боль умею лечить?
Я не стану держать тебя силою.
Твое право только звучать.
Вот дорога... на все четыре ты
Можешь смело по ней шагать.
Но стоишь ты такой уверенный,
И с любовью смотришь в глаза:
Знаешь точно, что в жизни затейливой
Вдохновение твоё — я всегда.

* * *

Есть старая баллада
Про маленький народ,
Что под землей когда-то
Готовил сладкий мёд.
Из вереска напиток,
Почти нектар богов,
Он сладок был и терпок
Мед винный из цветов.
Но в жизни так бывает:
Жестокость и порок
Собой всё затмевает,
И смерть в руках несёт.

Пришёл король шотландский,
Народ тот погубил,
И не по-христиански
Он с ними поступил.
Хотел открыть он тайну
Про вересковый мёд,
Его чрезвычайно
К себе она влечёт.
Но пикты, умирая,
Ту тайну сберегли,
На пытки невзирая,
С собою унесли.
Баллада та печальна
Про маленький народ,
Как песня погребальная
Про смерть, про вереск, мёд.

* * *

Отпусти, что было,
И прими, что есть:
Прошлое уплыло
Жизнь — она ведь здесь.
Здесь, сейчас, сегодня —
Не завтра не вчера...
Пусть и сумасбродна,
Но всё же так мудра.
Всё же так чудесна
Жизнь, что здесь, сейчас —
Как скала отвесна,
Красива без прикрас.
Насладись ты мигом —
Не было вчера!
Горным эхом-вскриком
Сейчас живи, паря.

с. Миасское

ТЧЛТАН-ЛАВАН

ПСИХ

Сквозь озоновые дыры виден Бог.
Его вычислил тот самый Перельман.
В недрах маленькой квартирке он не мог
перестать шептать: «Альдебаран...»

День и ночь над ним висел табачный смог.
Сквозь него мерцал призывно Млечный Путь.
В недрах века, словно «питерский Ван Гог»,
Звёздной ночью он искал Вселенной суть.

Втиснув в скобки мириады дальних звёзд,
возводя их в сотни тысяч степеней,
и помножив на кометы длинный хвост,
он всё ближе подбирался прямо к ней.

Не переставая ни на миг
вычислять, прикидывать, сверять,
он писал Вселенной тонкий лик.
Забывая бриться, есть, и спать.

С лыжной шапкой нацепив пиджак,
шёл за куревом в ближайший магазин.
Собирая комментарии зевак:
«Психов, что-ли, выпустили, Нин?».

Он не слышал. Он шептал: «Аль-де-ба-ран...»
Кеды сами шли знакомою тропой.
С пачкой начатой топорщился карман.
Ни секунды не терять! Домой!

Дни сменялись днями. И Луна
с Солнцем замыкали вечный круг.
Свет настольной лампы допоздна...
Он не спал, курил, не спал... И ВДРУГ...

...ночью — посмотри на небосвод.
Как глубокий, величественный, тихий!
Где-то в Питере по-прежнему живёт...
как там люди говорили? Псих?...

г. Краснодар

Анатолий Чигинцев

А сверху синий небосвод

Новая тема ...

В глаза твои я посмотрю:
В них ритм жизненный искрится
Ваши творения люблю —
На них всегда буду молиться.
Без пафоса уйду в себя,
За тему новую возьмусь;
До следующего сентября
В листве осенней пропишусь

Прекрасная пора

Весна — прекрасная пора,
И всё в округе расцветает.
Проснётся матушка земля,
Цветы головками кивают.
Гуляет ветер по листве,
В порывах утренних играет;
Притихнет при ночной луне
В себя порывы убирает.
А сверху синий небосвод
Рисует радуги цветные.
Пацан, соседский губошлёп,
Цветы срывает полевые
Я сердцем песни пропою;
Я сердцем чувствую напевы
И каждый год весну люблю;
Душа для радости поспела.

Волк и корона

Волк ночью шёл громить овчарню —
Коронавирус охладил.
Казался случай не печальным,
Интриги серый обходил.
Что за корона за такая?
Откуда? С чем её едят?
Пока ещё никто не знает,
На всякий — оградить волчат.
Волчата лязгают зубами:
С охоты волк пришёл пустой;
Бежал окольными дворами
Уже совсем не молодой.
Зима с метелью поджимает,
Корона косит на повал...
Волчара с овцами играет —
Был приглашён на сытный бал.
И от обильного застолья
Душой немного подобрел.
Баран сидел у лукоморья
Но рог воткнуть в оскал успел.
Неравный бой недолго длился —
Волк восвоёси убежал;
Зато наелся и напился,
С рогатым вновь повоевал.

Ну что сказать: не тут-то было —
Овчарня снится по ночам.
Гнездо волков пора на мыло —
Бараний рог не по зубам.

с. Чесма

Манящие огни Армавира

В начале декабря, на излёте золотой, как многим потом казалось, эпохи «застоя» десять студентов-электромехаников пятого курса политеха отправились поездом в Армавир на трехмесячную преддипломную практику. Дорогой выпили и играли в карты. Ехали почти сутки.

Утром на заснеженном перроне их встречал представитель электротехнического завода. Прямо с вещами приехали в заводоуправление, прослушали инструктаж по технике безопасности и отправились заселяться в Дом колхозника. Долго мчались рейсовым автобусом по залитым ярким солнцем улицам, почему-то вышли не на своей остановке, из-за чего пришлось изрядно пилить пешком с тяжелыми чемоданами. На постоялом дворе Центрального рынка их радушно встретили и поселили в одной большой комнате.

Вечерело. Поужинали в столовой неподалёку и всем табором отправились осматривать достопримечательности города: базар, магазины, кинотеатры, площадь Ленина с великолепным современным облицованным белым мрамором высотным зданием городской власти. Снег сверкал и переливался разноцветными искрами в свете фонарей. Поразило обилие парков, бульваров и аллей, пересекающих город сплошными полосами вдоль улиц по всем направлениям.

Армавир — город, продуваемый всеми ветрами — сразу понравился Арсению неизъясным своеобразием. Что-то в нём было трогательное, берущее за душу: что-то поэтическое, южное и восточное одновременно. Да и люди были какие-то особенные, открытые, спокойные, уверенные в себе.

На заводе, который стал представляться большим и слаженным единым организмом, каждому студенту выдали белые халаты и назначили руководителя практики. Наставником Арсения стала Валентина Ивановна, ведущий технолог средних лет. Она постепенно, день за днем, обучала премудростям написания техпроцесса, водила по цехам, показывая всю цепочку изготовления маленького электродвигателя постоянного тока, ставшего темой дипломного проекта. Кому-то достался асинхронный двигатель холодильника, кому-то коллекторный для кофемолки...

Арсению нравилось смотреть, как пожилой токарь снимает резцом с вращающейся детали свивающуюся спиральную стружку, которая от нагрева тут же окрашивается в радужные цвета побежалости. Увидел, как шлифуют валы, как точат медные ламели, из которых после опрессовки пластмассой и фрезеровки получают коллекторы, как штампуют листы электротехнической стали, как наматывают в пазы ротора на станках-автоматах тонкую медную проволоку, как собирают статор, подшипниковые узлы и электродвигатель целиком. И пришло удивление, почему миллионы людей не знают ничего этого и спокойно живут изо дня в день.

По вечерам, возвращаясь в Дом колхозника после целого дня знакомства с техпроцессами на заводе и прогулок по городу, студенты допоздна слушали радио, играли в карты, курили, иногда пили вино или пиво. Арсений и Вадик обычно не участвовали в этих мероприятиях и занимались своими делами. Вадик писал письма девушке, листал журналы, а Арсений погружался в очередной том Фейхтвангера из заводской библиотеки. Некоторые поразительные места зачитывал вслух. Ребята высказывали свои соображения.

Высокий и белобрысый Серёга иногда брал гитару и напевал лирические песенки, среди которых попадались вольные переводы из «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Особенно часто напевал мрачно-отчаянную композицию Мика Джаггера:

Что будет, если всё окрасить черным цветом?
Деревьа чёрные и чёрные цветы...

Под Новый год почти все разъехались домой. В Армавире остались только Арсений с Николаем, человеком практичным и основательным, который со второго курса каждое лето работал в стройотрядах сначала комиссаром, а потом командиром, прокладывая линии электропередач в глухие отдаленные села.

— Что-то не очень хочется встречать Новый год в этих стенах, — сказал Николай. — Может, съездим куда-нибудь? Скажем, в Кисловодск. Красивый город, горы, романтика. Я там был лет шесть назад.

— А я ни разу не был. Все летние каникулы только по стройотрядам мотался. Едем!

Утром встали пораньше, затемно. Долго ожидали на остановке автобуса, ёжась от холода. Наконец добрались до автовокзала, билеты были куплены накануне, и оставалось еще около получаса до отправления. Хотели позавтракать, но буфет оказался закрыт...

За пару часов добрались до Минвод и пересели на электричку, которая доставила их на кисловодский вокзал. Сразу попали в какой-то иной волшебный мир среди красивых поросших деревьями гор. Снег лежал лишь кое-где островками. Поражала какая-то особенная тишина, которую лишь изредка нарушало резкое шуршание автомобильных шин.

У Арсения самое острое воспоминание первого посещения Кисловодска — киоск со старинными книгами в центре. Там было собрание сочинений Конан-Дойла ещё тысяча девятьсот, кажется, седьмого года, которое стоило триста рублей; издававшиеся при жизни авторов стихи Бальмонта и Северянина (тридцать пять рублей), журналы, подшивки старых газет; были ещё прижизненные Достоевский и Пушкин — чудом не развалившиеся тома... и всё притягивало, как магнит. Он — девятиклассник — подолгу простаивал перед стеклом, сожалея, что не было денег. Если бы были, всё бы скупил!..

Теперь ему было не до книг.

Дорогой им сопутствовала пасмурная, холодная погода, а здесь в горном оазисе светило солнце, морозец самый маленький, и пахло весной.

Николай оказался в городе-курорте впервые и не мог скрыть восхищения. Поселились в гостинице «Кавказ». Вечером пошли погулять по городу, очень вкусно и недорого поужинали в столовой, попили противной теплой минералки в нарзанной галерее, утешаясь тем, что она весьма полезна при беспорядочном образе жизни студентов, потом посетили магазины.

Купили бутылку красного краснодарского шампанского, лимонад, колбасу, конфеты и отравились в свой номер. Часок выждали за разговором, пока не захотелось есть, откупорили бутылку. Произносили тосты за старый год и наступающий новый. На душе у Арсения стало тепло, как уже давно не было.

— Эх, какую девушку ты упустил! — вспомнил Николай.

Он был старше на два года и порой не отказывал себе в покровительственном тоне бывалого человека.

— Так я не очень-то и хотел.

— Лучше честно скажи, что не повезло. А может, оно и к лучшему. Женишься на красивой, а потом всю жизнь будешь сомневаться, твои ли у тебя дети.

...Та барышня с экономического факультета была чрезвычайно хороша собой: вся так и лучилась счастьем. Эдакая обворожительная богиня удачи, спустившаяся с небес. От неё многие теряли голову.

Прошло около года с тех пор, как небожительница покинула их город и забыла о нём и, заодно, наверное, обо всех, кто был до него. Говорят, старая любовь не ржавеет, поэтому прошедшее время в таких случаях не очень-то уместно...

Оставаться в городе, в котором не было её и всё о ней напоминало, было невыносимо. Он всё больше погружался в какой-то иррациональный мир одиночества. Окружающие люди со своей бессмысленной деятельностью казались нелепы. Учёба, книги, рок-музыка и спорт потеряли всякий интерес. Практика в незнакомом южном городе оказалась как нельзя кстати...

Покончив с закуской и игристым, улеглись в кровати. Так и заснули незаметно, не дождавшись боя курантов, слушая радио и болтая.

Расставшись утром с однокурсником, который благоразумно решил вернуться в Армавир, Арсений еще не знал, куда поедет. Решил дойти до автовокзала. Хотя утром морозило, сейчас пригревало солнце, воздух был свеж и чист, как нарзан, и хотелось совершить что-нибудь эдакое. Стал изучать расписание. Хорошо бы уехать в Тбилиси. Но в кассе сказали, что автобус туда ходит только летом. Отказываться от путешествия не хотелось, взял билет до Нальчика, вспомнив известную песенку в хриповатом исполнении воронежского барда Комара:

Две полудевочки, один примерный мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик...

Было любопытно, что это за город. Дорога покрылась вскоре густым туманом. Хотя ничего не было видно вокруг, что-то пело внутри. Неподалёку сидела прекрасная черноокая девушка-горянка. Хотелось смеяться от неизъяснимого, безотчётного новогоднего счастья.

В Нальчике лежал снег, почти отовсюду видны горы, незнакомая речь на улицах и по радио в гостинице. Старик-кабардинец на вопрос приятеля-русского на улице около пивного ларька: «Как дела?», — бодро ответил с акцентом:

— Спасибо большое, хорошо!

Пиво в Нальчике оказалось неплохим. Продащица, как обычно зимой, добавляла нагретый на электроплитке напиток из чайника. Впрочем, многие предпочитали без подогрева. Рядом, отхлебывая из стеклянных полулитровых кружек, стояли у высоких столиков нестарые мужчины в национальных одеждах с кинжалом на поясе. С непривычки Арсений с опаской косился на холодное оружие в антикварных, старинной работы ножнах.

Вечером в гостинице неожиданно навалилась усталость, воспоминания и тоска одиночества.

Утром он направился к гряде гор, тянущейся за городом, чтобы покорить какую-либо вершину. Шёл полдня, до ломоты в ногах и лишь наполовину приблизился к манящей гряде, но путь к ней преградило гигантское ущелье с совершенно отвесными стенами и шумящей далеко внизу рекой. Да и сил уже не оставалось для того, чтобы достигнуть вершины...

А на следующий день — обратный путь в Армавир. Встреча вечером в Доме колхозника с Николаем и вернувшимися с родины однокурсниками.

Наутро поездка на завод, где жужжание пневматических отверток и стук молотков в сборочном цехе казались горной тишиной по сравнению с грохочущими прессами и деловитым гулом токарных и фрезерных станков в заготовительных и обрабатывающих цехах...

На выходные в середине февраля Арсений с Николаем и еще двое студентов, отслуживших до института в армии: Борис и Володя — на вечернем поезде «Кавказская — Сочи» отправились развлекаться в крупнейшую здравницу страны. Ранним утром попали в это царство солнца и курортной неги. Прошлись по вокзалу, осмотрели бездействующий в зимнее время фонтан, купили обратные билеты на завтра и подались в город.

В то время как в Армавире мели ещё февральские вьюги, здесь снега не было — вовсю цвели магнолии, припекало солнце. Пришлось снять пальто и куртки и нести в руках. Арсений, единственный, кто бывал в этом городе, взял на себя роль гида.

В торговых рядах у набережной посмотрели на красивые и интересные вещи, которые им были не нужны и на которые не было лишних денег. Потом увидели небольшую очередь за апельсинами. Все захотели отведать и послать домой экзотических фруктов. На почте апельсины уложили в специальные ящики с отверстиями, забили гвоздями, написали на крышках адреса и отправили.

Настала очередь искать гостиницу. В «Москве» не оказалось свободных мест, зато в «Ленинграде» сняли два двухместных номера на втором этаже. Борис поселился с Володией, а Арсений с Николаем.

В каждой комнате были телефоны, принялись по очереди звонить друг другу и ходить в гости.

Затем снова вышли погулять. Природа Сочи потрясла Николая.

— Вот куда бы приехать на старости лет! — сказал он.

— Почему же на старости? — удивился Арсений. — Ты можешь хоть каждый год сюда приезжать.

— Нет, это не то. Тогда не так интересно будет.

Арсений подумал и решил, что тот, пожалуй, прав.

— Знаешь, Николай, я тебе завидую. Ты видишь всё в первый раз, восхищаешься, а меня уже не так радуют эти магнолии и пальмы. Раньше думал, что чем больше лёгкого и приятного в жизни, тем интереснее. Ты же каждое лето ездил в стройотряды, пока я на пару недель вырывался к морю. И теперь ты не праздный соглядатай, ты получаешь всё как награду за труды, а не как должное, обыкновенное.

— А кто тебе мешал ездить в стройотряды?

— Работать от темна до темна без выходных всё лето? Мне хватало месяца в колхозе каждую осень на уборке картошки или свёклы. К тому же там больше народу и веселее.

Вечером в гастрономе Арсений купил подарочный набор вин из четырёх маленьких бутылочек с одной такой же маленькой бутылочкой пятизвёздочного сорокатырёхградусного грузинского коньяка «Самтрест». Всё это лежало в ряд в красивой картонной коробке с прозрачной крышкой. По дороге попались лимоны, купили и лимоны.

Переночевали в своём номере. Наутро встали бодрые и радостные, как в праздник. Солнце светило ярко прямо в окно. Вышли на балкон. Смотрели на зелёный газон внизу, на субтропические растения, подставляли лица тёплому солнцу и болтали о том, о сём.

— Ну что, давай что ли выпьем твоего коньку, — то ли всерьёз, то ли в шутку предложил Николай, не рассчитывая, что приятель решится раскрыть сувенирный набор.

— Отличная идея! — загорелся Арсений и сходил в комнату за бутылочкой и стаканами.

Николай принёс лимон и, за неимением ножа, разломил его пополам. Арсений разлил поровну в гранёные стаканы густой тёмно-янтарный коньяк.

— Знаешь, какой главный закон в стройотряде?

— Партия сказала: «Надо!» комсомол ответил: «Будет!»?

Николай усмехнулся.

— «Бери больше, кидай дальше»?

— Опять не угадал. В стройотряде самым важным считается сухой закон: «Ни капли на пол!»

Медленно потягивали обжигающую жидкость в прикуску с лимоном и грелись в лучах южного солнца.

— Вот так живут наши студенты, — заметил, смеясь, Арсений. — А ты еще хаял мою прошлогоднюю заметку в «Политехнике» за то, что я расхваливал студенческую жизнь. Да мы самые счастливые люди на земле! Проходить практику на хорошем заводе с современным оборудованием, иметь возможность поехать на выходные в южный курортный город, поселиться в фешенебельной гостинице и утром пить коньяк с лимоном на балконе — кто бы мог об этом мечтать!

Николай ничего не ответил. Помолчав, сказал:

— Эх, Арсений, какую женщину ты упустил!

— Да пошёл ты!

— Не переживай, другую найдёшь. Но такую — уже навряд ли. Что-нибудь слышно о ней?

— Нет. А тебе что за дело?

— Видишь ли, я с ней тоже встречался, правда, недолго, на втором курсе.

— Ничего об этом не знал.

Странно, Арсений не испытал ни чувства запоздалой ревности, ни соперничества. Теперь они оба были просто товарищи по невезению, по волнующим воспоминаниям, оставшимся в прошлом...

Весь день четверо студентов гуляли по берегу холодного лазурно-смарагдового моря, по городским паркам и улицам, насыщенным солнечным светом. Посмотрели в стереокино «Таинственного монаха» — остросюжетный боевик с перестрелками о Гражданской войне.

Вечером, чтобы скоротать время до отправления поезда, зашли в варьете напротив вокзала.

Программа с зажигательными танцами полуголых девиц понравилась каждому в разной степени.

— Девушкам, кажется, уже под тридцать, старухи, — недовольно заметил Володя.

Закуски и вино, положенные по входному билету, закончились, а на новые не осталось денег.

Официант демонстративно убрал со стола посуду и салфетки, чтобы засидевшиеся студенты поскорее убирались, а на их место пригласить новых посетителей, побогаче. Но они из принципа не уходили. Наконец, он не выдержал и вступил в переговоры. Спросил, кто они и откуда.

— N? Как же, знаю. Был там, — сказал он. — Поступал в сельскохозяйственный и не поступил. Тяжёлые у вас люди.

— Жизнь тяжёлая, поэтому и люди такие, — ответил Николай.

— А вы случайно не юрист? — спросил у него официант.

— Нет. Почему вы так решили?

— У вас лицо юриста.

Все посмеялись.

Видя, что разговор затягивается, официант убрал со стола вазу с цветами и отошёл.

Студенты посидели ещё немного из чувства собственного достоинства, затем, не спеша, удалились.

Когда под утро вышли в тамбур и за окном в предрассветной мгле замелькали манящие огни Армавира, у Арсения появилось чувство, будто вернулся домой.

На заводе первым делом зашёл в отдел кадров, устроился грузчиком в сборочный цех развозить по этажам на тележках ящики с деталями, чтобы заработать на новые путешествия, и в тот же день вышел на работу во вторую смену.

До окончания практики оставался ещё целый месяц.

Деревенские байки

Пьяные свиньи

В деревнях, лет эдак тридцать назад, брага была ходовой валютой. Где что привезти, огород ли вспахать, да и после баньки с соседями посидеть. Вот закончилась у моей матери брага. А ставила она её на вишнёвом варенье. В колкâх у нас лесной вишни — пруд пруди. Жалко матери такое добро на помойку выплëскивать, она и вылила гущу в корыто к свиньям. Через некоторое время во дворе крик, гам; в окно выглядывает, а свиньи за курами гоняются. На одну ногу наступят за другую разрывают. Схватила мать ведро с пойлом — решила телёнка напоить да свиней загнать. А свиньи уже и карду сломали, у неё из рук ведро вышибли — бежала бедная до крыльца, а там отец спускается. Она к нему:

— Анатолий, а у нас свиньи с ума сошли, — жалуется она.

— Это не свиньи, это ты с ума сошла: пьяные они от бражки твоей! — заругался отец. Наконец-то, свиньи угомонились, в лужу на дороге плюхнулись и храпят.

Утром родители из дома выходят, а свиньи еле живые, буквально ползут навстречу и стонут.

— Что, твари, с похмелья болеете? — говорит им мать.

А сама побежала, помидоры зелёные маринованные приволокла, в кормушку с водой вылила. Свиньи пьют и от удовольствия хрюкают.

— Ну, чем не люди? Выпили — буйствуют, утром с похмелья маются, — рассуждает мать.

— Ну, не ты бы со своей гущей бражной, свиньи бы никогда похмелье не узнали! — поставил точку отец.

Деревенская история

У моих родителей в деревне Солнце объягчилась овечка, принесла трёх ягнят. Двух кормит, а третьего не подпускает. Стала бабушка из бутылки с соской ярочку поить. Та подросла, похорошела, а от бабушки ни на шаг. Даже в магазин на другую сторону по навесному мосту бежит.

Пришла весна, в табун отдавать ярку рано. А уж трава на взгорках зазеленела. Вот и решила бабушка свою питомицу есть траву научить. А та скачет, не понимает, что от неё надо. Стала тогда бабуля на четвереньки и давай траву жевать — показывает, как надо. Вышла соседка:

— Эй, Ниновья, ты никак на подножный корм перешла? — кричит. Махнула бабушка рукой и пошла к соседке чаи гонять, а ярочка следом.

На другой год в табун отдали. А в деревне смеху-то было: как бабушка вместе с овечкой паслась. Да им что? Лишь бы посмеяться...

«Солнечный круг» — на немецком

Начальную школу я окончила в своей родной деревне — Солнце. А в пятый класс пришлось идти в село Толсты. В школе в Солнце было четыре класса, и нас учили две учительницы, добрые, симпатичные девушки. Они с нами ходили в походы, учили нас готовить еду, а потом приглашали наших мам — и был праздник. Ставили сценки, мы выступали в клубе, и вообще делали много доброго и хорошего, на четыре класса было где-то чуть за сорок учеников. В одной классной комнате обучались сразу два класса.

И вот Толстинская школа: в классе тридцать пять учеников, на каждый предмет другой учитель. А с глубокой осени нас помещали в так называемый интернат: комната девочек, комната мальчиков, и кухня. Кормили плохо, скудно, а ещё была злая повариха — тётя Шура. Немецкий нам преподавал Арент Аркадий Емельянович, немец по национальности. Мы его очень боялись: был строг, попробуй не выучи его урок! Многие русский-то не очень знали: мордва, казахи, да и мы, русские, в том числе.

Однажды Аркадий Емельянович нам задал на дом выучить наизусть стихотворение «Солнечный круг» — на немецком языке. Шёл 1962 год, эта песня на русском языке была

очень модной. В интернате учить немецкий, тем более песню, было невозможно. Я взяла текст и ушла на улицу: там учила, пела, рассказывала с выражением.

И вот урок. Аркадий Емельянович, скрестив руки на груди и раскачиваясь, ходит по классу, зорко вглядываясь, своим одним глазом в учеников, оробевших. Кажется слышен беспоконный стук детских испуганных сердечек.

— Ганова, к доске! — вдруг произносит учитель.

И я, дрожа от ужаса, бегу к доске.

— Выучила?

— Да!

— Пела?

— Да!

— Пой!

Слуха у меня с рождения нет, тем более мне, трусихе, петь при всём классе! И я запела. Противненький, неровный голосок выговаривал:

— Айн зоне вайс,

ин бляу крайс,

дас гате юнге гецайхнет...

Я сама удивилась: ну, не может быть, чтобы я так поскуливала!

Класс молчал, все оторопели, но никто не смеялся. А я пела! Все три куплета, было — не было, исполнила. Вся красная от стыда и всё ещё трепеща от страха, я услышала:

— Молодец, Ганова, пять!

Пять по немецкому! От Аркадия Емельяновича! Это стоило моих страданий.

За всю жизнь, очень долгую жизнь, я больше ни разу не солировала. Потом дорогой наш учитель заставлял нас с немецкого переводить на русский. И из перевода делать стихотворение. Вот уж тут я была на высоте!

— Роте Фане, роте фане, бляст оркестрен гибт фербаит... — и я перевожу:

— Духовой оркестр играет, и трепещет алый флаг.

Шары в небо выпускает юных ленинцев отряд,

Пионеры, октябрята и дошкольники-ребята песни звонкие поют...

Кодировка на дому

В деревнях, и это не секрет, мужики пьют. Это беда прям какая-то. Женщины пытаются бороться всеми силами. Вот одна ярая активистка в борьбе с пьянством, Пелагея, прознала, что в соседнем районе есть бабка, которая кодирует от пьянки, на дому. Собрала эта активистка, срочно, женское, особо пострадавшее население. Обсудили этот, ну прямо горячий, вопрос. И решили: мужиков надо спасать, поэтому и везти к чудо-бабке. Дорога недалняя, машины в каждом дворе, скооперировались — и в путь, человек эдак двадцать мужичков. А управляет ими делегатка от женского населения — Пелагея.

Недолго ехали, устать не успели. Повела страждущих мужичков Пелагея в бабкин дом. Суровая, очень опрятная женщина поставила всех в кружок. Дымком сладким окурила, молитвы почитала и пошла по кругу: «Ты, говорит, сынок, пять лет пить не будешь», другому — три, дальше — четыре... Откуда она эти цифры брала, одному Богу известно.

Так и до Пелагеи дошла, а та стоит и строго за процессом блюдет: ей же перед жёнками отчитываться! Вот и доходит бабка до Пелагеюшки: «А ты, говорит, болезная, два года пить не будешь!» Пелагея еле выдохнула:

— Я-то за что? Не пила ведь совсем!

— Ничего, вреда не будет, — бабка ей в ответ.

А подлое мужичьё в хохот, да такой дикий. Так вот и пострадала за благое дело активистка Пелагея.

Про меру

У Катерины муж запил, да так крепенько. А что? Работы в деревне нет. Скот раз в день Катюша и сама управит.

Соберутся мужики по привычке у конторы, и давай, кто во что горазд. Анекдоты травят, байки с картинками рассказывают, а потом... все по домам ползут на корячках. У других баб мужики-то покрепче, а у Катюши — размазня. Рюмку понюхает — и голова кругом.

Уж по-всякому бабёнка боролась: и ревела, и веником колотила. Нет, ему с мужиками интереснее. Прямо как бес какой-то тянет его к ним. Мужик-то, Коляша, добрый, раньше в передовиках ходил, а ноне — никто! И так его это обижает!

А ещё недостаток: трусоват Колян. Когда тёща умерла, даже в туалет водила его Катя за руку. Так боялся. Тёщенька-то строгая была. Всех в руках держала, а зятка особо. Вот и спит Коляну сон, как раз на тяжёлое похмелье: будто глаза он открывает, а на стуле у кровати Марьпаловна собственной персоной сидит. Как в живых ходила, так и есть. Безрукавка лохматая, из шубы сшитая, шапка вязанная на голове, а в руках — мухобойка!

— Лечить, зять, я тебя пришла. Распоясался, говорят, ты очень: жена плачет, дети страдают, — да по мордам Колю, хлопушкой, по мордам. — Хлётко так и обидно.

Заплакал Коля, а тут жена входит:

— Чего слёзы льёшь? Поди, выпить хочешь?

— Нет, — мычит Коля. — Mamka твоя приходила, побила вот меня.

— Ну, вот ты и матери покоя... не даёшь. Лежать ей спокойно, от трудов праведных отдыхать бы, а тут ты куролесишь всё.

Эдак с полгода не пил мужик-то. Всё чего-то дома по хозяйству ладил, руки-то у мужика золотые.

Прошло полгода, как-то подзабылось всё, Колян и рискнул — погулял с мужиками. Ночью в туалет приспичило. Рукой вокруг себя шарит, а тёща рядом лежит! В мохнатой своей безрукавке, шапке вязанной — и хлопушка наготове. Заорал Колян, а звука нет, писк мышинный из груди идёт, и всё! Сознание мужик потерял. Утром встал, голова с похмелья болит, голос пропал, а на щеке след от хлопушки.

Вот так тёщенька и отучила зятя. Лет десять прошло, нашёл Коля в чулане жилет проклятый лохматый, и шапку вязанную, и даже хлопалку не забыл. Сгрёб всё в охапку и в бане сжёг. К мужикам пошёл, хорошо погулял! А тёща, подлая безобразница, к нему в постель голая пришла! Тут не то голоса лишишься, а со страху и откинешься!

— Я теперь, Коля, так и буду к тебе ходить: сжёг ты мою одежду, вот и терпи давай!

Опять мужик пить бросил. Да ну её, эту тёщу. Ведь с того света не лень ей мотаться было, дотошная, ох и дотошная. И Катюха вся в неё, такая же озорная. Утром жена говорит:

— Ты, Коля пил бы по-человечески, в праздники, в выходные. Так пивком когда разговелся, и мама бы лежала спокойно. Легко ли ей с того света тебя навещать? Запомни: не пей, да и с мужиками не связывайся!

И ведь полегчало мужику. Выпил чуть-чуть, пельменей поел, и спать возле телевизора. Дома тишь, благодать, люди уважают. Да и Марьпаловна отдыхает. Оказывается, во всём мера нужна!

г. Троицк

Дмитрий Елусеев

Искусство выживания (секретные материалы) киносценарий

1. **Натура. Нью-Йорк. Улица. Лето. День**

МИССИС СМИТ (*женщина, примерно лет сорока, идет по Нью-Йоркской улице. Вдруг она останавливается, и закрывает рот рукой, как будто бы увидела призрак*).

2. **Натура. Город. Улица. Здание. Лето. День.** На фасаде здания расположена вывеска: «ФБР».

3. **Интерьер. Офис ФБР**

В одном из кабинетов расположились МИССИС СМИТ, её брат ПИТЕР и агенты СКАЛЛИ и МАЛДЕР. МИССИС СМИТ находится в глубоком шоке.

ПИТЕР: Моя сестра утверждает, что только что видела своего мужа — Джона, погибшего 15 лет назад в авиакатастрофе. Это был борт №* * * 11 сентября 2001 года. Там где террористы получили отпор со стороны пассажиров. Как известно, самолет упал, не долетев до Пентагона. Все пассажиры признаны погибшими. И вот теперь Джон разгуливает по Нью-Йорку!

СКАЛЛИ и МАЛДЕР переглядываются.

МАЛДЕР: Так, еще раз. Где это было, и в какое время?

МИССИС СМИТ: В начале первого на углу * * * и * * *.

СКАЛЛИ берет телефон.

СКАЛЛИ: Джонс, нам срочно нужна запись со всех камер в районе * * *. С 12 до 12:30.

ГОЛОС ДЖОНСА: Вам всегда все срочно, Скалли.

СКАЛЛИ: Тут, похоже, нарисовался выживший с рейса № * * * 11 сентября 2001 года.

ГОЛОС ДЖОНСА: Малдер там рядом?

СКАЛЛИ: Да.

ГОЛОС ДЖОНСА: Значит, опять его идеи?

СКАЛЛИ: К нам пришла женщина, которая утверждает, что только что видела своего мужа, погибшего на том рейсе.

ГОЛОС ДЖОНСА: Значит, этот парень просто не сел в самолет. Я сам осматривал тогда место крушения. Там не могло быть выживших. Ну ладно, отправляю вам все записи.

СКАЛЛИ отключает телефон.

СКАЛЛИ: Наш коллега утверждает, что выжить там можно было только в одном случае — не сесть в тот самолет.

МИССИС СМИТ: Мне сказали, что Джон точно сел на тот рейс.

МАЛДЕР: А фрагменты тела?

ПИТЕР: Там практически ничего не осталось. Нам объяснили, что обычно, когда самолет падает, его все-таки пытаются посадить. Здесь же самолет просто врезался в землю. К тому же был сильный пожар.

МИССИС СМИТ: И через пятнадцать лет я вижу Джона, разгуливающим по Манхеттену. Как такое может быть?

СКАЛЛИ: Что ж, будем смотреть.

СКАЛЛИ включает большую настенную панель. На ней запись оживленной нью-йоркской улицы. Некоторое время МИССИС СМИТ и ПИТЕР внимательно рассматривают запись.

МИССИС СМИТ: Вот он! Это Джон!

ПИТЕР: Черт меня побери! Это Джон! Прости, что не верил тебе. Конечно, прошло 15 лет!

СКАЛЛИ (по телефону): Я поставила метку на нужного нам человека.

МАЛДЕР выпроваживает из кабинета ПИТЕРА и МИССИС СМИТ.

МАЛДЕР: Как только все выясним, сразу вам сообщим.

Звонок на телефон СКАЛЛИ.

ГОЛОС ДЖОНСА: Мы проследили его до машины и пробили номер. Владелец — некий Джон Смит. Высылаю тебе его адрес.

СКАЛЛИ смотрит на экран своего телефона.

СКАЛЛИ: У нас есть его адрес.

4. Натура/интерьер. Шоссе. Салон автомобиля. Лето. День

СКАЛЛИ и МАЛДЕР едут в машине. МАЛДЕР за рулем.

МАЛДЕР: Видишь, он даже оставил себе имя и фамилию — благо они у него очень распространенные. Главное для него было не встречать тех, кто знал, что он погиб. Но тут он совершил прокол — через 15 лет попался на глаза собственной жене.

5. Натура. Дом. Лето. День

Машина останавливается у обычного двухэтажного дома. АГЕНТЫ выходят из машины и стучат в дверь. Дверь открывается, на пороге стоит ДЖОН СМИТ — мужчина лет 45. СКАЛЛИ показывает ему удостоверение.

СКАЛЛИ: ФБР. Я агент Скалли. Это агент Малдер. Нам надо поговорить с вами, мистер Смит.

СМИТ: Тогда называйте меня агент Смит.

СКАЛЛИ и МАЛДЕР улыбаются и заходят в дом.

6. Интерьер. Дом. Комната

АГЕНТЫ вместе с ХОЗЯИНОМ рассаживаются в гостиной СМИТА.

МАЛДЕР: Нас не интересует, почему вы скрываетесь. Нас не интересует страховка, которую получила ваша жена в связи с вашей смертью. У нас только один вопрос: как вы выжили, мистер Смит?

СМИТ: Я отношусь к так называемым «выживальщикам». Людям, для которых главным из искусств является искусство выживания. Мы не доверяем властям и не верим в социальные институты, потому что знаем: наша жизнь по-настоящему заботит только нас самих. Итак, 11 сентября 2001 года...

ФЛЕШБЭК. Горящие башни-близнецы.

СМИТ: Для начала, с вашего позволения, я хотел бы немного пофилософствовать и рассказать о том, что творилось в Нью-Йорке в то самое время, когда я болтался в воздухе. То, как видится это мне. В башнях-близнецах было две категории людей. Менеджеры с миллионными зарплатами и обслуживающий персонал: лифтеры, уборщики и т. д. Что сделал обслуживающий персонал, когда все началось? Ноги в руки и бежать! Почти все они остались живы. А что стали делать менеджеры? Бросились звонить в службу спасения, в полицию. Спрашивать, что им делать, когда прибудет помощь? Они продолжали играть в социальные игры, которые принесли им успех. И многие из них погибли.

*ФЛЕШБЭК. Всемирный торговый центр. Офис.
Мимо окон пролетают падающие с верхних этажей люди.*

СМИТ: Получилось, что лузеры и успешные люди поменялись местами. Лузеры оказались успешней в самом главном — в деле спасения собственной жизни. Еще успешней оказался я — спасся там, где спастись было практически невозможно. Но, разумеется, самыми успешными оказались те люди, которые что-то почувствовали и просто не сели в самолет в тот день. И соответственно держались подальше от Всемирного торгового центра. Мы, я имею в виду пассажиров того рейса, быстро поняли, что происходит и что нас ждет.

7. Интерьер. Салон самолета

*ПАССАЖИРЫ-МУЖЧИНЫ пересаживаются на места поближе к проходу.
Один из ПАССАЖИРОВ обращается к СМИТУ.*

ПАССАЖИР: Ты с нами?

СМИТ кивает. Когда МУЖЧИНЫ встают и направляются к кабине пилотов, ПАССАЖИР оборачивается в сторону СМИТА, но видит лишь пустое кресло.

8. Интерьер. Дом. Комната

АГЕНТЫ вместе с ХОЗЯИНОМ сидят в гостиной СМИТА.

СМИТ: То время, которое успешные, состоявшиеся люди тратят на изучение индексов акций и курсов валют, я трачу на всякие странные вещи. Например, на изучение строения Боинга. На то, как можно с пассажирской палубы проникнуть в багажный отсек. И как можно в случае необходимости покинуть самолет.

Виден план «Боинга». Он становится цветным, видна маленькая точка — это СМИТ.

9. Интерьер. Салон самолета

СМИТ заходит в одно из помещений Боинга.

СМИТ: Нет, ребята! Я в ваши игры не играю! И геройствовать не буду. К тому же это и бесполезно.

СМИТ сдергивает с пола ковер. Под ним находится люк.

10. Интерьер. Дом. Комната

АГЕНТЫ вместе с ХОЗЯИНОМ сидят в гостиной СМИТА.

СМИТ: Да, забыл самое главное! Перед полетом я кое-что сдал в багаж.

ФЛЕШБЭК. Аэропорт. СМИТ сдает в багаж большую желтую сумку.

11. Интерьер. Салон самолета

СМИТ пробирается в багажное отделение.

СМИТ: Искренне надеюсь, что багаж не перепутали и моя сумка не летит сейчас куда-нибудь в Лос-Анджелес.

СМИТ находит свою сумку, достает оттуда парашют и надевает на себя.

Здесь он замечает в клетке-переноске маленького рыжего КОТЁНКА.

СМИТ: По-моему, ты слишком маленькая, чтобы умереть сегодня.

СМИТ достает КОТЁНКА из переноски и сажает себе в нагрудный карман.

СМИТ: Сиди тихо и не психуй. И я обещаю тебе: мы выберемся отсюда и будем жить долго-долго и счастливо.

СМИТ делает несколько шагов по багажному отсеку, и в это время самолет резко качнуло. СМИТ с трудом удерживает равновесие, хватаясь за багажную стойку.

12. Интерьер. Дом. Комната

АГЕНТЫ вместе с ХОЗЯИНОМ сидят в гостиной СМИТА. На колени СМИТУ запрыгивает рыжая пушистая КОШКА. СМИТ смеется.

СМИТ: Как видите, у нас все получилось. Это моя Принцесса! Почему я не объявился? С женой мы уже собирались расставаться. И я решил, что самое время исчезнуть. Помните приступ патриотизма, случившийся в те дни? На мой взгляд, совершенно безосновательный. Ведь главная цель государства — безопасность своих граждан. А раз случилось такое — значит, в задницу такое государство. Короче говоря, мое появление снизило бы трагический и героический пафос тех дней. Представляете, столько хороших людей погибло в то время, а выжил я — маньяк-выживальщик, который даже в пассажирский лайнер берет с собой парашют. Честно скажу, я таскал его с собой скорее как талисман и не думал, что мне когда-нибудь придется с ним прыгать. Теперь, когда я смотрю по телевизору какие-нибудь спортивные соревнования и вижу, как спортсмены радуются, выиграв какой-нибудь кубок; я вспоминаю, какой приз мы выиграли с Принцессой в тот день.

13. Natura. Дом. Автомобиль. Лето. День

СКАЛЛИ и МАЛДЕР выходят из дома СМИТА и садятся в машину. Теперь за руль садится СКАЛЛИ. Проводить их на крыльцо, выходят СМИТ и ПРИНЦЕССА. СКАЛЛИ машет им рукой и заводит автомобиль. Машина трогается и выезжает на трассу.

14. Natura/интерьер. Шоссе. Салон автомобиля. Лето. День

Машина едет по трассе. МАЛДЕР звонит по телефону.

МАЛДЕР: Слушай, Джонс, мы нашли выжившего, на том рейсе. Его похитили инопланетяне прямо из самолета. Пока они его изучали, самолет упал. Инопланетяне ему и говорят...

СКАЛЛИ отнимает телефон у МАЛДЕРА. Из трубки слышен голос ДЖОНСА.

ГОЛОС ДЖОНСА: Иди в задницу, Малдер!

СКАЛЛИ (в трубку): Ты был прав. Это пустышка. Там не мог никто выжить.

СКАЛЛИ возвращает телефон МАЛДЕРУ. Он снова набирает номер.

МАЛДЕР: Миссис Смит?! Это агент Малдер. Мы нашли человека, похожего на вашего мужа. Да. Нет-нет. Не он. Точно не он. Да и посудите сами, зачем вам муж, который скрывался от вас 15 лет?

СКАЛЛИ закатывает глаза. МАЛДЕР отключает телефон.

СКАЛЛИ: Что она сказала?

МАЛДЕР: Она сказала: «Идите в задницу, агент Малдер!» Но, по крайней мере, намек я сделал.

Некоторое время АГЕНТЫ молчат.

МАЛДЕР: Насчет инопланетян я не шутил. Есть мантра, изменяющая сознание, — и ты начинаешь видеть инопланетян. Я скинул её тебе на телефон.

СКАЛЛИ бросает взгляд на свой телефон.

СКАЛЛИ: Дибиви, дибеве казажаж... Что за белиберда Малдер?!

МАЛДЕР: Скалли, если ты когда-нибудь попадёшь в безнадежное положение, например, тебе поставят рак в последней стадии, или ты окажешься на борту падающего самолёта, то просто прочитай вслух эту мантру, и они помогут тебе.

СКАЛЛИ: Но почему они нам не помогают?!

МАЛДЕР: Помогают. Надо просто попросить.

15. Натура. Шоссе. Автомобиль. Лето. День

Автомобиль с МАЛДЕРОМ и СКАЛЛИ набирает скорость.

г. Санкт-Петербург

Олег Иванов

Собачья верность

«Братья наши меньшие», — казалось бы, элементарное изречение. Но на самом деле мы, люди, считаем себя хозяевами природы. Порой не понимаем правильно или не хотим понимать ту преданную любовь собак, кошек, лошадей, к нам, людям. Их беззаветная любовь к хозяину, к хозяйке, впрочем, это неважно, важно другое, что за каждое приручённое к себе животное надо отвечать, так как они тебя любят.

Эти живые существа любят нас, людей, безответной, преданной любовью до конца своих дней.

Я хочу рассказать одну историю из жизни одной такой собаки по кличке Полкан.

Деревня Герино, что в Тверской области затерялась в глухих лесах, затерялась так, что от пятисот дворов осталась одна жительница — баба Маша и её верный друг Полкан.

Шестнадцать лет назад деревня еще жила, были соседи у бабы Маши. Как-то весной заглянул к ней старый знакомый Макар, он всю жизнь проработал лесником: до войны да и после неё.

— Мария Ивановна! Можно к тебе? — с порога зычным голосом спросил Макарыч.

— Заходи, что стоишь в дверях как неродной.

— Ивановна, я ненадолго. Вот принес тебе подарок, принимай зверюгу.

Он из-под фуфайки вытащил маленького щенка.

— Мария, забирай. Сучка моя, Вербка, принесла десять штук, я, старый, проглядел их, не утопил, пока слепые, а зрячих не могу, рука не поднимается. Вот всех раздал, остался последний, заberi, пожалуйста.

Она взяла кутенка в руки, тот с любопытством стал её рассматривать, потом принялся лизать её пальцы.

— Кобелёк, и по лапам видно — большой будет, не понимаю, где моя Вербка нашла такого кобеля.

— Ну что ж, давай, Макарыч, заберу, пусть живет.

Мария Ивановна Соболева всю жизнь прожила в этой деревне, отсюда проводила на войну отца, мужа, двух братьев. Вернулся обратно лишь её муж Кузьма, пришел в сорок пятом израненный, измотанный войной, маленько оклемался, дом родительский перестроили, дети пошли: сначала сын Василий, потом две дочки-погодки, в общем, как у всех людей после тяжёлой и страшной войны.

Дети подросли, окончили школу, уехали учиться в города. Кузьма вскоре от военных ран ушел в мир иной, осталась Мария одна в большом доме. Нет, летом приезжали дети, привозили внуков.

— Ну, давай будем знакомится — я Мария Ивановна, хозяйка этого дома.

Щенок с любопытством смотрел на новую свою хозяйку, обнюхивая её руки — они пахли молоком и хлебом.

— Ладно, пойдем во двор, дел много, да как тебя назвать? А, будешь Полканом, пожалуй.

Так Полкан стал жить в этом доме, хозяйство у Ивановны было небольшое: коза, куры, огород.

Полкан деловито обошёл двор, знакомясь с обитателями подворья.

Весна пролетела своим чередом, летом к хозяйке приехали внуки. Увидев щенка, который за весну подрос, от радости прыгали, трепали его нежно за голову. Сначала Полкану это не очень нравилось, но он понял, что они дети, любимые внуки хозяйки. Целых два месяца они были вместе, бегали в лес, на озеро, вечером хозяйка кормила внучат блинами с молоком, также наливала в миску Полкану молока, крошила туда блинчики, приговаривала.

— Ешь, Полкан, расти большой.

В августе внуков забрали в город, они остались вдвоём. На то время деревня еще жила, была колхозная скотина, техника, люди работали, зимой по вечерам хозяйка запускала Полкана в дом, он вальяжно ложился на коврик возле дверей, положив голову на лапы, наблюдал за хозяйкой. Поужинав, накормив своего питомца, брала в руки спицы, начинала вязать носки. Полкан подходил к ней, клал голову на её ноги, тихо дремал, лишь на стене тикали часы-ходики.

Так незаметно пролетело пять лет, Полкан превратился в большого пса, было видно, что отец был овчаркой. Они за это время научились понимать друг друга с полувзгляда, было видно, что хозяйка стала сдавать, подворье уменьшилось, лишь коза оставалась по-прежнему в хлеву.

Внуки подросли, перестали ездить, письма да открытки приходили. Она брала письмо, разворачивала листы тетрадной бумаги, хитро улыбаясь говорила:

— Садись, Полкаша, буду читать тебе письмо.

Полкан садился напротив хозяйки, внимательно слушал, как она читает письмо.

А еще Полкан заметил, что жильцы деревни стали уезжать семьями, кто на лошадах запряжённых в подводы, кто на автомобилях: загружали свои вещи и навсегда покидали деревню.

А еще через пять лет они остались вдвоем в большой полуразрушенной деревне. Полкан иногда ходил по улице, смотрел на покосившиеся дома, ворота, не понимал: как так, и почему люди уехали, почему покинули свой отчий дом? Он возвращался обратно к своей хозяйке, лизал нежно её пальцы, которые были натружены от тяжёлой работы, пока была молодая, смотрел в глаза, и понимал что она, любимая хозяйка, совсем сдала: ходить стала медленно, часто дышать... Бывало, сядет на стул возле окна, поглаживая голову собаки, устремит взгляд вдаль и, почти не моргая, смотрит долго туда, в прошлое, вспоминая ту жизнь: до войны, войну, как муж вернулся, потом вздохнет тяжело, смахнёт одинокую слезу, тихо скажет:

— Ну вот, Полкан, мы с тобой остались совсем одни.

Осенью она слегла, Полкан ходил возле неё, не зная, что делать, от тоски визжал, или от того, что ничем не может помочь своей хозяйке.

Но на счастье приехала на лошади почтальонка Вера, привезла пенсию, кой-какие журналы, газеты, она раз в месяц приезжала.

Зашла в дом. Полкан бросился к ней, виляя хвостом, скулил, даже подлаивал, мол, пошли быстрее, хозяйке плохо.

Вера все поняла, сняв пальто, накинула на себя уже дранный синий халат, наносила дров, воды, затопила печку, стала варить еду... По дому медленно расплывалась тепло.

Усадив хозяйку, принялась кормить бульоном.

— Мария Ивановна, вам бы в больницу надо, там подлечат и всё такое.

— Эх, Вера, старость не лечится, к сожалению, да и пора мне туда на старый погост, копчу небо только зря. Вера, там за иконой узелок, достань пожалуйста.

Вера достала туго завязанный большой носовой платок.

— Ты, дочка, меня не перебивай, пожалуйста, тут деньги на похороны, адреса детей моих, там, в шкафу, смертная одежда, ты её достань, положи на комод, а завтра отправь телеграммы детям. Всё, Вера, отжила я своё, и, самое главное, собаку пристрой или забери себе, а теперь ступай с богом, я буду отдыхать.

Полкан смотрел на это всё и понимал, что что-то не так.

Через день приехали люди, дети хозяйки, они не суетились делали все четко, Полкана закрыли в амбар,

Сколько, он там просидел не знает, сидел тихо с надеждой, что сейчас хозяйка откроет дверь, выпустит его на улицу, нальет молока, скажет, мол, кушай, мой верный друг.

Но дверь открыла Вера, строго тихо сказала.

— Извини, Полкан, про тебя совсем забыли.

Он выскочил на улицу забежал на крыльцо, но дверь в дом была на замке, первый раз за шестнадцать лет она была на замке, он пробежал вокруг дома, заглянул в огород, но там не было её, его хозяйки, неужто бросила, уехала, как все, без него.

Вера, утирая слезы, глядя его по спине, тихо сказала:

— Я через неделку приеду и заберу тебя к себе, обязательно приеду (но так и не приехала, то ли забыла, то ли дела поважней).

Так он, не понимая ничего, остался один, он лег на крыльце, положив морду на старые обрезанные валенки хозяйки, которые почему-то остались стоять на крыльце, из его глаз текли слезы то ли от старости, то ли от непонимания, где его любимая хозяйка, его Ивановна.

Так незаметно прошёл сентябрь, рыбаки, узнав про него, завозили ему еду, кто кусок хлеба, кто еще чего. Полкан смотрел на них, он был им благодарен, но также оставался лежать на крыльце, он боялся: вдруг она придет, а его не будет, и, как раньше, будет его ругать без всякой злобы, мол, куда делся сорванец.

Октябрь своими ветрами гнал последние листья, утренние морозы покрывали инеем спелые алые гроздья рябин.

Этой ночью приснился ему сон: хозяйка пришла во сне веселая, в алой цветастой шали, стала гладить его своими нежными руками, приговаривая:

— Ну что разлегся, друг мой, пора и тебе идти за мной, утром беги на старый погост, там меня найдешь.

Чуть заиграла утренняя заря, пробиваясь сквозь тяжелые снеговые тучи, Полкан тихо пошел на старый погост.

Октябрьский вечер опустился на опустевшую деревню, серые тучи низко ползли над крышами домов, задевая печные трубы, ни в одном окошке не загорится света, нигде из трубы не пойдет дыма. Еще мгновение, и пустая полуразрушенная деревня утонет в темном мраке, еще одна деревня исчезнет с карты великой России.

Первый снежок пойдет с утра, засыпая полуоблезлый бок Полкана, который нашел свою хозяйку, уткнувшись носом в еще не совсем замерзшую могилку, наконец встретится с ней, со своей Ивановной.

Оставшийся верным ей до конца своих дней последний жилец деревни.

Я вновь приехал сюда на свою малую родину, чтобы простится с ней навсегда, и лишь одни голые фундаменты, заросшие травой, бурьяном смотрят на меня с унынием, и в душе тревога, на сердце маленький рубец.

Уходя, оставляю частицу себя здесь, я прощаюсь на века с малой моей родиной.

Вот возьму и приеду в деревеньку свою
И за рощей дорогой до неё я дойду.

Вот возьму и приеду в край, где детство жило.
Окунусь с головою я в родное село.
На погост сделав робкий я шаг,
Где кресты, где родные лежат.

Вот возьму и приеду в деревеньку свою.
По тропинке я узкой до колодца дойду.
Там водицей студеной душу я напою.

Я приехал, вернулся в деревеньку свою.
А в душе словно пропасть, я её не найду.
Не найду я колодца, не найду отчий дом.
Там фундамент стал с бурьяном вдвоём.

Бурной речки не видно вдали.
Унесли её, видно, с собой журавли.
Ухожу из деревни, на века ухожу.
Уношу в своём сердце, память, святость твою.

За спиной на погосте покосились кресты.
Вымирают деревни на просторах Руси.

Малиновый хор

Я вновь возвращаюсь в свою деревню, где родился, где вырос.

Пусть реже и реже, но все равно стараюсь хоть на недельку бросить городские каменные джунгли, чтобы прикоснуться вновь к своим родовым корням, да и родни близкой не осталось: кто помоложе, уехал в райцентр либо, как я, в город, а старшие все лежат на погосте: отец, мать, тетки, дядьки... всех не перечислишь.

Не доезжая до деревни, останавливаю машину. Там, за рыжей горой, течет речка, она всегда полна воды, лишь только весной шумит громко, клопоча паводковой водой, уносится вдаль, потом успокаивается, течет чуть заметно. Рядом по берегам лежат заливные луга, по ним ходят важно дикие гуси, переваливаясь со стороны на сторону, отъевшиеся, готовятся к отлету на юг. Видя это все, я невольно мыслями и душой ухожу в далекое детство, и только сейчас, когда разменял больше половины жизни, понимаю что детство — это самое лучшая пора человека, по крайней мере, для меня точно.

Я спускаюсь по чуть крутому берегу, на ходу снимая ботинки, носки. Босыми ногами ощущаю мягкую траву, подхожу к родному берегу реки, опускаю руки в воду, зачерпнув в ладошки воды, с большим удовольствием пью её. Вода льётся сквозь пальцы, я вновь набираю и вновь пью родную свою воду.

Вот и в этот раз, напившись воды, сел на бережок — вдали, как и прежде, ходят дикие гуси. Тут места заповедные, охота на них строго запрещена, вот они непуганые и сытые. Глядя на них вспоминаю, как я с дядей Колей поехал на ночную на рыбалку, мне тогда было лет пятнадцать, но в памяти все, словно сегодня.

— Так, племяш, сегодня поедем в ночное на острова, там сейчас хорошо щука берет, так что готовься: вечером пойдем на лодке, в общем, как положено.

Я не мог дожидаться вечера — мне казалось, день тянется словно резиновый, но вот к воротам подъехал трактор, из него выскочил дядя Коля.

— Племяш, ты готов к рыбалке?

— Да, готов, дядя.

Небольшие сборы: еда, снасти. Спускаемся к реке, там привязана лодка, и уже на ходу — вслед нам окрик тети Полины.

— Коля, племяша не простуди, аккуратней.

— Не волнуйся, он же мужик, всё будет хорошо.

Лодка отчаливает от берега, дядя Коля умело гребет вёслами.

Я опустил ладошку в реку, разрезая ею воду, чувствую её вечернюю прохладу.

Вскоре лодка мягко уткнулась в песчаный берег.

— Ну вот, Серёга, прибыли, давай разгружаться.

Закончив с разгрузкой, дядя Коля достаёт небольшую сеть.

— Сейчас мы на ужин поставим небольшую сеть, пока костер разведем, пока что, а там будет уже улов небольшой. Нам хватит на уху, да и не только нам.

— А кому еще, дядя Коля?

— Как кому? Вот попомни моё слово: через часик-полтора, а то и раньше егеря Антонов Коля пожалует, будет строго с нами разговаривать. Ну, ты не пугайся, хоть он и зануда, но правильный мужик, таких егерей побольше — смотришь, и природа-матушка была бы посвежей.

Вскоре запыхал костер, сухие дровишки то громко, то тихо потрескивали в огне, языки пламени завороченно плясали свой неповторимой танец, то медленно, то в быстром темпе, при этом облизывали днище котелка, в котором варилась свежепойманная рыба.

— Запомни, Серега, чтобы уха была вкусная, наваристая, не жалея рыбы. Сначала отварим окуньков в марле. Как будут готовы, вытащим их и выбросим, заправим уху картошкой, всеми необходимыми специями, и только когда картошка будет наполовину готова, опустим хорошую рыбу: в данный момент щуку, она варится быстро, как раз с картошечкой и дойдет, уха будет жирная и наваристая.

Запах ухи медленно расплзался вдоль берега острова.

На воде послышался всплеск весел, из темноты послышался голос, но он был больше похож на окрик.

— Кто на острове, отзовись?

— Николай Петрович, это я, Дементьев Николай, не узнал, что ли? Давай причаливай. Вовремя подъехал, в аккурат уха готова.

Егеря причалил лодку, привязав её за корягу, вышел из темноты.

— Здорово, Николай, здорово, тезка, проходи, садись, гостем будешь.

— А это чей малец?

— Так брата моего Вовки сын Серега.

— Ох как вымахал, вот только бегал — рубашонка пузырем, да батю я твоего знал хорошо, крепкий был мужик, войну прошел, но раны так и не отпустили его.

— Ладно, Петрович, не будем на ночь глядя вспоминать, присаживайся, давай покушай ухи.

— Я смотрю, сеть ставил, тезка, ох, оштрафую на трешку, будешь знать, хоть ты мне и друг, но перед законом все равны.

— Петрович, вот два щурёнка да окуньки только на уху, а утром пойдем зарю встречать с удочками, по закону разрешено. Да, Петрович, давай по маленькой примем, — дядя Коля достал помятую военную фляжку.

Егерь сначала хотел возразить, но, глядя на фляжку, снисходительно согласился.

— Давай, только немножко. Ох и хитер ты, тезка, ладно, ради племяша не буду сегодня тебя штрафовать, но впредь учти — оштрафую. — Он хотел продолжить дальше, но почуял запах вкусной самогонки. Замолчал, смачно выпив полстакана, закусив хлебом с луком, молча стал смотреть на костер.

Дядя Коля, выпив, тоже закусил ухой. Между ними пошёл тихий разговор, егерь уже не был таковым, был простым мужиком, другом моего дяди Коли.

За этими разговорами я не заметил, как ночь навалилась тишиной, она обняла нас своей темной шалью, и от этой пустоты, словно в пропасти, кружилась голова. Мы попали словно в плен её бесконечности, ночной ветерок, что гулял над нами, это бесконечное небо августа было полностью забито звёздами, Млечный Путь опоясал его, словно ремнем, невидимый молочник нечаянно пролил молоко, сделав белую дорогу. Пламя костра по-прежнему танцевало танец огня, облизывая днище котелка, в котором варился чай, запахи листвы и старого камыша сливались в единый запах. Ветерок по-прежнему нежно трепал волосы на голове, словно заигрывал со мной.

Егерь, приняв еще полстакана, закусив ухой, собрался.

— Спасибо за хлеб-соль, как говорится, но мне пора, надо ещё на один остров сходить, там сегодня молодёжь собралась, напарник уже там.

Он протянул руку мне.

— Раста, сынок, и помни: я с твоим батей в одном батальоне воевал, смелый был мужик, ты можешь им гордиться. Ладно, Николай, прощевай, спасибо за ужин.

Лодка медленно отчалила от берега, отблеск костра освещал его какое-то время, но ночь забрала его своей лохматой черной лапой.

— Ну, что загрустил, племяш?

— Нет, дядя Коля, всё нормально, просто я не ожидал, что ночью так необыкновенно.

Наступила пауза, я смотрел на небо: там был звездный дождь, они падали, не долетая до земли, гасли.

— Сережа, попей чайку да спать надо ложится, завтра рано вставать.

— Дядя Коля, а ты был на войне?

Он посмотрел на меня, закурил папироску, выпустив дым в небо, сказал:

— Да, Серёжа, был, целых три года, потом ранение: сильно повредили локоть, сам видишь, рука до конца не сгибается, а что делать — работать надо, племяш.

— Дядя, а тебе было страшно там, на войне?

— Запомни, Сережа, и не верь никому, что не боялись на войне, конечно, было страшно, но главное — какой это страх.

Когда меня забрали на фронт, мне было двадцать два года. Я, молодой, здоровый, попал в полковую разведку. Как-то получили задание подтвердить сведения о скоплении противника на одном участке, в общем, прошли удачно в тыл врага, залегли, стали наблюдать. Рядом была железнодорожная станция, там действительно разгружалась живая сила, техника. Они шли по дороге в четыре шеренги, тяжёлая техника, немцы, сытые, весёлые, проходили мимо нас, бесконечный железный поток... Так вот меня тогда обуял страх, я готов был закопаться тут же в землю, лишь бы не видеть и не слышать их. Рядом со мной лежал паренёк, так он закрыл руками уши, уткнулся в землю, а сам дрожит от страха. Старшина понял ситуацию, потихоньку нас оттащил в ложбину да как даст мне в ухо, а кулак у него был здоровый.

— Что, сукины дети, страху глотнули, или забыли, что они по вашей земле идут веселым маршем?

В общем, привел нас в чувство морально и физически, но начальству докладывать не стал.

Вот такая была история, племяш, человек всегда что-то боится просто надо вовремя с этим справляться.

Он замолчал, налив чай в кружки, отхлебнув из фляжки самогонки, причмокнув, сказал:

— Давай ложится спать, племяш, а то зарю проспим.

Я улегся в палатке, долго вертелся, не мог уснуть: в голове крутился прошедший вечер, но сон меня сморил, я провалился в никуда, проснулся от того что дядя Коля тряс меня за плечо.

— Серега, просыпайся, пора, а то проспим зарю

Я соскочил с места, на костре дымился котелок с чаем. Но меня поразила тишина на острове, седой туман обволок речку своим одеялом, густыми кусками плыл низко по земле, трава, еще сухая, не наполнилась утренней росой, ни одной птички, ни одного шороха, лишь в речке нет-нет, да плюхнется рыба, и опять тишина.

— Что, племяш, съежился, замёрз, что ли?

— Нет, просто тишина как-то тянет к земле, что ли.

— Погоди, сейчас начнется, еще минут пять.

— Что начнется, дядя Коля?

— Утро проснется, Сережа.

И действительно, медленно, но уверенно зачирикали птицы, каждая на свой манер, из всего этого получался веселый птичий хор, но на мгновение наступила тишина, и лишь пение одной птички поразило меня.

— Это, племяш, малиновка поёт, ей подпели еще и еще, получился такой малиновой хор, нежный, чистый, как та вода, что протекала рядом с нами.

К полудню наша лодка плавно причалила к берегу, мы, довольные хорошим уловом, стали разгружать вещи.

Из камышей неожиданно вышла девчонка, она в руках держала большую охапку лилий, они свисали у неё на руках, капли воды стекали на землю, на её платице, большие голубые глаза, на носу веснушки, заплетённая золотистая косичка в красную тряпицу, она словно появилась ниоткуда.

— Здравствуй, дядя Коля, — звонким, чистым, словно родничок, голосом поздоровалась она.

— А, здравствуй, Варюша-краса — длинная коса, как дела, соседушка?

— Славу богу, всё хорошо, чего и вам желаю.

— Я смотрю, ты опять бабуле лилий нарвала для настоек всяких.

— Да, дядя Коля, бабушка говорит, что ей очень помогает. Как улов, удачно?

— Да, спасибо, соседушка, удачно. Ты погоди минуту, я сейчас.

Дядя Коля срезал с рядом стоящего куста краснотала ветку, сделал из неё кукан.

— Вот, Варенька, возьми пару щучек, передай от меня бабушке привет.

Он ловко накинул на кукан две щуки, протянул рыбу девчонке.

— Дядя Коля, как-то неудобно.

— Бери, Варенька, угощаю.

Она взяла рыбу, держа в одной руке мокрые лилии, в другой рыбу, звонко засмеялась, прищурив голубые глаза.

— Спасибо, дядя Коля, — звонким, как родничок воды, голосом прокричала она, развернулась, побежала по тропинке вверх к своему дому, звонко шлепая босыми пятками о землю. Наверху повернулась к нам, вновь крикнула:

— Большое спасибо, дядя Коля.!

Дядя посмотрел ей вслед и, словно к кому-то обращаясь, сказал вслух:

— Эх, Варенька, какие ни ставь настои, старость, к сожалению, не вылечишь, да и до неё не каждому дано дожить: то война, то беда, то ещё что-нибудь. (Он словно напроорочил себе судьбу.)

Через год моего дяди Коли не стало: он погиб, спасая соседскую семью из горящего дома. Вышел утром покурить, видит: соседская хата в огне, побежал было до рельсы, чтобы бить набат, но понял: пока будет бегать, сгорят люди, а там трое детей, бабка да дед, накануне из города их дети привезли внуков, сами уехали в город.

Забежал в свой дом.

— Полина, беги поднимай людей, соседи горят. — На ходу опрокинул на себя ведро с водой — и в горящий дом... Вытащил всех, последнего пацана трех лет еле нашёл, он забился под кровать, достал его, через горящие окно выбросил в протянутые руки людей, а сам не смог — обвалилась потолочная балка, накрыв его своим пламенем.

Когда хоронили его в закрытом гробу, впереди несли подушечки с боевыми орденами, медалями. Я смотрел на них и понимал, что у него был свой страх правильный, он смог его победить, заслужив столько орденов и медалей. И опять же в мирное время он победил

этот страх, вытащив людей из огня, он победил самое страшное в человеке — равнодушие и страх.

Я часто, да, пожалуй, всегда, когда было тяжело, вспоминал ту девушку с лилиями, ту речку, и слова дяди Коли: «Не всем дано дожить до старости». Разве памяти надо много: просто помнить чистое, сокровенное в своей жизни, как ту девушку с лилиями.

Околица, лес да тропинка,
Песчаный берег крутой.
О чудо-картина.
Гуляет туман над рекой.

Ромашки, цветение, клевер,
Пронзающий крик журавлей.
Поднимутся клином, исчезнут,
А ты не грусти, не жалеи.

Для памяти много не надо.
Реченька, речонка, ты где?
Девчонка с охапкою лилий
Приснится опять мне во сне.

По долгу службы я, кадровый офицер, а ныне полковник в отставке Сергей Владимирович Дементьев, видел красоты великой своей страны, от который порой захватывало дух, захлёстывала гордость за свою Родину, бывал на прекрасных озёрах, речках, но та ночь — необыкновенная, ласковая — из моего далёкого детства, навсегда останется в моей памяти, та ночная рыбалка, к сожалению, не повторится никогда, те запахи, тот ветерок, он будто хотел мне сказать: «Сережа, детство уходит, которое невозможно вернуть обратно никогда».

Гуси, гогоча, стали подниматься в небо, кружась надо мной, собираясь в стаи, чтобы улететь в тёплые края.

А я, надев носки, ботинки, поправив костюм, как военный китель, по привычке, направился на старый деревенский погост, чтобы поклониться тем, кто мне так был дорог, тем, кто меня наставил на путь истинный.

с. Чесма

Александр Кукушкин

Два Сашки*

роман

Книга первая. Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Двадцать третья глава.

Сашка в раздумье

Сашка читал письмо Мирона потягивая кефир из бутылки, посланной другом.

— Ну, Мирон... в своём амплуа...

Он перечитал письмо ещё раз, отложил в сторону. В душе царила полнейшая пустота. После того как его привезла скорая сюда, в инфекционное отделение, в тяжёлом состоянии, прошла ровно неделя. Для него время словно остановилось. Находясь в больнице, он много размышлял, подробно вспоминал и анализировал все этапы прошедшей жизни. Он ещё и ещё раз перебирал в памяти всё, до мельчайшей подробности, от начала знакомства с Галей и до последнего дня, живя с ней рядом. И много раз, словно наяву он слышал слова тёщи: «Брось её! Она погубит тебя!»

И он который уж раз задавался вопросом, ну что я сделал не так? Может я повёлся на поводу своих необузданных чувств? Да как же я мог так пасть, удариться в пьянку? И жена дяди Гриши умерла, сгорела от самогонки.

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

Вместо того что бы остановить жену, сам повёлся на её поводу. Как такое могло получиться? Эта её постоянная спекуляция в последнее время на интимной близости; вот давай сначала выпьем, а уж потом, пожалуйста, как она говорит, хоть ложкой хлебай.

И что бы он ни вспоминал, перебирая в памяти всё происшедшее, у него возникало всё больше и больше вопросов, но ответов он так и не находил.

...от родителей ушёл в семнадцать лет, как только пошёл работать и начал получать первые свои заработанные деньги, только лишь потому, что отец начал каждый день пить, хотя очень любил и отца и мать. А к отцу, не только сыновья любовь его тянула, к отцу он относился с каким-то ещё не изведанным ему чувством, трепетного благоговения. За его глубокие знания в истории, географии, литературе, хотя и имел всего четыре класса образования. Он гордился отцом, его мастерством. Сколько раз так бывало, что в разгар праздничного застолья, когда собирались все родственники, за ним приезжали с работы и увозили его. «Давай, Михаил Александрович, собирайся, оборудование стало». И порой привозили его уже чуть тёпленького далеко за полночь, да в придачу, как правило, ящик водки. «Всё работает как часы!» — восклицал он. А сколько раз бывало, приходил кто-либо: «Михал Александрович, срочно нужно сделать ключ от сейфа» или ещё какой-либо очень сложной конструкции. И он тут же брал инструмент садился и делал. А уж как он подшивал валенки любых размеров... Левша, наверное, позавидовал бы. Не только со всего района, но и из города, даже из деревень ему везли валенки на подшивку, и другую любую обувь на ремонт. А как играл на разных инструментах: гармонии, баяне, гитаре, скрипке... Бабушка и мать всегда говорили: как какое застолье, свадьба — в первую очередь Мишу приглашали. А то, что он с четырьмя классами, после войны, обслуживал, будучи механиком, первые реактивные самолёты страны...

...и как-то спросил его: «Папа, ты вот такой идейный, честный, а почему ты не в партии?» И он ответил: «Понимаешь сынок, не достоин я быть в партии». — «А почему?» — «Вон, видишь, на балконе пол из досочек?» — «Ну, вижу...» — «Эти досочки я же с работы принёс...» И даже то, что отец мамку изнасиловал — опять же боялся, чтобы... с ней быть. Любил сильно... Вот и мамка говорила: дрался за неё постоянно. И ведь, благодаря именно мне, они тогда не разошлись... Когда папка ударил маму, рассёк ей лицо... Она хотела нас забрать, и уехать в деревню. И бабушка говорила, когда я ей рассказал про этот случай: «Сынок, только от тебя всё зависит. Береги отца, он у вас хороший». Может быть, именно от отца я унаследовал и точность в работе, и игру на баяне и гитаре. Недаром, после ГПТУ, перейдя к самостоятельной работе, меня буквально через три месяца освободили от ремонтных работ в бригаде и поставили на изготовление инструмента и шаблонов, где требовалась очень большая точность и аккуратность. Цех изготавливал гильзы для снарядов. И буквально, требовалась ювелирная работа, точность до микрон, что бы изготавливать инструмент и соответствующую оснастку. Но я ушёл из дома не от отца с матерью, я бежал от отцовского пьянства.

Он взял письмо Мирона и ещё и ещё перечитал его внимательно, так и не находя ни подвохов к нему, Сашке, ни ответов на свои вопросы, которых становилось всё больше и больше. Эта усталая отрешённость и от дум, и от всего. И думать не хотелось ни о чём.

Но проклятые мысли всё лезли и лезли, и грохотали камнепадами необузданных гор. И тут вдруг Сашке вспомнилось одно хорошее выражение, записанное в одном из его дневников: «Сначала в глаза бросается, что он дурак. Лишь потом начинаешь замечать, что он неопрятен, что он неряшливо одет, у него не чищены ботинки, помята рубашка и пр.»

Он с пятого класса вёл ежедневные дневники, куда записывал происходящее за день, ну и, конечно, все понравившиеся выражения, пословицы, афоризмы, вычитанные, либо услышанные. Несмотря на всю свою занятость, он выкраивал время на чтение, а читал он много, запоями. Благо, что у отца была огромная библиотека, где были собраны полные собрания сочинений многих отечественных и зарубежных классиков, да и во многих библиотеках города он был частый гость. И вот теперь, вспомнив это выражение, он вновь начал анализировать отношения с женой.

...вроде умна, начитана, да и за словом в карман не полезет. И первые дни, как только начали жить — такие бурные, тёплые отношения... В доме чистота и уют... Почему же последнее время она постоянно неопрятна... в постели, как холодная лягушка, только молчит, ни слова... и тело-то, всё холодное. Да и в доме всё изменилось: как ни приду с работы — постоянно пьяная, в доме — срач сплошной. И зачем-то постоянно просит меня перетягивать ей грудь, ссылаясь на то, чтобы груди были красивые, чтобы сильнее любил. Но разве в этом заключается любовь?

Сашка тогда ещё не знал, что женщины перетягивают груди во время беременности не только для сохранения красоты груди, при этом пропадает молоко у кормящей матери.

«Может на неё так действует беременность? — продолжал свои думы Сашка. — А почему тогда так пьёт, курит? А этот длительный запой, а ведь скоро рожать. И курит теперь дома, не стесняясь. Ведь на ребёнке всё это может отразиться. Все говорят, что мальчик должен родиться по всем приметам. Все говорят, если живот маленький, острый, значит парень, а если большой, на нос лезет — значит девка. Я её как то спросил, как назовём? Она ответила: «Сашкой». Я спросил, почему именно Сашкой? Ответила: «Я знаю, я чувствую, что ты всё равно скоро уйдёшь от меня. Так пусть же хоть один Сашка останется со мной». И как то загадочно на меня посмотрела. Тогда её утешал, но противиться не стал, что бы ребёнка назвать Сашкой. Впрочем, дед по отцу у меня тоже Сашка и меня в честь него называли. Мирон, конечно, прав. Стоило бы меня как следует отдубасить. Не зря же раньше казаки, зарвавшегося, либо провинившегося казака привязывали к скамье и пороли. Так он после порки вставал, кланялся на все четыре стороны и благодарил казаков, что поучили уму-разуму. И я, хорош гусь. Ладно, выпишусь, пойду к Мирону, пусть морду набьёт, может поумнею. Да, видно, прав Мирон, нечего там выбивать: мозгов то нет, звон пустой».

Он лежал на больничной койке, тупо смотрел в потолок, а коварные мысли, всё лезли и лезли, и словно спрут своими щупальцами обволакивали всё его больное сознание.

Двадцать четвёртая глава.

Поминки

Сашка вышел из приёмного покоя. Резкий морозный воздух ожёг лицо, ударил в лёгкие. С непривычки закашлялся. «Всё, харе прохладиться, вступаю в новую жизнь. К Мирону!»

Валерка открыл дверь. Молча, прошёл к себе в комнату. Сашка закрыл за собой дверь, последовал за ним.

Пока друзья не виделись, Валерка с Танюшкой переехали жить к Валеркиным родителям. Отец Валерия работал начальником газового цеха, а мать, главным бухгалтером металлургического завода и поэтому родители Валеры всегда приходили домой очень поздно, да и по выходным, как правило, тоже пропадали на работе.

Валерий сел и, молча, указал гостю на стул.

— А Танюшка-то где, на работе?

— Чё, партизан, навоевался?

— Скорее, отвоевался.

— В курсе, в курсе... Плохо, старичок, — и он достал с полки томик Чехова.

Открыл на закладках и подал Сашке. Сашка посмотрел.

— Человек в фуляре? Смерть чиновника? Это ты к чему?

Валерка достал с полки томик Куприна, открыл закладку.

— Яма? Ну и что? У отца всё это есть, читал.

— А ты, старичок, подумай, пораскинь мозгами, — и он подул на Сашку. — Слышь, как гудит? Точно, мозгов нет! Ветер гуляет. Перечитай! Может, что и найдёшь для себя новое? Ну, чё: отметим твоё возвращение на грешную землю? — и он достал семисотпятидесятиграммовую бутылку «Агдама». — Специально берегу.

Сашка заглянул под стол, откуда только что Мирон вынул бутылку. Под столом стояло два ящика с вином.

— К чему это?! — он показал на ящики.

— Да вот, ребята придут, поминки справлять будем.

— А кто умер-то?

— Да так, командир... вожачок один.

Мирон налил два полных стакана. Сашку передёрнуло.

— Чё, старичок, никак напился вдоволь? И — без друга?

Сашка опустил голову.

— Не, не хочу.

— Ну, как знаешь, а я выпью, — и осушил оба стакана. — Чё думаешь делать?

— В общагу, к ребятам пойду, а там видно будет.

— Во-во, сходи, проветри мозги-то! Ты, видимо, не в то отделение в больницу-то попал. Надо было туда, где мозги меняют. Говорят, у нас в Челябине, новый магазин открыли, хошь — новую ногу купи, хошь — мозги.

Сашка поднялся со стула, не поднимая глаз на Мирона.

— Ну, я пойду...

— Ладно, топай, да не пропадай, — и он проводил друга до двери.

Потом смотрел ему вслед, пока Сашка спускался по лестнице. Потом подошёл к окну и опять смотрел на друга, пока он не скрылся за углом дома. После, открыл новую бутылку и за один присест выпил её из горлышка.

«Не-ет, не такой он, Санёк. Должен, должен найти выход из ситуации! Но! Лишь только сам! Никто ему сейчас не советчик! Только сам! Сейчас ему ни какие советы не нужны, пусть в себе сам разберётся, тогда и результат будет», — размышлял Валерка...

В общежитии всегда в какой-нибудь комнате пустовали койки. То ребята женились и снимали квартиры с жёнами, то бывали в длительных командировках по всему Союзу.

Сашка зашёл к ребятам из его цеха.

— Здорово, мужики, пустите на квартиру, временно?

— Что, из дома выгнали? Занимай любую из двух.

Сашка, молча, разделся, лёг на кровать, отвернулся к стене. Ребята переглянулись, пожимая плечами...

Двадцать пятая глава.

Сын

Стан стоял четвёртые сутки, шёл ремонт всего оборудования. Сашка сидел в машинном зале, прогонял тестовые программы на ЭВМ.

Прошёл месяц, как он ушёл в общежитие, выписавшись из больницы, но ни разу не пошёл на квартиру, ни к жене, ни к родителям.

Работа — общежитие, общежитие — работа. Ни разу он не появился ни на тренировках, ни в техникуме. Лишь несколько раз звонил он Мирону. Ночью в общаге его терзали тяжёлые думы, да и спал он постоянно в каких то кошмарах. И — спал ли? На работе, он как ни старался, но не мог оторваться от тяжёлых мыслей, которые с каждым днём, лавина за лавиной наваливались на его больное сознание. И вот сегодня он, наконец-то, окончательно решил: всё, хватит, сбежал, как последний сучонок, предал жену, их будущего ребёнка. Галка сидит без денег, а он, как последняя сволочь, эгоист...

Всё! После работы иду к Галке, попрошу прощения! И больше никогда, ни за что не совершу подобного, и никогда, ни за что не возьму ни одной рюмки в рот! И сегодня ему в полузабытье, ночью, приснился странный сон: Галка, его любимая Галка, уходит куда то вдаль, машет ему платочком и зовёт, зовёт его с собой, и всё говорит, говорит, как бы поёт: про-с-ти-и лю-би-мый-й, про-щай-й. А он всё бежит за ней, бежит и всё не может догнать её... Он проснулся в холодном поту.

Едва дождавшись конца смены, он помчался на квартиру к дяде Грише. За этот месяц он настолько похудел, что даже в ремне пришлось протыкать две дополнительные дырки.

Он открыл своими ключами калитку, дом, вошёл в комнату. Комната была пуста. В ней был идеальный порядок. Он постучался в комнату хозяина. Дядя Гриша отворил дверь.

— А, явилась пропащая душа, разгидрит твою качель, в перекись водорода. А Галка, это, вчерась ушла. В роддом. А ты-то, где шлялся? Неуж-то всё в больнице был?

— Да-да. Ладно, дядя Гриша, я побежал, потом поговорим. — И Сашка рванул с места.

Предновогодний город весь сиял разукрашенный разноцветными огнями. Люди ожились. Во всём царил предпраздничная суэта, медленно падал крупными хлопьями снег, но Сашка бежал в роддом и ничего не замечал вокруг.

— А вы кто ей будете? — Пожилая медсестра осматривала Сашку. — Ты погоди, миленький, посиди тут на кушеточке, я — счас.

Тем временем Сашка пробежался глазами по спискам палат: ага, пятьсот одиннадцатая. Смирнова — мальчик.

Через короткое время медсестра вышла.

— Ты, милоч, к окошку иди, деток на кормление понесли.

На каждом окне, с внутренней стороны, были наклеены бумажки с номерами палат и Сашка без труда нашёл нужный ему номер. Вот и Галя. Она стояла у окна и махала ему рукой, но её плохо было видно на пятом этаже. Он помахал рукой в ответ. Она что-то промаячила ему и исчезла. Через некоторое время она появилась, прижимая к груди маленький свёрток, и правой рукой махала ему, Сашке, тыча в окно пальцем. И тут Сашку прорвало: что-то внутреннее, тяжёлое подступило к горлу, и он заплакал. Никогда в жизни он не плакал, даже когда, в детстве, мать или отец крепко били его за малейшую провинность: или не навёл порядок, или не сварил и не накормил младших братьев, да мало ли за что ещё; а отец порол его и приговаривал: «Ты — казак, а казаки не плачут», «Терпи, казак, атаманом будешь». И он терпел, превозмогая боль, и если после порки Сашка продолжал скулить,

то отец непременно добавлял ему: а это — за слёзы. Однажды Сашку побили мальчишки с соседней улицы и он зарёванный пришёл жаловаться отцу. Но отец, вместо того, что бы пожалеть его, Сашку, взял и выпорол его приговаривая: «Сам за себя постоять не можешь?» Поэтому Сашка практически никогда не знал, что такое слёзы. А если, когда вдруг ему было нестерпимо больно, и он подходил к отцу, отец всегда говорил: «Больно? Ты подуй на большое место и всё пройдёт». И Сашка усердно дул. А тут он стоял, смотрел на окно на пятом этаже, и слёзы сами обильно текли из глаз. Но он не отворачивался и не смахивал их и почему-то ни капельки не стыдился. В груди растекалось что-то необъяснимое тёплое.

На квартиру он шёл с гордо поднятой головой.

Войдя к хозяину, он крикнул:

— Дядя Гриша, сын!

— Может, по маленькой за сына-то, а?

— Не-е, всё, амба! Ты уж давай, дядя Гриша, без меня: и за меня, и за Галку, и за сына нашего! А я — всё!

Он зашёл в свою комнату, не спеша разделся, лёг в чистую постель, продолжая улыбаться и так с улыбкой, впервые за долгое время, сладко заснул.

г. Москва

Евгения Матвеева

Целительная сила искусства

Дело было вечером. Оно и понятно, театральные постановки с утра не бывают, с утра только утренники для детей. Но мы люди взрослые, к тому же работники культуры. Вот, решили приобщиться к прекрасному, чтобы наполниться целительной силой искусства, вдохновиться и напитаться вечными истинами. Сообразили на семерых, двоих ещё прихватили по ходу, получилась вполне дружная команда. Наша «каре́та» больше не вмещает.

Правда, в первую дорогу, когда ехали в театр, команда совсем даже не была командой, а так — группой разрозненных женщин как по социальному статусу: начальники и подчинённые, замужние и одинокие, молодые и не очень, так и по настроениям. Одни непринуждённо болтали, другие задумчиво смотрели в окно, а некоторые добирали часы сна, недополученные ночью. Однако предвкушение праздника и обильной духовной пищи объединяло всех, будоражило чувствительные женские сердца.

Вот с таким настроением мы и оказались в Камерном театре областного центра. А пьеса, которую предстояло посмотреть, была не так проста. Спектакль по пьесе Петера Вайса «О том, как господин Мокинопотт от своих злосчастий избавился» — премьера сезона. Написана в тридцатые годы прошлого века немецким драматургом, талантливо переведена Л. Гинсбургом. Долгое время была запрещена, и только в последнее десятилетие зрители смогли увидеть её на сцене.

Невероятно, но как звучит актуально. Главный герой, наивный и простодушный — маленький человек, волею судьбы попал за решетку. Оказался не в том месте не в то время. С кем не бывает? Был женат, исправно трудился, законов не нарушал. А в тюрьме адвокат обобрал его до нитки, хотя дело своё сделал. Героя выпустили. Вернулся домой, жена и на порог не пустила. У нее уже другой. На работе за прогулы его уволили, в больнице чуть не залечили до смерти. Обратился в правительство, а там его так заболтали правильными словами, что в пору сойти с ума. Обратился к Богу, но и там его ждало разочарование. Бог занят, он и сам готов поменяться с героем местами, все «просят и просят, и никакого покоя».

За что ему такие страдания? И ни от кого нет помощи. И нет ответа. Все иллюзия и обман.

Великолепная игра актеров, музыка, спецэффекты, все в стихах. Вопросы заданы, а готового ответа и нет. При выходе из зала все зрители подавленно молчали. Никто не хотел признаваться, что ничего не понял. А правда-то в чём? Да, решили мы, в этом деле без бутылки не разобраться. Домашняя вишнёвая наливочка, по пять капель — не подумайте чего — сделала свое дело. Поэтому на обратном пути в машине разговор стал более оживлённым и общим. Сердца оттаяли, эмоции выплеснулись наружу, каждая высказалась о своем впечатлении.

А потом полились песни. И все два часа, пока ехали домой, у нас был музыкальный марафон. Одна начинает, другая подхватывает. Кто-то знает первую строчку, а другая только концовку. Но вместе у нас все получается.

- Пора-пора-порадуемся на своем веку....
- Вот новый поворот, что он нам несёт...
- Мэри, это твоя первая потеря, хватит плакать, Мэри...
- Огней так много золотых... а я люблю женатого.
- Виновата ли я, что люблю...
- Шумел камыш, деревья гнулись...
- Черный ворон, что ты вьёшься надо мной...
- Выйду ночью в поле с конём...

...Летит автобус по пустой трассе, а внутри такой сплоченный коллектив, такое единение и женская солидарность. И каждая вспоминает и переживает своё. У кого-то ещё всё впереди, а у кого-то только боль потерь и мудрость всё пережившей и выстоявшей в жизненной борьбе личности.

Так одиноки ли мы в этой жизни? Вроде бы правильно, рождаемся одни и уходим одни, и надеяться надо только на себя. А вот собрались бабоньки вместе, затянули душевную песню, и такая поддержка, теплота идёт от каждой, как будто все родные и близкие. Или это тоже обман и иллюзия?

п. Увельский

Ирина Моршчинна

ПЯТЫЙ УГОЛ

Небылицы Хромого, рассказанные Группсом
(сказки для взрослых)

ОСНОВЫ ЧИСТОТЫ МЫСЛИ

— Работал у нас в школе учитель — Чистовик. Он преподавал дисциплину «Основы чистоты мысли».

— И как узнать, чистая мысль или нет? — перебил Группс Хромого.

Хромой нахмурился:

— Если честно, мои знания по «чистым мыслям», так сказать, отрывочны. Мне не нравился этот предмет, как и сам Чистовик. И я часто пропускал его лекции. Кажется, чистая мысль — это внезапная мысль. Я уже и не помню, могу и обмануть. Видишь ли, у нас другие критерии.

Так вот, Чистовик этот однажды перебрал хмельного киселя и вместо своего человека у вас, здесь, пришёл к нашей директрисе. Как он мог перепутать? Непонятно. Понял тогда Чистовик, что может больше, чем раньше. И стал использовать свои возможности в личных целях. Он мог появиться у кого угодно и когда угодно. Все всё видели, но молчали. У нас так просто не навредишь, обязательно аукнется.

Однажды из-за своих хаотичных желаний он оказался у ребёнка здесь, у вас. Это был мальчик лет шести. Без особых церемоний ребёнок забрался Чистовику на колени и обнял его. Потом взял его руку, заглянул пришлому дяде в глаза и спросил:

— Ты мой папа? Ты не уйдёшь?

С того раза Чистовика как подменили. Он теперь приходил только к этому мальчику и не потому, что ему так велели, а потому, что сам так хотел.

И посещаемость его предмета заметно возросла. От слушателей его лекций не было отбоя. Но всё это произошло уже после того, как я окончил нашу «школу». Так люди рассказывают.

Свой разум преподаватель дисциплины «Основы чистоты мысли» засорять не может. Не получится.

Хлебосольная бабушка

— Есть у нас такая профессия — хлебосол, — начал рассказывать Хромой.

Группс не удержался и хохотнул:

— Кто? Ты хотел сказать пекарь или, на худой конец, хлебопёк?

— Нет, именно — хлебосол.

Хлебосолкой у нас работала бабушка Юна. Она была уже старенькой, но никто, кроме неё, не мог в меру посолить тесто для хлебушка. И, чтобы передать свое умение, бабушка

Юна брала с собой внучку Таечку, учила её, что и как нужно делать. Таечка все запоминала, но не хотелось ей рано вставать и жариться в пекарне полдня. Ей хотелось другого — утром поспать подольше, днём на речку сходить с подругами, вечером на танцы сбежать.

А у бабушки Юны очень всё болело: руки тряслись, глаза почти не видели, голова кружилась. И вот пришло время не стало бабушки Юны. Некому стало хлеб солить. А Таечка боялась — вдруг у неё не получится, как у бабушки. И не шла к тестодолам.

Хлеб делать не перестали, но есть его было невозможно. То недосолённым он был, то пересолённым. Народ заволновался. Так ведь и с голоду помереть недолго.

Таечка и сама понимала, что дальше будет хуже. Что без хлебушка их город ждёт голодная смерть. Дети плакали, взрослые худели, болели и не могли выполнять свою работу, как раньше. Во всем теперь виден был упадок. У людей все мысли только о хлебе — вкусном, сытном и таком теперь недоступном.

Тогда внучка бабушки Юны взяла себя в руки и пришла в пекарню. Обрадовались тестодола. Тут же замесили тесто, Таечка посолила его, как учила бабушка. Разложили тесто по формочкам, отправили в печь. С нетерпением Таечка ожидала, когда испечется хлебушек, посоленный ею.

Готовый хлеб сначала попробовали работники пекарни и сама Таечка, конечно. А уж потом отправили его в магазины. Очень вкусным оказался хлебушек. Тестодола и пекари и обнимали Таю, и целовали, и называли Таюшкой, и люди на улицах говорили много приятных слов.

С этого дня жизнь в городе наладилась. Тут и сказочке конец, а кто понял — молодец.

— Это — глаза бояться, а руки делают? — понял Группс.

— Можно и так сказать, но скорее тут — не умеешь, не берись. А то бы целый город вымер.

— А в другом городе нельзя было найти хлебосолов? — Группс удивился, почему столько людей не смогли найти элементарного решения. Даже он, Группс, додумался.

— У нас нет другого города, есть только наш... — выдохнул Хромой, как будто сожалел об этом.

Хромой очень быстро исчез. Группсу на мгновение показалось, что Хромой — это лишь фантазия Группса. Но небылица про хлебосольную бабушку всё ещё вертелась в голове. И, передумав кучу мыслей и всё решив для себя, он спокойно уснул.

Полоса белая, полоса фиолетовая

— Это раньше ей всё было всё равно — фиолетово, как выражается молодёжь. А сейчас она действительно видела свет в конце тоннеля, — Хромой покосился на Группса, — не поймай буквально. — Просто ей стали видны все её заблуждения, с которыми она прожила свою жизнь.

В юности пробелов в её жизни почти не было. Жила так, как понимала, как умела. Когда случился первый пробел, это для неё стало потрясением. Она тогда оклемалась и с новыми силами взялась за работу. Ей как бы дали передохнуть. Вскоре её жизнь снова стала фиолетовой, вошла в свою колею, так сказать.

Со временем пробелы стали случаться чаще. Она всё больше чувствовала себя опустошённой. И вот, когда сил практически не осталось, перед ней и замаячил тот самый свет.

Можно ли прожить жизнь заново? Если бы появилась такая возможность, то как бы она её прожила, свою жизнь? И было бы ей так же фиолетово, как в этой жизни? Все вопросы были риторическими. Она знала ответы и поняла, что это всё — конец её существования.

— Я, если честно, ничего не понял.

— Прости, только что придумал. — Хромой наклонился и достал из мусорной корзины ручку. — Зачем ты её выбросил?

— Она уже не пишет...

— ...и не дышит, — добавил Хромой, — а если стержень вставить? Она проживет ещё одну жизнь.

— Можно подумать, ты ничего не выбрасываешь. Представляю, сколько хлама у тебя дома! — Группс, видимо, правда не понимал.

— У нас всем и всегда даётся ещё один шанс, — слова Хромого повисли в воздухе, а его самого и след простыл.

Засекреченный тюль

— Чайник закипел.

— Ой, забыл. — Группс бросился в кухню.

В этот раз он налил кипятка в две кружки.

— Пей, я не буду, — сказал Хромой и отвернулся к окну.

Они молчали, каждый думал о своём. Хромой как будто с интересом разглядывал старенькую занавеску.

— История про волшебную занавеску, вернее про тюль. Слушай.

В нашем городе стало происходить что-то непонятное. Сначала информация об этих странностях широко не распространялась, люди судачили в узких кругах. Но шила в мешке не утаишь.

Один Умник из «жёлтой» газеты захотел много знать. Это ему нужно было для работы. Он придумал подслушивающую занавеску. Сама занавеска выглядела обычной, только более яркой. Ещё в неё было встроено видеонаблюдение. То есть наш Умник мог не только слышать, но и видеть, что происходит в том или ином месте. Так он собирал материал для своих жалких статей.

Жители города не сразу замечали подмену. Жили своей жизнью. Дома вели себя естественно. Наутро в свежем номере газеты каждый раз появлялась статья, в которой раскрывались все секреты отдельно взятой семьи.

Понятно, что рейтинг газеты стремительно взлетел. Ведь было много и любопытных граждан. Ничего особенного они не углядывали, в том, что вторгаются в чужие тайны. Так продолжалось ещё какое-то время. Газеты со статьями Умника разлетались на ура. Ситуация вскоре стала неуправляемой. В городе уже не осталось человека, у которого была бы хоть какая-нибудь тайна. Кроме самого Умника.

И тогда один расторопный подросток поменял занавески у Умника дома и подключил занавеску к кабельному телевидению. Теперь каждый житель города по телевизору мог наблюдать, как живет Умник. Причём в реальном времени. А Умник, как только обнаружил, что попал в свою же ловушку, по-быстрому собрал манатки и исчез из жизни города и его жителей. Навсегда. И никто его больше никогда не видел.

— Даже не верится, что у вас такое могло произойти. Ты точно не хочешь чай?

— Нет, спасибо.

— Почему?

— Ты уверен, что хочешь это знать?

Группс опустил голову:

— Нет... наверное...

г. Нязепетровск

Валерий Мякушко

Дом на Советской*

Часть вторая

Глава седьмая

Обычно Эллина заставляла мужа в кабинете напряжённо работающим с кучей бумаг, а тут, заглянув, увидела его, в глубокой задумчивости устремившего взгляд куда-то в пространство. И бумаг на столе перед ним значительно поубавилось — часть он отвёз, а часть просто изорвал и выбросил в мусор.

— Ты чем-то расстроен? — спросила его.

— Как сказать... Состояние сродни студенческому после сдачи трудного экзамена и завершения учёбы. Сдачи заказчику продукции, которую долго и с трудом осваивали.

Он поднялся, и они вышли в гостиную. Понимая, что жена ждёт более подробных пояснений, продолжил:

— Я говорил тебе уже, что решением Госкомимущества завод выставили на залоговый аукцион. Как проходил этот способ хищения государственной собственности, одному богу известно, возможно, как везде — кого-то из конкурентов запугивают, а кого-то и отстреливают. Короче, владельцем нашего завода стал некий московский толстосум, или подставное лицо зарубежных фирм — некий Гумберидзе, которого никто в лицо не видел. И на правах

* Окончание. Начало в «Графоман» № 3(47)-2020.

собственника он направил к нам своих представителей, которые вынесли решение — самые современные станки с числовым программным управлением в цехах, где мы производили продукцию оборонного назначения, демонтировать как не приносящие доход и занимающие место, и отправить на металлолом. Мол, военное противостояние сверхдержав прекратилось, такая продукция никому уже не понадобится.

— Извини за наивный вопрос — американцы тоже демонтируют цеха подобного назначения?

— Нет, конечно!

— Как же так?

— А вот так! Так же, как подписываемый с ними договор по сокращению стратегических средств вооружения СНВ-2, по которому мы должны были взорвать полторы сотни шахтных пусковых установок, а они — всего лишь снять с боевого дежурства пятьдесят устаревших ракет. Видишь разницу? Мы обязаны уничтожить все наши тяжёлые многоблочные ракеты — основу наших сил сдерживания как сухопутной державы, переделать нашу структуру ядерных сил в пользу более уязвимых авиационной и морской составляющих. И под давлением Кремля Дума ратифицировала этот унижительный договор, означающий практически одностороннее разоружение России!..

Помолчали, переживая столь неприятную ситуацию.

— Ты сказал всё это тем представителям? — вернулась к заводским проблемам Эллина.

— Конечно!

— И что они?

— Ответили, что людей, несогласных с хозяйственной политикой владельцев, не держим.

— А ты? — уже догадываясь об исходе, всё же спросила она.

— Я? Поднялся и ушёл.

— И что теперь?

— Что? Гм! Теперь... рядовой пенсионер.

— Но собственникам новым понадобятся же управленцы, специалисты...

— Не знаю, кто им понадобится, но я им в услужение не пойду! Перестраиваться и становиться соучастником такого рода капиталистических преобразований не хочу. Не по мне они! Стану просто пенсионером.

— Сможешь без дела? Сомневаюсь.

— Дело найду, конечно, но... какое-нибудь простое ремесло.

Помолчали ещё — Эллина улыбнулась, не представляя мужа вне работы.

— Дарья пишет, что их колхоз раздербанили на пай, с которыми сельчане не знают, что делать. Ведь для обработки и небольших участков нужна техника, а где её взять, и на какие шиши... Начинают распродавать землю.

— Что и требуется реформаторам. А с заводом то же, что давно произошло уже с столичными предприятиями — станки в металлолом, помещения под склады для импортируемой продукции. Московский станкозавод имени Орджоникидзе, инструментальный «Фрезер»... — в результате приватизации остались одни стены! Запланированная кем-то деиндустриализация страны! Просто столица, продвинутая в «демократических» преобразованиях такими либеральными болтунами, как их московский лидер Гаврила Попов, ничего не смыслящими в деле управления государством, впереди этого процесса, периферия запаздывает. Но они уже и сюда протягивают свои щупальца. Уничтожают не только отдельные заводы, научно-исследовательские институты, но и целые отрасли — судостроение, авиастроение, оборонную промышленность... Такого не было даже в войну, Гитлеру не удалось сделать то, что творят наши либерал-демократы!

* * *

Как всегда, к концу дня Бромин поехал проверить выполненные за день близившиеся к завершению отделочные работы в своём загородном коттедже — через месяц-другой уже можно будет переезжать из конуры на Советской. Даже хотел показать всё это великолепие жене, которая занялась бы посадкой растений. Но что-то сдерживало от этого; где-то в глубине сознания возникало сомнение — не случится ли такое, что в коттедж он въедет с кем-то другим... В его окружении так много привлекательных молодых женщин!

На этот раз он несколько задержался, прораба уже не застать, но он и без сопровождения может оценить всё, что сделано. Уже было довольно темно в этот осенний вечер и прохладно. Он включил фары, выставил обогрев и понёсся по улицам, обгоняя другие машины, легко стартуя и оставляя их далеко позади после остановок на светофорах. Быстро выехал за город и, раздвигая дальним светом фар наступившую мглу, под расслабляющее

музыкальное сопровождение, уже минут через десять был в быстро застраиваемом, пока ещё пустующем поселении, у ворот своего коттеджа. Он непременно сделает въезд открывающимися автоматически, но пока приходилось открывать калитку вручную, что он и сделал, выйдя из машины. Постоял немного, глядя на контур воздвигаемого дома, глубоко вдыхая чистый прохладный воздух.

И, ступив во двор, он заметил, что там кто-то есть — неужели, подумал, прораб решил дожидаться его? Но что-то не похож, пониже ростом и стройнее, и движется к нему навстречу молча и подозрительно поспешно.

— Что вы здесь делаете?! — как можно строже спросил Бромин и хотел добавить, чем грозит недозволенное вторжение постороннего в пределы частной собственности...

Человек этот вдруг вскинул руку, и раздались выстрелы; сначала сильно и больно ударило в бок, затем толчок в грудь. Последней мыслью Бромина было сожаление о том, что так и не завёл телохранителя, как ему советовал шеф. Контрольный выстрел в голову был уже на упавшем, сотрясаемом конвульсиями теле.

* * *

Жена Гудкова уехала в Турцию — мол, теперь может позволить себе съездить туда на недельку отдохнуть, о чём мечтала, таскаясь туда с баулами. Но прошло уже десять дней, а её всё нет. Его охватило беспокойство, и он не знал, что же сейчас делать. Позвонил Бурцеву, и тот сказал, что его жена о поездке Веры ничего не знает. Беспокойство нарастало — вдруг произошло какое-то несчастье, и он обязан — кто же ещё? — прийти на помощь. Находится в каком-то безвыходном состоянии, и может надеяться только на него. Но как быть, если оно произошло в другом государстве? Обращаться, и как можно скорее, в посольство?

Он нервно шагал по комнате из угла в угол, не зная что же предпринять, когда раздался звонок:

— Николай Гудков? — послышался незнакомый женский голос.

— Да! А вы кто?

— Я жена врача Шмакова Игоря Родионовича, работающего с вашей женой.

— Слушаю вас, — он напрягся непроизвольно.

— Знаете ли где ваша жена сейчас?

— В Турции, — ещё более напрягся он. — Что-то случилось? Что с ней?

— Что? В Анталии отдыхает с моим мужем. Эта потаскуха поехала с ним на пару!

— Извините, но... выбирайте выражения!

— Иначе про неё не скажешь! — И положила трубку.

Скандалная женщина, видать. От таких мужья и сбегают. Но какова Верка! Как ловко она обманывает его! Предатель! От неожиданности от не мог сказать ничего, только чувствовал, что внутри что-то как будто оборвалось. Впрочем, верность — качество человека, которое отныне не котируется. Единственное, что ценится — успех.

Да, но можно ли верить тому звонку? Впрочем, к этому всё шло, и, если разобраться, в их отношениях, ничего нет неожиданного. Не осталось ничего общего во взглядах на окружающее, только и слышно было: «Какой же ты... зануда!» Устав на работе, он быстро засыпает, а жене не спится — смотрит телевизор. Вечером придёшь — иди на кухню и бери сам, ешь. Читает какие-то женские романы — открыл как-то, а там — самое настоящее порно. А однажды ляпнула, что он... сексуально неполноценен.

— Целый день, таская железки, вряд ли проявишь себя на этом поприще! — ответил ей зло.

— Другим делом займись, — ответила как-то безразлично.

— Это чем же?

А как она стала одеваться?

— Ты не забыла надеть платье? — сказал ей однажды, увидев, что жена натянула туго лосины, выделяющие все части тела, и уже собралась выходить в них.

— А что? Боишься, что уведут? — любясь собой перед зеркалом, ответила она.

— На работу ведь идёшь. Есть же у вас какой-то порядок? А то одеваетесь как... проститутки.

— Скажешь! Мода такая. — И, скользнув по нему насмешливым взглядом, добавила.

— Не волнуйся! На работе мы ходим в халатах...

Он попытался успокоиться, овладеть собой и уснуть, но это не удавалось. Выпить, что ли, для расслабления? Но дома не ничего спиртного. Можно пойти в ночной «бутик», коих развелось немало, но там, скорее всего, продадут суррогат. Сколько народа губят, и никому дела нет до этого преступления самого настоящего. Нет, лучше овладеть собой! Но — увы! — это ему не удаётся.

Может, это мимолётное увлечение, и он должен ради сохранения семьи великодушно простить её? Сделать вид, что он ничего не знает? Может, она ещё передумает?..

Но, даже если это и произойдёт, их отношения с этого момента уже станут другими, потому что он знает: она способна на обман и предательство, да ещё в такой трудный для него час. Они будут чужими людьми, и тогда им всё равно придётся разойтись. Зачем же тянуть резину? Сын вырос. Пусть такая жена уходит к чертям! Или к кому-то там ещё — в этом он не хочет даже разбираться, хотя, надо полагать, женщины уходят от мужей только в двух случаях — когда есть кто-то другой, или жизнь их невыносима, что не скажешь про них. Хотя, может быть, для неё стали невыносимыми ограниченные нынешние его финансовые возможности. Женщины ведь очень чувствительны к этому.

Но не уговаривать же её! Не падать же ей в ноги. В конце концов, он не первый и не последний, кто попадает в такую ситуацию... Да и нельзя прощать ей такой удар в трудный для него период жизни. И ему надо держать удар, психологически перестраиваться и привыкать к новой жизни.

Он так и не знает — спал или нет, или, ворочаясь, просто впадал в забытье, когда зазвенел будильник. Поднялся с тяжёлой, как будто набитой опилками, головой, и тягостным опустошением в груди. Это плохо — впереди десять-двенадцать часов работы.

Вера появилась, как он отметил, ровно через две недели, поздно вечером, когда он был уже дома.

— Как провели время в Анталии? — спросил её сразу язвительно. — Не скучно было?

— Да уж, я такая! — не стала отпираться как-то оправдываться она, зная, что всё ему уже доложили.

Причесавшись перед зеркалом, прошла в комнату мимо него, не глядя на него. Нисколько не сомневаясь в том, что он её, неверную, не то что не ударит, но даже и не оскорбит. И не хотелось от столь романтических дней на замечательном солнечном курорте переключаться на семейные дразги.

Такая резкая перемена отношений покорила его душу. Содрогание вызвал взгляд на её округлую фигуру — на мгновение он представил её голой... в постели с другим.

— Приглашаю вас завтра в ЗАГС, — сказал он как можно спокойнее, не придумав больше ничего иного, чем можно было бы сбить её спесь. — Подадим заявление на развод.

— Прямо таки завтра? — Впервые она взглянула на него открыто и... насмешливо.

— Давай разойдёмся! — сказал он не очень громко и стараясь не выражать эмоций.

— Давай так давай! — ответила она безразлично и пошла в спальную, плотно прикрыв за собой дверь.

Он посидел в некотором размышлении, поднялся, достал из бара бутылку с остатками водки, прошёл в кухню. Хватило почти на полстакана.

— Помянем наш брак!

* * *

Звонок в дверь заставил Комаркову вздрогнуть — никто к ней не заходил давно уж, а сын имел ключ.

— О господи! — увидев двух милиционеров, она испугалась — произошло, знать, что-то нехорошее.

— Разрешите! — отстранив её и оглядывая обстановку, они прошли в квартиру. Спросили: — Сын ваш где?

— Не знаю! Он редко здесь бывает...

— С вашего позволения мы его здесь подождём.

— Если надо... А что случилось?

— Убийство! — не сразу ответил старший из милиционеров. — Подозревается ваш сын, и лучше будет для всех, если его задержание произойдёт без последствий. Может, и обойдётся... И вы можете помочь такому исходу.

— Я... конечно... — пробормотала хозяйка, ещё не зная, встать ли на сторону сына или правопорядка.

— Вот и хорошо! — осмотрел подоконники старший — не выставлено ли каких условных знаков. — К окну не подходить.

— Да.

— А так можете заниматься своими делами, а мы посидим, — сел он за стол и предложил сделать то же своему молодому напарнику, явно нервничавшему. Положил перед собой рацию, что-то доложил и выслушал, повременив и перекинувшись несколькими фразами с напарником, достал из планшетки газету, развернул её и стал читать или просматривать.

Так прошло часа три. Попискивала рация, в который раз прямом и обратном порядке просматривалась газета, вставал и снова садился молодой милиционер. Комаркова сидела в другой комнате и вручную подшивала какие-то тряпки. Вдруг рация зашипела и заговорила громко и нервно, полицейские вскочили и выхватили пистолеты.

— Постарайтесь, чтоб обошлось без этого. — Милиционер помахал пистолетом перед вышедшей и побледневшей Комарковой. — Встречайте!

Они стали наготове по обе стороны прохода в коридор. Послышалось шуршание ключа в замочной скважине. Старший милиционер кивнул хозяйке — встречать, и она пошла, ещё не зная что будет делать.

— Мать, есть кто дома? — войдя и закрывая за собой дверь, спросил взволновано Антон.

Она не успела ответить, как за её спиной появились милиционеры:

— Выход перекрыт! — предупредили. — Так что без фокусов! — И, обойдя залившуюся слезами хозяйку, сержант защёлкнул на протянутых руках наручники. Сразу повели его на выход, где уже к подъезду подъехала машина.

— Как же ты, мамаша... — только и сказал он на прощание.

Глава восьмая

Крапов ушёл с завода, когда коллектив его практически распался. Многие уже давно покинули завод, у оставшихся упала дисциплина, опоздания и преждевременный уход с работы стали обычным явлением. Некоторые заводские активные инженеры уволнились и подрались работать с какой-то американской компанией; для дистанционной работы предоставили им персональные компьютеры, присылают задания. Съездили они и в командировку в Штаты. Подивились! Сунулись в метро — думали живыми не выйдут. Дно! Питание — сплошная безвкусица. Инженеры — сплошь иностранные — все говорят с акцентом. Натурализованные выходцы с других стран — даже немцы, но в основном мексиканцы, индийцы, китайцы, кто-то из Таиланда даже... Нет ни одного американца! Рабочие — американцы, постарше возрастом которые. Инженеров-американцев почти нет, хотя зарплату им дают выше всяких других.

А через некоторое время поинтересовался у жены:

— Слыхала, Бромина, моего бывшего зама по экономике, что банкиром стал, застрелили?

— Я многих ваших знаю, но не всегда могу связать лицо и фамилию.

— В соседнем подъезде семья их живёт.

— Такой невысокий брюнет... на иномарке в последнее время к дому подъезжал? Здоровался со мной через раз, а в последнее время вообще перестал.

— Он самый! Полгода как ушёл с завода.

— Банкиром стал, и убили?

— Кому-то дорогу перешёл, видать.

— М-да! Как тут не вспомнить строки Тютчева: «Слепец! Стезя богатств к погибели ведёт!..»

От непрерывного пребывания дома Краповым овладела бессонница. С некоторых пор перестал ночью спать. Засыпал сразу, но минут через пять-десять просыпался, и уже не мог уснуть до утра. И хоть не высыпался, спать не хотелось. И мыслей, чтоб занимали, как будто и не было в голове, пусто! Раньше дел и забот было масса, и засыпал, а теперь их нет, никому они не нужны... Чтоб не мешать спать жене, непрерывно ворочаясь, уходил в кабинет на диван, читал книгу, пока не уставали глаза, или просто лежал, ни о чём не думая.

— Стефан Цвейг: в области действия политических сил решающее значение имеют не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а гораздо более низменная, но более ловкая порода — закулисные деятели, — за завтраком привёл жене цитату из прочитанного.

— Это ты к чему?

— Просто так — мудрые мысли. Вот ещё — Драйзер: «...Для успеха в этом мире нужна не добродетель, а расчёт». Капиталистическом мире.

— Успокойся, философ! У меня где-то есть пустырьник с валерьянкой, — порылась она в аптечке, нашла флакончик, прочитала: — Три раза в день перед едой.

Капли не помогли. Он принимал тёплый расслабляющий душ перед сном — сначала действовало, потом перестало. Стал принимать ванны с хвойным экстрактом — то же самое. Малые дозы коньяка — не расслабляют. Раздражают кожу постель, и само положение лёжа. Так день, другой, третий... уснёшь от усталости, а всё равно спать не хочется.

— Давай измерим давление, — предложила обеспокоенная Эллина, глядя на его осунувшееся лицо, резко обозначившиеся носогубные складки.

Она принесла тонометр, измерила давление на правой руке.

— Ого! Сто семьдесят на девяносто пять.

— Много?

— Конечно. Ну-ка на другой руке. Сто шестьдесят! Надо сходить к врачу, — предложила она, сворачивая прибор.

— Да стыдно как-то появляться с таким... Признаваться, что не можешь владеть собой, всего лишь расслабиться и уснуть.

— С этим шутить нельзя! — сказала жена. — Могут быть всякие нежелательные последствия для здоровья. — И добавила: — Поменьше надо смотреть на ночь новости. Где нет ничего хорошего.

— Всё плывёт как по течению в пропасть, и ты не можешь этому противодействовать...

— Давай, попринимаем «Диротон», — достала она из аптечки ещё и таблетки.

— Откуда они у тебя? — удивился предусмотрительности жены.

— Пришлось как-то самой прибегать.

— И... ничего мне не сказала?

— Зачем?

* * *

Юля появилась через неделю после похорон отца, предварительно даже не позвонив.

— Не смогла приехать раньше! — так и не объяснила причину.

Приехала она не одна, а с малюткой дочуркой — полуторагодовалой Яночкой. Это крохотное непоседливое создание с живыми бусинками глаз, похоже, вынашивалось в неблагоприятных условиях и, явившись на свет несколько преждевременно, спешило жить.

— Ба-ба! Ба-ба! — усвоила она новое для себя слово и с удовольствием непрерывно его повторяла, столь трогательно для Надежды, взявшей на себя все заботы о внучке.

— А ты так и не сообщила что замужем, — упрекнула она дочь.

— У нас гражданский брак.

— Какой же он гражданский, если есть ребёнок.

— Мама, давай не будем об этом!

Надежда привыкала к ставшей взрослой ершистой дочери, сформировавшейся женщины со столичным шармом, заимствованным у гламурных девиц с холеными в косметических кабинетах лицами, не знающими работы руками, с длинными, крашенными разным цветом ногтями.

— От папы какое наследство осталось? — спросила она.

— Можно сказать что никакого. Чтоб избежать налогообложения, он оформлял всё непонятно как.

— У меня есть знакомый юрист, он разберётся.

Через пару дней Юля сказала, что ей срочно надо в столицу, ненадолго. Может, Яночка пока останется здесь? С чем бабушка охотно согласилась.

С этим Юля и отбыла. Надолго.

* * *

Настроение у Гудкова в последние дни было хуже некуда — как будто выброшен на самое дно жизни. Из уважаемого рабочего-передовика превратился в нещадно эксплуатируемого пролетария; хозяин автосалона не заключал с работниками даже юридического соглашения, зарплату мог дать любую. Принуждают ко всяким махинациям-манипуляциям с деталями, переставляемыми с одной машины на другую под видом новых, припискам невыполненных работ... Ко всему ещё и развалилась семья... Тошно от всего этого! В таком состоянии он неожиданно встретился с выходящим из магазина Степаном Грановым.

— Ты чего такой мрачный? — поздоровавшись, спросил тот.

— Радоваться нечему! — ответил кратко, и поинтересовался: — Ты, говорят, охранником в магазине устроился?

— Было дело! Но уже ушёл оттуда. — кивнул в стону магазина. — Рассчитался.

— Чего ушёл?

— Гм! Стоишь как надзиратель, на ногах всё время. Проблемы с покупателями, кражами, которые компенсируют продавцы и охрана. И наблюдать какие манипуляции-махинации с залежалыми продуктами производят. Да и продукты те — ничего натурального. Сплошь суррогаты, насыщенные химией — ароматизаторами, красителями и прочей дрянью. Такое впечатление, что ради выгоды готовы отравить всех потребителей. Противно быть при всём этом!

— И теперь куда?

— В охрану нашего завода оформляюсь.

— Бывшего нашего...

— Да! Сейчас там склады. Сутки пропускаешь фуры туда-сюда, сутки свободен. Есть время пить чай и разгадывать кроссворды. Чтоб не деградировать интеллектуально.

«Масса охранных структур. Повсюду пропуска и турникеты. Люди «в чёрном» в магазинах, офисах... — призадумался Николай. — Полтора миллиона здоровых работоспособных мужчин с высшим и средним образованием!»

— А ты с Бузовым в автосервисе? — прервал его мысли Гранов.

— Да, но думаю уходить. Пока не знаю куда.

— Давай к нам, — предложил Степан. — Там как раз место одно ещё освободилось.

На другой день, как договорились, Гудков подошёл к заводской проходной. Никакого движения людей, только многоосные тяжёлые фуры у ворот.

Зашёл в проходную. Все кабины, которых целый ряд, закрыты. Одна только, у стенки, кажется, действует. Подошёл к ней. С удивлением увидел там... мастера их участка, теперь уже бывшего, Павлинова. Бородку отпустил, слегка потолстел.

— Григорич! Ты что здесь делаешь?

— Как что? — отложив кружку чая, тот вышел из кабинки. — Работаю, как видишь.

— И когда это ты... переквалифицировался в охранники?

Они пожали друг другу руки, взаимно похлопывая по плечам.

— Гм! Жизнь заставила. Степан сказал, что ты тоже сюда?

— Так... Ностальгия! Пришёл пока посмотреть как тут.

— А! Смотреть уже не на что!

— Знаю! Но всё же... тянет сюда.

— Понимаю! Проходи! Только я туда не хожу, хотя рядом. Больно!

Павлинов открыл проход.

Тот же двор, здания цехов, несколько облезлые.

Вот и цех. Сердце даже забилось! Вход только через ворота. Ни одного станка. Нагромождение контейнеров, ящиков, прочей тары... Он пошёл дальше. Шаги не считал никогда, но они записались в памяти — вот здесь, где какой-то ящик, стоял его станок. Ивановского станкостроительного завода. Которого, он знал, уже тоже нет. Место, где учился работать, а потом чувствовал его, как музыкант чувствует свой инструмент, и показывал результат по точности, превосходящий технические характеристики. Слева стоял станок Якова, с которым они постоянно соревновались, справа — недотёпы Трофимина, пытавшегося поучать их обоих, что такое предстоящая «правильная жизнь». Якова он давно уже не видел, а вот надломленного «правильной жизнью» и вконец опустившегося Трофимина встречал в самом непотребном виде.

Николай постоял у бетонного основания, на котором стоял станок. Это его могильная плита, подумал. Вдруг вспомнился давний разговор с Бурцевым на этом месте.

— Станок обеспечивает точность десять микрон, а у тебя несколько микрон получается. Как это?

— Не знаю! Чутьё какое-то...

Как пояснил Гранов, хозяева завода, доставшегося ему почти даром и непонятно за чем (по закону — хватай что попало), быстро сообразили, что продукция завода в реформируемой либеральной экономике никому не нужна, заказов нет, и решили распорядиться просто — работы прекратить, станки сдать как утиль, помещения — в аренду. Никого не увольняли, чтоб не вызвать общественные волнения, а просто перестали платить зарплату, и все стали разбегаться сами. Кое-кто вот остался охранником в превращённых в торговые склады цехах.

Впрочем, такова судьба не только их завода. Трудовая слава города — завод тяжелого машиностроения — превращен в хозяйственный рынок, завод карданных валов — в торговый центр, завод высокоточных приборов — в салон мебели, часовой завод — в торговоразвлекательный центр...

Николай Гудков в охране разгромленного завода оставаться не захотел — не мог смотреть на разруху, которая прокатилась по всей стране, которой никто не сопротивлялся.

«Почему рабочие не отстаивали свой завод? — размышлял он. — Потому что не чувствовали, что он свой? Но ведь были для них дешёвая столовая, профилакторий, почти бесплатные путёвки в отраслевой санаторий, для их детей пионерский лагерь...»

Та и не найдя ответа, он вернулся в проходную.

— Слыхал — в Каспийске взорвали жилой дом пограничников? — поделился новостью Павлинов.

— Слыхал!

- До того страну опустили, что всякая мразь смеет на неё руку поднять.
- Да уж! Передавай привет Степану! — сказал он Павлинову.
- Он же сказал, что ты вроде бы тоже...
- Скажешь ему, что я передумал.

* * *

Начавшись накануне после полудня снег шёл непрерывно и всю ночь, спадая мягкими, словно торопящимися приземлиться и занять своё место хлопьями. Время от времени просыпаясь и глядя в окно на эту освещаемую от подъезда завесу, Комаркова решила, что, пожалуй, на уборку дорожек на сей раз придётся выходить не в пять часов утра, как обычно, а в четыре. Иначе к выходу жильцов из квартир почистить проходы не успеть, и придётся потом выслушивать их жалобы и выговор от начальства. Не уважает народ труд дворника, в чём она убеждается не раз с тех пор, как заменила на этом месте измождённую непрерывной работой и ушедшую на покой Поликарповну. Разбрасывают повсюду пакеты с мусором и другие отходы, ставят на газонах и в проездах машины, которых становится всё больше, в основном подержанных иномарок — откуда только люди берут деньги, когда всё кругом дорожает? Приходится ругаться со всеми ними, знакомыми и незнакомыми, и такое обращение со временем стало обычным и привычным.

Комаркова с трудом поднялась — болели спина, мышцы и связки от предшествующей непривычной работы, согрела и попила чай, решив зайти позавтракать позже, обула валенки, подобрав причёску, обмотала поплотнее голову пуховой шалью и вышла на свой трудовой фронт.

Глава девятая

Всего лишь несколько лет нахождения у власти либерал-демократов привело к вымиранию населения по миллиону в год, к тому, что повышаются цены и люди голодают, к тому, что стали недоступны образование и лечение; к войне в Чечне и гибели граждан страны в ней, к взрывам домов и захвату террористами столичного концертного зала «Норд-Ост»; к затоплению космической станции «Мир», к отключению электричества и к вымораживанию целых городов, к развалу армии и унижению военнослужащих, к чиновничьему беспределу, к разгулу преступности в стране, к тому, что милиция и преступность становились одним целым... Природные богатства, которые должны использоваться на благо всего народа, отданы алчной и жестокой группе лиц. Грабительской приватизацией уничтожены целые отрасли промышленности и отраслевая наука. Нанесли стране ущерб, сравнимый с фашистским нашествием в Великую Отечественную.

И с таким беспределом люди уже не хотели мириться. Правящая партия, переименовавшись в «Наш дом — Россия», могла рассчитывать всего лишь на одну десятую часть голосов избирателей. Такое отношение населения отразилось и на президентских выборах — в первом туре Ельцин едва обошёл коммуниста Зюганова; за него проголосовало лишь 35 % избирателей, натянутые с 4 % присланными на выручку американскими фокусниками политехнологий, невероятным напором антикоммунистической пропаганды, антисоветской истерией средств массовой информации, уклонявшимся от ответа на вопрос по состоянию здоровья злоупотребляющего алкоголем президента-претендента — сможет ли он руководить государством, или за него это будут делать другие.

Предстоял судьбоносный второй тур голосования.

* * *

Гудков проснулся где-то лишь после двенадцати дня. Подсчитал, что спал часов пять после того, как пришёл домой после ночного дежурства сначала в тесном помещении райкома, где по телефону собирал сводки от сторонников-наблюдателей с избирательных участков. В ряде случаев это были тревожные сообщения — то пытались разобраться с теми, кто якобы вбросил в урну для голосований сразу пачку готовых бюллетеней, но бесполезно, то не выдавали копии протоколов голосования до того, как согласуют результаты с вышестоящим органом... А после завершения голосования переключался вместе со всеми ими в районный избирком, где обнаружили, что не везде официальные данные соответствуют выпискам, сделанным наблюдателями на местах. И никто из официальных лиц не хотел с этим несоответствием разбираться, отказываясь это делать порой в грубой форме. Особенно неприятно было слышать такое от вписавшихся в новую систему и власть бывших членов КПСС. И по полученным в результате этой неразберихи данным было видно, что в их районе повсеместно, хоть и в разной степени, лидирует Ельцин.

Когда под утро пришёл домой и, ещё не раздевшись, включил телевизор, услышал восторженные сообщения корреспондентов с разных мест страны и комментаторов о том, что второй тур Зюганов проиграл.

От усталости из-за нервной бессонной ночи не хотелось думать, почему так произошло и к чему это приведёт страну, и, без аппетита наскоро что-то проглотив, запив чаем, не дождавшись, чтоб тот заварился как следует, он лёг спать, забывшись тяжёлым сном без сновидений. Проснувшись с чувством как будто расплавленного мозга, ещё включил телевизор — так оно и есть, и Зюганов даже поздравил соперника с победой.

Победа дикого капитализма. Тошно на душе!

Раздался звонок, нехотя он взял трубку.

— Ну как, отошёл? — хриловатым легко узнаваемым голосом спросил его Приведин, член обкома партии.

— Да, почти! Как же это получилось... Затрачено столько сил и впустую? Как же так?

— Против многомесячного оболванивания всеми продажными СМИ, использования административного ресурса для подавления свободного волеизлияния, прямого подкупа простому человеку не выстоять. Плюс отмеченная в очень многих случаях фальсификация результатов. Клевета на оппонента, подкуп и запугивание избирателей — вот содержание этих демократических выборов. Американские советники в выборном штабе Ельцина и доллары из посольства США. Их политтехнологи умеют дурачить население, опыт проведения так называемых демократических выборов большой!

— Так, может, в таких условиях не стоило признавать победу Ельцина?

— Может быть! Но сейчас трудно ответить на все вопросы, надо анализировать. Завтра соберёмся, обсудим, как так получилось и что делать, получим информацию из центра. Ясно одно — эта либерально-демократический холуи заокеанские приведут страну к гибели, а сами смотаются на Запад...

Выключил телевизор, Николай отправился на кухню готовить обед.

Позвонил секретарь парткома Игорев, обменялись впечатлениями.

— Может, организовать протестные акции? — спросил его.

— Для расстрела протестных демонстраций, по имеющимся сведениям, подготовили снайперов. Людей подставлять никак нельзя ... Эта власть, как показал октябрь девяносто третьего, пойдёт на любые преступления против человечества ради самосохранения. Сейчас заматают следы — дали указание немедленно уничтожить бюллетени, главу Центрального избиркома срочно отправляют отсидеться в дальней дипломатической миссии. Из двух вариантов, мягкий — фальсификация результатов выборов, и жесткий — устроить фашистский путч с запретом компартии — пока выбрали первый.

— Так, может... вооружиться?

— Гражданская война? Это уже было в нашей истории.

— Что же делать?

— Делать то же, что рекомендовал Ленин после расстрела июльской демонстрации семнадцатого года. Вести агитационную работу, пока явное большинство населения, осознав последствия антинародной, антигосударственной деятельности так называемых либерал-демократов, этих холуёв заокеанских, не станет на нашу сторону...

«Выходит, советскую цивилизацию сменило и теперь укрепилось мерзкое во всех отношениях общество? — с горечью размышлял Гудков. — Процветающие проходимцы и шарлатаны разного рода, повальное казнокрадство и взяточничество, наркомания и сектантство, мракобесие с разного рода астрологами и «лекарями», хриплая и сиплая, гнусавящая попса — этот мерзко пахнувший развращённый бомонд. И прочие паразитирующие элементы. Фактически утратили независимость, за которую боролись, отдавая жизни, многие поколения. Победил человек, имя которого войдёт в историю с самой худшей стороны, и продвинуло его самое бездарное поколение девяностых!»

Так к исходу века Россия, как это случалось уже не раз в её многовековой истории, снова погрузилась во тьму.

Выбираться из которой предстояло следующим поколениям.

Эпилог

Случилось мне снова побывать в том городе только через много лет. Мои связи с семьёй Краповых прервались из-за разделяющего нас расстояния. Первое время мы ещё перезванивались с Сергеем Степановичем, но всё реже, в чём виновен, конечно же, я сам, в переездах и будничной суете откладывая звонки каждый раз на завтра. Не могли дозвониться и они — жизнь заставляла меня слишком часто менять работу и места обитания.

Не дозвонившись до них, я подъехал на такси прямо к дому на Советской.

— Бывшая Советская, — сделал уточнение таксисту. — Может, уже и переименовали.

— Переименовали, — ответил тот. — Но люди спрашивают по-старинке Советскую.

В знакомой мне квартире уже жили другие люди, они и назвали новый адрес, упомянув только Эллину Викторовну, что насторожило.

Дверь однокомнатной квартиры на третьем этаже открыла Эллина, выглядевшая почти не изменившейся благодаря умелому и неброскому макияжу. Та же причёска с завитушками коротких, но сплошь поседевших волос, большие очки в тонкой оправе, которые теперь она уже не снимала, аккуратная одежда. Не скажешь, что она постарела — просто стала другой, постарше, и всё той же.

По обстановке сразу понял — Сергея Степановича нет.

— Когда он ушёл с работы, сразу начал сильно сдавать. Инсульт! Случилось это, когда я была в школе, а в таких случаях промедление недопустимо. Пришла, увидела его на полу, срочно скорую... но было уже поздно. — И добавила: — Предлагали ему должность советника в городской администрации, но он отказался под тем предлогом, что там руководство преследует прежде всего личные цели, а не общественные, и в этом он им не слуга.

Помолчали, переживая утрату.

Хозяйка приготовила чайный столик перед диваном в чистой светлой комнате, в которой я узнал остатки мебели и некоторые настенные картины из прежней квартиры.

Чтоб разрядить несколько тягостную обстановку спросил:

— Как у вас там, в школе?

— А!.. Хотела оставить работу, но без неё... тяжело.

— Что изучаете по литературе?

— «Белую гвардию» Булгакова...

— Это эпизод стычки белых с петлюровцами в Киеве? Взяли бы Алексея Толстого «Хождение по мукам». Вторая повесть трилогии, ещё не подпорченная руководящими указаниями, даёт реальную и полную панораму Гражданской войны. Третья повесть написана, к сожалению, «правильно», а не так, как было...

— А как у тебя обстоит с литературой?

— Уже не пишу. Некогда, хлеб насущный зарабатывать приходится. Всё кажется, что когда-нибудь засяду и напишу про эти годы, когда люди как будто сошли со сцены жизни, где вынуждено играли какую-то роль, и предстали обнажёнными.

— Некоторые и на литературе неплохо зарабатывают.

— Да! Ситуация такова, как будто на сотню лет назад отступили. Как когда-то отмечал Лев Толстой, книги стали денежными предприятиями, для успеха которых нужно большое число потребителей, интересы и вкусы которых низки и грубы, и для успеха нужно, чтобы произведения отвечали этим вкусам. Плюс мастерство рекламы, когда ничтожные произведения награждаются, восхваляются и расходятся в миллионах экземпляров. В ходу литература с любовными интригами, наживой и бандитами. *«И если школьнику предоставить самому себе выбирать чтение, то, вероятнее всего, что он будет читать все глупые и безнравственные книги. Хуже всего при этом то, что... он будет всё более и более извращать своё понимание и вкус, так что, когда и попадёт на хорошее сочинение, он уже или вовсе не поймёт его, или поймёт его превратно».* Да, так было сто лет назад и сейчас во многом повторяется.

Выпив не одну чашку чая, от близкой нам обоим литературной темы мы перешли к объекту отображения жизни настоящей. Что и легло в замысел настоящей повести.

— «Жизнь долгая — будет ещё и хорошего, и дурного, всего будет», — привела в нашем разговоре Эллина слова Чехова.

А мне вспомнился Бунин: «От жизни человечества, от веков, поколений остаётся на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это. Всё злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа...»

г. Снежинск

Наталья Паршукова

Иван-чай

По тропинке, обогнув пригорок, спустилась к опушке леса. И передо мною раскинулось море из лиловых цветов. Море иван-чая, под самый горизонт. Тысячи пахнущих мёдом соцветий. Присела у кромки этого моря цветов на полянке. Сижу. Любуюсь. Вдыхая аромат иван-чая, задумалась. Как прекрасна природа и удивительна! Разнообразна и необъяснима. С одной стороны молоденькие сосенки источают запах смолы, такой тягучей и пряной. Хвойный такой. С другой стороны — лилово-медовое море иван-чая. Надо всем этим изумлением и прелестью — голубое небо и тёплое, ласковое, летнее солнышко.

Вот бы всё великолепии зарисовать! Или зафотографировать. Но нет. Нет ни фотоаппарата, ни телефона, ни цветных карандашей с альбомом. А уж про краски и мольберт совсем нечего говорить, нет. Досадно.

Посидела, помечтала. Это такое необъяснимое чувство восторга от этого моря лиловых, пахнущих мёдом соцветий иван-чая. Нарвала букетик этих прекрасных и простых в своей природе цветов. Вздохнула и пошла домой.

Поставила в вазу букетик иван-чая. Постоит несколько дней, наполняя ароматом комнату. А после высушу цветочки. Зимой буду заваривать вкусный чай и вспоминать необыкновенное море цветов иван-чая.

Бордо

Бордо по фужерам разлито. И имбирь в шоколаде. Ты вся в голубом, улыбаешься мне. И счастье бурлит во мне от того, что ты рядом. Исчезло всё вокруг — и небо, и земля. Струится лёгкий свет неона. Герберы в вазе тоже бордового цвета. И это мы. Ты и я. Ты любишь моим подарком. Колье в бордовом бархатном футляре. Гранатовое колье. Оно подходит к твоим серёжкам и браслету. А ты с умилением протягиваешь мне свой подарок. Бордовое кашне с заколкой для галстука. На заколке — полосочка из граната посередине. Наутро мы шли по аллеям парка по бордовым и жёлтым листьям...

г. Челябинск

Алла Федосеевкова

Приворотные казусы*

19. Приворотные казусы

Когда Жанку с двойней выписали из роддома, у крыльца, как и положено, их встречал счастливый отец. То есть Анатолий. Официальный отец не мог этого сделать физически. Он в это время пребывал в неврологии, в отдельной палате с индивидуальным уходом и круглосуточным присмотром медсестёр, санитарок и Марии Афанасьевны. Тёща проявила настоящий героизм и самоотверженность. Зятя она взяла на себя. В знак благодарности за «счастливое настоящее» собственной дочери и благополучно народившихся внуков. И ей, честно говоря, без разницы, чьи гены легли в фундамент этого чуда природы — её внучат-близняшек. Главное, что доченька счастлива, и у ребятишек есть родной отец. А когда они подрастут, и бабушка у них будет. Если доживёт до этого счастливого времени.

После выписки из больницы Павел Александрович чувствовал себя прекрасно: хорошо кушал, спокойно спал, самостоятельно шаркал тапками по комнатам, всем улыбался и даже пытался общаться с окружающими его предметами. Пенсионер круглосуточно пребывал в отличном настроении. Почти ничего не помнил из своего прошлого и никого не узнавал. По десять раз на день он спрашивал у Марии Афанасьевны, как её зовут и, задумчиво улыбаясь, выглядывал во двор, прячась в складках кружевной занавески.

Анатолий после некоторых раздумий внял-таки мудрому совету Ноны Леонардовны. Тьфу! — Николая то есть. Бизнес-проект «Отец Анатолий — пророк и провидец» обрёл своё материальное воплощение и начал приносить ощутимые плоды.

Ленка с Димоном прожили вместе совсем недолго. Димкина подозрительность и вспышки ревности довели ситуацию до логической точки. Ленка, не привыкшая терпеть

* Окончание. Начало в «Графоман» № 4 (44)-2019, № 1(45)-2020, № 3(47), 4(48)-2021.

мужские закидоны, в один прекрасный день выставила свежее испечённого мужа за дверь. Без права на апелляцию. И к тому же тест на отцовство Димон полностью провалил: ноль целых, ноль десятых в строке совпадений генного материала предполагаемого отца и потенциального сына.

Ленкино подозрение сразу пало на Толика. Был в их многолетнем знакомстве один пикантный моментик, о котором подруге она предпочла не сообщать. Во имя обоюдного спокойствия и крепости многолетней дружбы. Да и Толик, даже если поставить его к стене под дуло пистолета, ни за что не вспомнил бы: где? с кем? когда?

«Ну и ладно! — решила Ленка. — Зачем портить жизнь близкой подруге? Тем более Толик совсем не в её вкусе».

После скоропостижного выдворения из семейной ячейки авантюрный склад неугомонной натуры Димона занёс отставника в края обетованные. В мир с опережающими представлениями общества о нравственности и здравомыслии: то ли в Данию, то ли в Голландию. И приземлил у основания отшлифованного шеста на крутящемся подиуме известного в определённых кругах гей-клуба. Удачный старт на подмостках стриптиз-шоу вывел Димку на такие высоты существования, что у парня «в зобу дыхание спёрло» и сильно закружилась голова. Головокружение прошло быстро, после трёх месяцев замужества. Реальность свободного европейского выбора свела Димку с рыжим туповатым финном, который сначала взял на себя роль наставника, а потом всерьёз увлёкся Димоном-Милашкой. Характерец мужа с лёгким оттенком нордического темперамента был тот ещё. Ревнивый финский мачо качал мышцы и упражнялся в боксе, используя в качестве тренажёра упругое тело молодого любовника. Особо не задумываясь, в один прекрасный вечер Димон подхватил сумку с семью парами концертных плавок, расшитых стразами и блёстками, впрыгнул в попутный «Боинг» и махнул за океан, в страну неограниченных возможностей, по мере сил реализовывать свою собственную «американскую мечту».

Инночка с Николая тоже покинули родные пенаты. Их занесло аж в самую Бразилию. Непотопляемый Николая чуть трансформировал собственный артистический образ, на полградуса сдвинул бизнес-ориентиры и открыл авторскую школу личностного успеха. Личностный успех, он и в Африке нелишний. А в Бразилии тем более. Кто же будет отказываться от блестящих перспектив, которые так красочно рисовал Учитель доверчивым ученикам? А они не только слушали, развесив уши и распахнув слезящиеся от счастья глаза. Ученики беспрекословно исполняли все наставления и требования мудрого Учителя, с завидным постоянством пополняли его личные банковские счета. Чего греха таить? Николая проанализировал удачный опыт Олежика и не побрезговал. Пудрить тупые мозги сказочными фантазиями он умел.

Инночка созрела, поумнела и постепенно вошла во вкус. Молодая женщина быстро прониклась местным колоритом и с удовольствием занялась расширением численного состава собственной семьи и русского сообщества эмигрантов. Она постоянно находилась в состоянии беременности. И, по всей видимости, именно это состояние ей нравилось больше всего. Состояние не вызывало в ней никаких неприятных ощущений. Цветущая Инночка улыбалась даже во сне. Интеллектуально-плутовской бизнес мужа вполне позволял ей жить в спокойствии и благости. Поддерживать в доме атмосферу беззаботного и счастливого существования помогали многочисленные няни, горничные, повара и садовники из местных аборигенов.

Ашотик, безвозвратно возвращённый в лоно вновь обретённой дружной семьи и нерушимых родственных связей серьёзными усилиями этой самой семьи неожиданно впал в оседлость и больше уже не покидал пределов родного селения. Пересчитывая овечек, пасущихся на зелёных горных склонах, он с тоскливой задумчивостью поглядывал в далёкое небо, почёсывал обгорелую лысину и о чём-то тоскливо вздыхал.

Марина благодаря малоуправляемому взрывному темпераменту и абсолютной приспособляемости к постоянно меняющимся внешним обстоятельствам легко пережила очередную любовную неудачу. Она была из той породы женщин, которые, как кошки — хоть с летящего самолёта сбрось, всёравно приземлятся на все четыре лапы. Уже на Масленицу Марина лихо рассекала по городу на красном «Рено» премиум-класса, который презентовал ей владелец местного овощного рынка Анзор Максутович.

За какие такие заслуги? Пусть это останется её маленьким секретом. Зато другими женскими секретами Марина с удовольствием делилась, щедро раздавая практические советы направо и налево: чтобы хорошо выглядеть, женщине всего лишь надо постоянно

и неукоснительно пользоваться одним магическим средством, дарованным слабой половине человечества всемогущей природой. А именно: как можно чаще пить кровь мужчин.

Да, об Олежке чуть не забыли. Гуру Оли-Бану-Ишурум, отряхнув с божественных пяток пыль суеты, неуклонно карабкался к вершинам самосовершенствования. И на него уже даже молились особо экзальтированные адепты и выжившие из ума старушечки. За два года упорного труда бывший Олежек трансформировался в божество. Покрытое жирком холеное тело с гладкой кожей приобрело золотисто-коричневый оттенок. Тройной подбородок, по-женски полные предплечья и бёдра, а также равнодушно-философское, но довольное выражение подведённых басмой глаз составляли законченный образ, который отвечал требованиям всех канонов пёстрой восточной культуры и такой же пёстрой и многоликой религии.

Я не решаюсь судить о степени воздействия на современных мужчин магических сил и ухищрений, изобретённых нашими малообразованными пра-пра-пра... бабками. Да у меня и не получится, так как мало что в этом смысле. Но допускаю, что, как и в любом творческом процессе, и здесь возможны отклонения от воображаемых результатов. Казусы, то и дело возникавшие в жизни наших героев, вполне объяснимы. В ходе разматывания клубка событий всплывало слишком много неучтённых нюансов, которые вполне могли внести никем не предвиденные коррективы. Как то: время года, погодные аномалии, сила и направление ветра, наличие солнца на небе, фаза луны, настроение и мысли участников событий, их характеры, желания, мечты, пересечения дорог и судеб... и т. д., и т. п.

Но, если хорошо присмотреться, и в этом можно найти массу положительных моментов. Взять хотя бы Инночку и Нонну Леонардовну. Им-то чем плохо? Или Маринку? Это ведь смотря под каким углом взглянуть на ситуацию.

Никто не знает, где найдёшь, а где потеряешь. Но главное-то что? Главное — результат! А результат — вот он! И у каждого свой. Реально свершившиеся события, как и хотели наши герои, кардинально изменили их жизнь.

А если серьёзно, приворот приворотом, но роль личности в созидании собственной истории, увы, ещё никто не отменял.

г. Коркино

Марина Шалыгина

Утятинский корпоратив

В начале декабря позвонила Гуля, что-то прокричала (при этой паршивой связи ничего не поймёшь), а двадцатого прикатила на «драндулете», как именвала свою старую машину, и затормозила: «Срочно-срочно! Новогодние одёжки нужны! Она, староста деревни Утятинно, организует новогодний кыр-пыр- капра- ...кор-поратив!» И Гуля расхохоталась. И меня заразила.

Просмеялись. Она перерыла благотворительские ящики и мешки. Отобрала самое нелепо-яркое. Ограбила коробку с украшениями моей племяшки. Примерила на меня измятое длинное платье из допотопной ткани — де, щедрую, богатую (после этого слова она тоже вдоволь похихикала) благотворительницу ждут тоже и всенепременно. Огорчилась, что туфель у меня нет, посетовала на величину моих ступней.

Я допытывалась, зачем этот вульгарный красный, зачем ядовитый зелёный, по размеру ли, сколько, кому, зачем...

— А затем! Не волнуйся, дорогая Ната, у меня машинка шьёт лучше современных! Всех одену!

Гуля чмокнула меня в ухо, нагрузила сумки и увезла «хлам», захватив и сломанные электрические гирлянды.

Надеялась я, что Новый год, как всегда, мирно просплю рядом с муженьком. Но мужа призвала и взяла в плен его престарелая тётка, живущая в соседнем городе. А тридцать первого явился в небывало ранний для меня час Гулин посланец на драндулете — боевой паренёк Серёжа. Погрузил меня и багаж, угостил шоколадным пряником и пообещал доставить в целости и сохранности.

Поначалу, пока ехали по шоссе, никакой экзотики не наблюдалось. Заснеженные обочины, поля, чищенная лента шоссе. И задумалась я, вспоминала, как познакомилась с Гулей.

Четыре года назад, седьмого марта, у кондитерского киоска на моей родной улице толпились женщины. Покупали не конфетки к празднику, а дешёвый сахар. Поверх всех голосов слышался звонкий высокий, повествующий о неких погорельцах.

Купив сахар, я осталась ждать момента, когда отоварится звонкоголосая. Это была узкоглазая худышка с гагаринской улыбкой. Мы вмиг нашли общий язык и двинулись ко мне домой. По дороге Гульсира перечислила основные погорельские беды, доложила точные-преточные размеры одежды-обуви пяти погорельских ребятишек и сообщила о нехватках у остальных утятинцев. Я в свою очередь рассказала о нашем городском благотворительном кружке с наивным названием «Бедняк — бедняку».

За полчаса мы набрали из благотворительских запасов нужное, дотащили, пыхтя, до Гулиной обшарпанной машины. И с фыркком-треском колымага поскакала по мартовским лужам к близкому тракту.

С тех пор Гуля, приезжая в город по торговым и общественным делам, прихватывала у меня необходимое для деревенских. Звонко тараторя, выкладывала новости, передавала пожелания и благодарности. Постепенно мне стадо известно, кто из восьми деток деревни любит рисовать акварелью, кто обожает водяные пистолеты, кто завзятый читатель; какой полноты обувь ищет инвалид Коля, какие юбки с карманами надобны бабе Шуре.

Утятинцы умиляли неприхотливостью. Женщины с воодушевлением принимали в дар вышедшие из моды наряды, мужчины ценили инструменты абсолютно в любом состоянии, будь это пила со сломанными зубьями или старый молоток. В деревне требовалось то, что в нашем городке выбрасывалось: подшитые валенки, облезлые тулупы, упаковки из-под яиц и сока, старые газеты, банки. Особенно много — и каждый год — требовалось почему-то хлопчатого тряпья для коров. Коров в Утятينو было больше, чем детей — десять! Гуля со смаком живописала коровьи нравы, побеги рогатых в лес, гордилась строптивостью утятинских бурёнок и их удоями.

Рассказывала про волков. Де, их развелось в позапрошлом — ужас-ужас! Всё, де, потому, что охотники обленились. Когда утятинские шли по ягоды-грибы или за валежником, они брали с собой два металлических ведёрка, чтобы непрерывно брякать ими. Гуля с жаром уверяла, что это спасало от хищников.

Повествовала, каких трудов и хитрых подходов стоило возведение «беседки для звонков» — подобия избушки на курьих ножках на склоне горы Еловой: только там и возможно кое-как ловить мобильную связь.

Воспоминания ушли, когда мы повернули от шоссе на восток и стали петлять по каким-то увалам, среди фантастической красоты великолепного леса. Драндулет, спрыгивая с трамплина, заскользил боком вниз с горы, я вцепилась в сиденье и отчаянно вопрошала Сергея, не перевернёмся ли мы.

— Нормалёк! Близко уже нормальная дорога! — отвечал бодрый водитель.

Но ещё часа полтора драндулет фыркал, гудел натужно, карабкаясь вверх и сваливаясь вниз среди искрящихся под длинными лучами зимнего солнца снегов. И как-то неожиданно выкатился на вполне ровненькое, проехал крепким красивым деревянным мостом через речку Тятю, мимо таблички с её названием. Кругом была яркая чистая белизна, округлые низкие лесистые холмы и тёмная Еловая гора, и между речкой и горой — очень к месту — показалась горсть медового цвета изб с синими наличниками и дымом из труб.

Подъехали к большому, с крутой крышей дому без всяких там заборов вокруг усадьбы. Высокое крыльцо смотрелось по-царски: узорные балясины, на ступенях красная дорожка. Высыпали встречающие, закуружили, подхватили, завели, выдали миску с борщом, пахучий хлеб. Оставили: отдохайте, дорога благотворительница. Отдохать я, конечно, не стала, выползла из закутка, присмотрелась, освоилась, заговаривая со знакомыми по рассказам Гули персонажами. Вот накрывает стол скатертью баба Шура, сутулая, тощая, в синем платье с белым воротничком. Это она прошлым летом послала мне сушёную малину. Вот муж Гули — Иван Николаевич Пархоменко, пенсионер, на протезах, знаток Тяти и рыбак. Вот две похожие друг на друга особы. Ну конечно, это близнецы Валя и Катя. На девушках прекрасно сидят длинные платья, недавно казавшиеся мне «хламом». И бусы племяшки им к лицу, и лодочки — некогда собственность одной городской модницы — на этих ножках выглядят щегольски.

Раскланиваюсь с мамой близнецов Фридой Рудольфовной, бывшей учительницей. Она и вовсе — модель: благородная седина, изящество. Понимаю, что несмываемые пятна на этом модельном костюме Гуля прикрыла вышивкой — ах, мастерица, дизайнер! А Славик,

муж Вали, — в пиджаке, который, я считала, никто не наденет, ан смотрится на широкоплечем парне, как самый модный.

Набежала на меня в рабочей телогрейке Разиля, глава семейства погорельцев. Сходу обняла, плакала: ох, одели-обули, ох, всего-то наотдавали, ох, век помнить буду. И как возразишь, как скажешь, что и одёжки детские, и всяческий подержанный скарб были бы выкинуты в мусорные городские баки, что нет никакой заслуги...

Разговорились. Такая молодая, а вдова, да ещё многодетная, муж на пожаре погиб, сгорел новый дом в большом селе. И ездит теперь в село на работу Разиля на кобылке Верке. Ой! Как же? Через увалы эти волчьи, что ли?! Объясняют хором, что дорога от деревни к селу — другая, и завсегда чистится трактором деда Гены. Гена и чистит, и детей в школу возит.

Разиля повела в строительный вагончик, где приютилась семья. Четвёртый год уже! Так-то вагончик хотели в село везти, но Разиля не захотела рядом с пепелищем оставаться. Повела меня мимо памятника прадеду-фронтовику в конце улочки. Летом здесь на клумбе алый гравилат и белые ромашки цветут.

— И тутощные нравятся. Никого злого нету. Тётя Гуля хлопочет, чтоб дом строить, но вагончик вот утеплили, и просторно. Старшие в клубе в селе праздник будут встречать, у одноклассников ночуют. Вот тут вот уроки делаем, тут девочек уголок. А тут дед Гена большой бак для воды с крантиком смонтировал, — хвалится Разиля.

Говорит и переодевается в праздничное. Я люблюсь: глаза у Разили зелёные, ресницы длиннющие, нежный овал лица. А платье-то на ней, батюшки! Из шёлкового халата Гуля перешила. Ни за что бы не догадалась, что так можно! Вот ведь талант у Гульсиры!

Вернулись в дом Пархоменко. Там уже десятка два участников. Славик наигрывает на гармонии нечто лирическое, дети стоят полукругом и блестящими глазками смотрят, как бегают пальцы гармониста. Гуля хлопает в ладоши как заправский режиссёр, ведёт корпоратив по всем правилам хорошего тона. Всё вовремя: и самую элегантную даму выбрали — бабу Шуру, и конкурс быстрых рисунков провели. Славик, улыбаясь от уха до уха, выводит «В лесу родилась елочка». Сергей в шубе и бороде вносит мешок. Дети пищат, читают стишки Морозу, не узнавая абсолютно узнаваемого дядю Серёжу и затихают, разбирают морозячьи приношения. Загудели разговоры, но Гуля даёт знак играть вальс. Белый танец — чинный такой! А Коля, сын бабы Шуры кружит на инвалидной коляске, но застревает между столом и диваном.

Баба Шура взмахивает платочком: «А, айда плясать на улку!»

И вывалилась разодетая и раздетая — без шуб — компания на морозный простор. И Славик грянул «Подгорную». И восьмидесятилетняя баба Шура в синем платье с пуховой шалью на плечах так прошлась горделиво, что все захопали, а она задохнулась, села на красные ступени: давайте теперь вы! Танец лихой развернулся. Разиля с татарским акцентом голову наклоняет, притопывает. Иван Николаевич на какого-то Тараса Бульбу смахивает, ручищи развернул на весь белый свет. По-французски, по-балетному выступает Фрида Рудольфовна. На американский манер скачут азартно Сергей с Катей. Разбуянились, и я не отстаю, откуда что взялось! А Коля на крыльце бьет в ведро, как в барабан. Собаки местные взбудоражились, хором подлаивают.

Весёлыми детсадовцами забежали в дом — и за стол, где кушанья интернациональные, как и пляска. И неправ, ох, неправ, оказался мой муженёк в предсказаниях — де, в деревнях пьянство повальное. И нравы, де, ой-ой. И вовсе, вовсе не пьянство! Во все не «ой-ой»! Во все наоборот! А песни пели — на голоса, заслушаешься, до слёз, ей-богу! Гуля с Иваном Николаевичем обнялись и украинское пели: и про Маричку, и «Цвіте терен». И дед Гена бывальщины смешные, анекдоты, как артист рассказывает, и брови домиком поднимает, никакого телевизора не надо. Глаза у всех ясные, улыбки добрые...

Сколько Гуля в гости звала, и вот дозвалась, только руками всплёскиваю! До чего душевно! Какие вы тут — прямо из недостроенного коммунизма!

— Да, передовики мы, стахановское Тятино воспитанье! — шутят.

— Особенно весной нынче — ох, как воспитывала! Чуть до Ледовитого не поплыли!

— Э-э! Про Тятю — только хорошее, кто нам рыбку-то даёт!

— Рыбы навалом, денег нема.

— Кислород ловим, против течения выгребаем!

— От пожаров Тятя спасает!

— Мы вообще — речная космическая раса, — торжественно басит Иван Николаевич, — пошли в мою обсерваторию, Луну тебе покажу.

— Обсерваторию?? Луну?

— Николаич! Разве ещё не похвастался?

— А вот!

Оказывается под высокой крышей и правда два телескопа, один самодельный, другой покупной. Карты. Фотографии по стенкам, с одной Гагарин Гулиной улыбкой улыбается. Гуля притворно сердито ругает мужа, де, сколько пенсий извёл на это хозяйство, когда в деревне нехватки всего, вот-вот электричество обрубят.

— Тут нет светового загрязнения, и дом на холме, — солидно объясняет Иван Николаевич, — Да Сибирь везде близка к небу! Гляди, кратеры как видны! А вот в этот посмотри: видишь? Ребятишки уже выучили у меня, где что...

* * *

На гостевых перинах спала плохо: мягко и жарко. Очнулась, на часах восемь утра нового года. А деревня давно на ногах, овечки, коровы помывкивают, собаки носятся, Иван Николаевич санки детям налаживает под фонарём у сарая.

— Что же так рано, ещё б поспала, гостя! Ну, пойдём, чайку попьём!

Гуля уже вся в делах, издали слышится её звонкий весёлый клич. Только в одиннадцать прибежала, чай крепчайший выпила и вывела своего друга: «Ну, что, драндулетик? Живой?»

Повезла меня в город сама, Сергею на смену на птицефабрику. Ехали — смеялись:

— Баба Шура как солистка!

— А Разиля, смешная такая, серьёзная, топает и так, и этак.

— Пели здорово!

— Ты, Ната, тоже ничего, слова знаешь.

— Ну, уж!

— Люблю своих утятинских! Это всё от красоты нашей, правда! От Тяти! Закаты у нас — лучшие в мире. А еловый лес! Рыжиков — ! В начале лета ландушей — как молоком облиты, да у нас всё-всё есть! Вру! Собак нехватка, в позапрошлом с волками сражались, так убыло. Ну, и овечек убыло.

Дальше Гуля с азартом ругала охоттоварищество, злодеев из районной администрации, какого-то пустоголового лесничего. Почему-то мне сделалось так мирно-спокойно от её привычной ругани, я задремала и проснулась от холода в ногах и от красивой музыки. Это Гуля под фырк драндулета пела своим колоратурным по-башкирски. Слова повторялись примерно такие, на мой слух: «кырпы мине».

Певица объяснила: песня для детей. В общем: луна, звёздочки, колыбельная, спи, мой ёжик, спи...

г. Кыштым

Наталья Дубровина

Душа-то у вас поёт

Светлой памяти Н. И. Годины

58

Графман № 1(49) - 2022

Сегодня, пожалуй, нет семьи в России, которую бы не заглянула «белая чума» — ковид. Невосполнима утрата родных, близких, молодых и людей старшего поколения, знаменитых, талантливых, привитых и непривитых.

Не стало недавно и нашего учителя, поэта Николая Ивановича Годины. Боль в сердце, ком в горле. И жирный вопросительный знак. Почему? В век различных нанотехнологий — первобытная, дремучая беспомощность. Почему?

С Николаем Ивановичем впервые познакомилась в 2015 году в Доме народного творчества, в Челябинске, на семинаре. Была наслышана о весьма резких его оценках творчества начинающих поэтов. Сдерживая волнение, заявила:

— Я у вас в первый раз, возможно, и в последний, как примете.

Никто меня обижать и не собирался. Осталась живая и целехонькая.

Листая записи семинаров, вспоминаю его жесты, манеру говорить, а главное слушать: терпеливо и внимательно. Мы, новички, постоянно несли сущую околесицу из сплошных шаблонов про ясное солнце, голубое небо, снежинки и сосульки. Грешили и с рифмой.

Он поправлял:

— Плохо! Об этом уже давно написано. Не копируйте других и меня! Ищите свой почерк автора, свое индивидуальное лицо. Будьте свободны. Отпустите себя в творчестве! Находите новые слова: синонимы, наречия, прилагательные. Бойтесь затасканных фраз. Избегайте банальщины, нравочений, пошлости. Пошлость позволительна герою-пошляку, но не автору. Не бойтесь пороть чепуху! Опыт придёт. Пишите броско, ярко, кратко. Вычеркивайте ненужные слова красным карандашом. Краткость — сестра таланта!

Пополняйте словарный запас. Это для школьников двенадцать тысяч слов — норма. Для вас — маловато. Русский язык беднеет: если раньше было сто двадцать слов с корнем «любить», теперь только сорок.

Избегайте иностранных слов. Не засоряйте речь.

Уходите от простых рифм: стол — пол, шёл — пошёл. Рифму подбирайте не одну и не две, а десять. Оставляйте — лучшую.

В произведении всегда есть конфликт между героями или в самом себе.

Не нужен и пафос через край, как у телят по весне.

Задала однажды вопрос Николаю Ивановичу :

— А что делать, если не пишется?

Николай Иванович улыбнулся.

— Работать. Готовить материалы. Заводить картотеку интересных слов. Промывать глаза чужим творчеством. Читать! Пробовать писать о земляках, ветеранах.

— А с чего начинать писать?

— У каждого это происходит по-разному. Кто-то набрасывает план, сюжет. У меня всегда все начинается с первой строки, самой ударной. Например:

Инакомыслящий тростник
Утешил изволнованную речку.

Я еще не знаю, какой будет следующая строка. Но уже вырисовывается картина: луна, дом, окно, женщина со свечой, баня, дым, звёзды. Описываю всё и перехожу к последней. Она тоже сильнее других строк.

Где сам собой окажешься ты врозь.
И это будет сном, а не обманом.

И добавил: «Вот, как-то так!»

Я прочитала на занятии стихотворение «В душе в жару метут метели». Он выслушал.

— И всё-то у неё ладно и складно. И к рифме не придерёшься. Но это не поэзия. Стишки плохого качества, бабские страдания. Поэзия — это парадокс!

Пишите о любви и счастье — не используйте данных слов в прямом смысле. Ищите им замену. Говорите о душевной боли, преподнесите так материал, чтобы у читателя тоже душа заняла.

Хорошее — то, что задело читателя, ранило словно шипом: сюжет, событие или запомнившаяся строка.

Часто мы получали домашнее задание — написать стихотворение по одной строчке, из пяти нами придуманных. У меня он отобрал: «Туча хмурилась, толстела». Стихотворение назвала «Туча».

Туча хмурилась, толстела.
Спрятать солнышко хотела.
Становилась черной, раздувала щеки.
Лопнула, как шарик, полились потоки.
Попугала громом, молнией блеснула.
Похудела очень. Подустав, заснула.
Подхватил ворчунью ветер-воевода
И унёс куда-то. Такова природа!
Сохранилось облачко, а затем растаяло,
Солнечные зайчики в лужицах оставило.

На следующем занятии, при разборе, от моей тучи остались одни клочья. Все оказалось неинтересным. Честно сказать, недоумевала. Сюжет есть, рифма тоже. Чего хотят от меня, непонятно. Мне, строчившей свои опусы в перерывах между приготовлением обедов, уборки, вязания носков и прочего, и в голову не приходило часами «лопатить» словари. Переделывать «Тучу» не стала и печатать тоже. Шло время, посещала семинары, менялись домашние задания. Появились пробы: рассказы, эссе, тексты песен, частушки, верлибры, сонеты. Постепенно недочёты стали видны, возможно, не в полном объёме, и словари стали настольными книгами.

Вновь листаю записи семинаров. В памяти всплывают моменты занятий в здании Союза писателей, аудитория всегда заполненная. Слова учителя, обращенные к нам:

— Пишите быстро! Не мусольте долго рукописи, залежатся — выбросите.

Мыслите и рассуждайте от своего «я» — до общественного. Раздвигайте границы между ними.

Запомните! Существует очень много слов-паразитов: как бы, конечно, однако, типа, в общем, ну вот, да, нет, все-таки, что, так сказать.

Избавляйтесь от них!

Успехам нас, «новобранцев, «всегда радовался:

— Неплохо, неплохо! Ей бы подучиться еще немножко! Душа-то у вас поёт, мастерства не хватает.

Говорил он негромко. Но в помещении стояла тишина, каждое слово доходило до слушателей. Никогда не повышал на нас голоса.

Он сравнивал нашу писанину со стихами поэтов профессионалов, указывая на недочёты. Если на следующем занятии не видел явных сдвигов, позволяя себе фразу: «Половина из вас — лентяи».

Имея в роду по отцовской линии казаков, решила написать стихотворение на эту тему. Показала «Станичную легенду» Николаю Ивановичу. Он сделал замечания и вернул на доработку. И напечатали его в «Графомане» только с третьей попытки, с устной резолюцией: «неплохо».

Когда река в дремоту облачится,
Вечерница взойдет, окрестность облунится,
Паря над гладью вод, девица мчится,
Загнав коня, к любимому стремится.

Мне, выбравшейся из своего кастрюльного зазеркалья, нравилось все: семинары, встречи, конкурсы, экспромт-концерты и участники. Необычайно талантливые люди. Некоторых Бог неоднократно поцеловал в макушку. Кроме того, что они поэты и прозаики, многие пишут музыку, картины, покоряют горы и бурные реки. А ещё — очень занятые люди: кандидаты наук, педагоги, врачи, журналисты, юристы. Настоящие самородки национальной культуры.

Часто на занятия приходил Александр Фунштейн с гитарой и пел свои добрые песни, немного ироничные. А как замечательно читала произведения классиков Нина Калева-Прохоренко. Однажды я принесла свои новые стихи «Ромашки», тоже «бабские».

Но не прочитала их, а пропела.

Ты приходил к сестре Наташке,
Ей приносил всегда ромашки,
И мне, как маленькой — кулек конфет.
А мне хотелось такой букет.

Неожиданно Лев Львов подошел к фортепиано и наиграл мелодию. Предложил повторить. Под аккомпанимент получилось хуже. Певица подкачала.

Нам всем было хорошо друг с другом. В перерывах общались, пили чай. Получали очередной номер «Графомана», слегка утомленные, разъезжались в свои города и села.

Мы тянулись к Николаю Ивановичу. Он не признавал пиара и не страдал манией величия. Был самим собой и неисправимым трудоголиком. От нас ждал того же.

Он нас любил.
Он нас сплотил.
Осиротели и скорбим...

п. Увелка

Людмила Рогачко

Одноклассники

*Моим одноклассникам,
окончившим кишинёвскую школу № 28 в 1969 году, посвящается*

Хвостик

Мы учились в восьмом классе. До Нового года оставалось всего ничего, когда у нас появился новичок: высокий (на голову выше наших мальчишек) кудрявый парнишка Костя. Он сразу занял место за последней партой в среднем ряду, где никто не сидел. Я тоже сидела в среднем ряду, но на первой парте, по причине небольшого роста и плохого зрения. Место возле меня было свободно. Сами понимаете — первую парту не очень жаловали.

В новичках Костя ходил недолго, как-то сразу вписался в наш дружный коллектив. Под рубашкой он носил полосатую тельняшку, а вместо куртки — настоящий морской бушлат. Его отец был военным моряком. Костя бредил морем, но был вынужден жить в нашем сухопутном городе. Сюда его привёз старший брат, тоже военный моряк, после трагической гибели их родителей. В Мурманске за ним некому было приглядывать, а здесь жили их единственные родственники.

Как-то ко мне на перемене подошла Анюта:

— Ты что, вообще слепая?

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Костик на тебя запал. Всё время зыркает в твою сторону. Дырку уже в твоём затылке прозыркал. Все видят, одна ты, как всегда, ничего не замечаешь. Очки надо носить, слепешара.

— Больно надо! — обиделась я на «слепешару».

На следующий день я увидела, что у меня появился сосед по парте. Это был Костик.

— У тебя плохое зрение? — поинтересовалась я.

— Нет! Оно у меня выборочное и выбрало тебя. А ты что, возражаешь?

— Сиди! Мне без разницы.

Первым уроком была математика, которую вёл наш классный руководитель.

— Что это за самодеятельность? — строго спросил Семён Ильич, глядя на Костю. — Из-за тебя, сидящие сзади, ничего не увидят на доске. Марш на своё место!

Костя взял свой портфель, затем почему-то мой, и пошёл к своей парте.

— А ты чего сидишь? — спросил он меня. — Твоё место теперь тут, — и пальцем указал, где именно я должна с этого момента сидеть.

— Ну, вот ещё! — хмыкнула я. — Мне и тут хорошо!

— А здесь будет лучше, — взяв меня за руку, возразил Костя. — Женщина должна жить под защитой сильного мужчины.

После секундной тишины раздался дружный громкий смех. Классный потерял дар речи, а затем, повысив голос, чтобы его услышали, смеясь, сказал:

— Верни её на место, она на галёрке ничего не увидит. Очки, видишь ли, стесняется носить.

Кости посмотрел на меня сверху вниз:

— У тебя, Мила, два варианта: либо ты носишь очки и сидишь со мной там, либо я сижу с тобой здесь.

— Ладно уж, пересаживайся к ней, да побыстрее. Итак, уже пол-урока занял своими переселениями, — взглянув на часы, разрешил Семён Ильич.

С тех пор Костя неизменно повсюду сопровождал меня, за что и заработал своё прозвище «Костик, Костик — Милкин хвостик».

После окончания восьмого класса Костя уехал к брату в Мурманск и поступил в мореходку. Он не оставил свои координаты никому, даже мне. Где он, как он, чего добился — никто из нас не знает. Надеюсь, его мечта сбылась. На встрече с одноклассниками мы вспоминали и эту историю. Кто-то из ребят пошутил в мой адрес:

— Ну, что, Милка, Костик поматросил тебя и бросил?

— Дурак! — как школьница, отмахнулась я.

— А мы-то думали, что у него любовь...

Личный пример

Учился в нашем классе Борька по прозвищу Хиппи. Увлёкся он движением хиппи, причём в самом худшем его проявлении: отрастил себе гриву волос, но мыл её очень редко, носил рваную одежду. Боролись с ним и родители, и школа, но Борька был непробиваем. Мы, его одноклассники, относились к его увлечению спокойно, нам даже нравилось, что у нас есть свой хиппи.

Я не видела его ровно 50 лет. На юбилейную встречу одноклассников пришёл ухоженный, хорошо одетый господин, в котором трудного было узнать Борьку. Об увлечении напомунала только серьга в ухе, которой в школьные годы не было.

— Всё ещё хиппуешь, Боренька? — поинтересовалась я.

— Давно нет, Милочка! — ответил он.

— А серёжечка в ухе говорит об обратном.

— Понимаешь, внучка очень хотела носить серёжки, но проколоть ушки панически боялась. Пришлось мне на личном примере показать, что это не так уж и больно. Так с тех пор и хожу.

г. Касли

Станислав Члчков

Моя целина

«Моя целина» — это не попытка повторить литературный подвиг известного автора одноимённого произведения.

Это рассказ о студенте, который вместо обычной банальной для того времени поездки в местный колхоз участвовал в уборке урожая на целинных землях Казахстана.

Рассказ посвящён моим товарищам — совсем молодым студентам-комсомольцам, которые откликнулись на призыв помочь в уборке целинного урожая, презрев комфорт и уют, подвергли себя серьёзным испытаниям и с честью выдержали выпавшие на их долю невзгоды.

К сожалению, не могу вспомнить после прошедших многих десятков лет имена и фамилии моих товарищей-целинников, но их образы и события того времени запомнились на всю жизнь.

* * *

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, мне 18 лет. Окончен первый курс Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, успешно сдана сессия.

Во время летних каникул было принято направлять студентов в колхозы и совхозы для участия в сельхозработах. Нам предложили на выбор: работать в районах ростовской области или на целинных землях Казахстана.

В погоне за романтикой и приключениями я и довольно большая группа студентов РИИЖТа изъявили желание поехать на целину. Кроме того мотивацией поездки на целину

было неафишированное желание стать причастным к великим свершениям на благо нашей Родины.

Нам выдали комсомольские путёвки и отпустили домой для подготовки к поездке.

На удивление мои родители, жившие в Армавире, спокойно отнеслись к моему решению. Купили мне стёганную ватную телогрейку, которая была для советских граждан «национальной» одеждой в течение длительного времени, и очень прочные рабочие ботинки китайского производства.

И вот настал день отъезда. На перроне были организованы торжественные проводы, звучали напутствия партийных и комсомольских вождей. На целину уезжали студенты многих вузов города Ростова.

Подали железнодорожный состав из товарных вагонов, оборудованных нарами. Никаких матрасов, ни тем более постельного белья не было.

В дверном проёме перекладина. Одни сидели, свесив ноги на краю дверного проёма, другие стояли, опершись на перекладину, и с большим интересом созерцали просторы нашей необъятной Родины.

Кормили нас в армейских столовых возле вокзалов, примерно один раз в сутки. На остановках все выбегали из вагонов и часто устраивали беспорядки. Помню, на одной станции большая толпа студентов организовала купание под паровозным краном. Вода лилась рекою между рельсами.

Через пять дней прибыли в районный центр Есиль Акмолинской области. На перроне — торжественная встреча, приветственные речи представителей местных властей.

Из Есиля нас развезли по совхозам района. Поздним вечером нашу группу привезли на грузовиках на центральную усадьбу совхоза имени Вильямса, расположенную в 90 километрах от райцентра.

Ночевали в клубе, на полу. Кто-то (не из наших), лёжа на сцене, читал хулиганские стихи, переделанные из басен И. А. Крылова.

Утром нас, человек пятнадцать, привезли в расположение бригады совхоза, которая находилась в километрах десяти от центральной усадьбы на берегу небольшого озера — части пересыхающей летом реки.

На территории бригады была землянка, предназначенная для хранения запчастей и другого сельхозинвентаря. Фундамент дома размером 5×6 метров, кухня-столовая, построенная из фанеры и досок и площадка для тракторов и прицепных комбайнов.

В кухне жили две девчонки — поварахи из кулинарного техникума города Нальчика.

Нам выдали большие палатки, которые мы сами установили, раскладушки и чёрные матрасники и наволочки. Их мы набили соломой.

Часть студентов, в том числе и я, убирали урожай, другие — строили дом в бригаде и другие объекты в совхозе.

Пшеница на целине была низкорослой: на буграх 15—20 сантиметров, а во впадинах — повыше. Убирали передовым в то время отдельным методом: сначала косили в валки на лафетных жатках, а потом подбирали и обмолачивали комбайнами.

Кроме студентов в бригаде жили несколько профессиональных механизаторов, приехавших из разных районов страны.

Вначале я работал машинистом лафетной жатки, прицепляемой к трактору и имеющей привод повышения производительности к валу отбора мощности.

Для повышения производительности к трактору были прицеплены две жатки, одна из которых была переделана по предложению механизатора таким образом, чтобы обе жатки сваливали пшеницу в один валок. Работали день и ночь. Спали на транспортёре жатки. Еду привозили из бригады.

Был случай, когда все члены экипажа агрегата: тракторист, машинист второй жатки и я — заснули. Когда я проснулся, то увидел, что мы движемся по диагонали поля, все спят. Благо просторы неограниченные, кругом бескрайняя степь. Рискую попасть под левое колесо жатки, прыгнул со своего сиденья и, догнав трактор (ДТ-54), стал бросать комья земли в тракториста. В конце концов, я его разбудил, и мы вернулись на край поля. Впоследствии мы привязывали к руке тракториста верёвку, второй конец которой был у меня.

Днём нас встречали суслики, которые стояли столбиками возле своих нор, а ночью сопровождали волки. Они держались на небольшом расстоянии от агрегата и не очень нас боялись.

Никакого обучения мы не проходили, не было и никаких инструкций. Всё познавали на практике.

На стене кухни мелом кто-то из начальства наносил информацию о результатах уборки. Помню, наш агрегат отличился: за короткое время мы скосили 406 гектаров.

Жизнь в бригаде была простой: почти всё время занимала работа, и только короткий отдых для сна.

В бригаде было несколько грузовых машин с водителями из Алма-Аты. Один раз ездили в соседний совхоз на танцы. На период уборки спиртное нигде не продавалось. Любители выпить снаряжали экспедиции для поиска водки в радиусе 200 километров.

Пока было тепло, купались в озере. С наступлением холодов купаться было негде.

Моё рабочее место — металлическое сиденье — находилось в полутора метрах от трактора. Из-под гусениц поднималось густое облако пыли, которым я покрывался с ног до головы.

Техника часто ломалась. Однажды развалился кардан привода жатки и часть кардана — труба квадратного сечения — пролетела возле моей головы. Мы её так и не нашли.

При поломке запчасти снимали с сельхозтехники, стоящей на площадке в бригаде.

Помню, когда я уже работал на прицепном комбайне, сломалась шестерня. Тракторист отцепил трактор «Беларусь» и послал меня на нём в бригаду снять такую же с комбайна. То, что я никогда не управлял трактором, его не смущало, а до бригады было километров 15—20. По дороге освоил управление трактором, снял шестерню и доставил её к месту поломки. Хорошо, что в школе у нас был предмет «Автодело».

В сентябре резко похолодало, а во второй половине месяца выпал снег.

Раздельную уборку отменили. Моя работа на комбайне, как и на лафетной жатке, заключалась в регулировании высоты ножей с помощью штурвала.

Несмотря на то что выпал снег, я продолжал работать на комбайне. Пшеница была засыпана снегом полностью, и было очень трудно установить нужную высоту ножей. Иногда я захватывал пшеницу с землёй, а иногда — один снег.

Дул ветер, а то и со снегом. На мостике было очень холодно. Когда становилось нестерпимо, я фиксировал штурвал на защёлку и залезал в бункер, где, по крайней мере, не было ветра. В таких условиях обеспечить уборку без потерь было невозможно.

С похолоданием мы перешли из палаток в дом, который построили наши студенты из самана на существующем фундаменте. Спали вповалку на нарах, не раздеваясь.

Отапливали дом соляжкой, сжигая её в печи.

Однажды ночью проснулся от какого-то шума. Входная дверь открыта, на улице почему-то светло. Все бегают то на улицу, то в дом.

Выбегаю из дома и вижу: горит кухня-столовая. Возле неё дымится ГАЗ-51, который студенты пытаются откатить от горящей кухни. Пожар возник вследствие использования соляжки для отопления. Грузовик спасли, а кухня сгорела полностью.

После пожара девчонки-поварихи уехали в свой Нальчик, а мы остались не только без горячей пищи, но и вообще без всякого продовольствия.

Денег нам не выдавали. Пока я работал в поле, мои товарищи, свободные от работы (раньше они строили), добывали пропитание: собирали случайно оставшуюся в полях кукурузу, морковь и тому подобное.

А иногда делали набег на «дичь», которая паслась возле селений. Происходило это так: группа студентов на грузовике останавливалась возле стаи «дичи», выскакивали ребята, хватили птицу и быстро уезжали.

Поскольку купаться было негде, у нас завелись вши в большом количестве. Приблизительно в середине октября нас решили вывезти. К этому времени наши товарищи в РИИЖТе уже полтора месяца учились без нас.

Мы получили расчёт. Я заработал 2000 рублей и полтонны пшеницы, которую там продал за символическую цену.

Чтобы избавиться от вшей, одежду постирали в солярке.

Возвращались в пассажирских вагонах с постелями и белыми простынями. После нескольких месяцев жизни в спартанских условиях мы научились ценить элементарный комфорт.

В поезде ехали студенты многих ростовских вузов. Ходили по вагонам друг к другу в гости, пели песни, праздновали возвращение.

После приезда в Ростов разъехались по домам собирать вещи для продолжения учёбы. В конце октября приступили к занятиям.

Вскоре состоялось городское торжественное собрание целинников ростовских вузов, на котором отличившимся вручали награды.

В возрасте 18 лет я получил свою первую награду — медаль «За освоение целинных земель».

В последующие годы студенты-целинники приглашали друг друга на вечера, проводимые в институтах, и вспоминали дни, проведённые на целине.

г. Армавир

Николай Шукшин, Татьяна Ефимова

Авторы благодарят бывшего старшего воспитателя КОРЦ, ветерана педагогического труда Галину Петровну Галкину за предоставленные им материалы из её личного архива.

Хозяин детского дома*

Она родилась в самом начале прошлого века в городе Путивле Сумской области в семье бондаря и прачки из поместья Терещенко — крупного сахарного магната. Её мать, Домну Яковлевну, очень красивой шестнадцатилетней девушкой выдали замуж за весьма немолодого вдовца Павла Алёшина. Наталья стала в родительской семье четырнадцатым, самым последним ребенком. По-разному сложились детские судьбы: до взрослости доживут семеро. Двое скорострительно умрут в юности от туберкулеза, пятеро получают высшее образование, обзаведутся семьями. До старости дотянут трое: Наталья, Василий и Ольга.

В трёхлетнем возрасте наша героиня осталась без отца. На плечах матери грузом повисли многочисленные заботы о детях. Работа от зари до зари да думы о хлебе насущном. По этой житейской причине в восемь лет отдали девочку в няньки. Обиды за то на мать не имела. Любила и жалела её очень. Скучала, будто знала, что больше никогда её не увидит.

Как-то зимой мать на речке полоскала белье, сильно простыла, заболела крупозным воспалением лёгких и умерла. Последней фразой женщины стали слова о страхе за судьбу совсем маленькой дочери, отправленной «в люди». Через какое-то время ребёнку забрала оттуда тётка — дама сварливая и немилосердная, с явными замашками жандарма в характере. В школу Наталья ходила, училась хорошо, с большим желанием и старанием. Особенно когда в четвёртом классе к ним учителем придёт сестра Фрося.

На хрупкие детские плечи была возложена вся домашняя работа. Приходилось мыть, стирать, шить, варить, носить большими вёдрами воду, ухаживать за скотом, обрабатывать огород, так как тётка, будучи набожной, практически всё время находилась в церкви или ухаживала за больными, немощными, престарелыми в местном лазарете. Дама соблюдала все церковные праздники и посты, а по воскресенья вместе с домочадцами отправлялась в храм.

То ли от работы, то ли от природы, но в свои четырнадцать лет Наталья выглядела вполне взрослой девушкой. Иногда тётка разрешала ей пойти на гульбище, где собиралась сельская молодежь. Песни, хороводы, игры, пляски под гармошку, весёлые разговоры делали жизнь интересной, и сиротство не казалось уже таким горьким, тем более что старший брат без внимания не оставлял. На гульбище судьба подарила девушке встречу с красивым, сильным и очень внимательным Василием, который сразу западёт ей в сердце. Хлопец тоже положил глаз на Наталью. Симпатия переросла в большую любовь. Через девять лет они станут мужем и женой.

После десятилетки Наталья устроится на работу в Пешкино. Это крупный районный центр. Тем временем старшая сестра Ольга, брат Василий с семьёй обосновались и работали в Москве. Они настояли, чтобы Наталья приехала в столицу и поступила учиться. Страна развивалась, строилась, нуждалась в кадрах. Открывались рабфаки, институты, техникумы. В них дети рабочих, крестьян и батраков зачислялись в первую очередь. И наша героиня отправилась в Москву. Но с первого раза никуда не поступила. Ряд справок по месту жительства оформили неверно, другие — и вовсе не выдали. Надо было работать, на что-то жить и собирать справки.

Остановилась пока у брата. Он жил в небольшой комнате коммунальной квартиры. Ходила в Наркомат мыть полы и туалеты. Позднее от института ей предложили место домработницы. Это была богатая интеллигентная семья: она — актриса, он — какой-то чиновник. Очень воспитанные, добропорядочные люди. У этой четы Наталья проработала почти год. Пришла пора расставания. За неделю до этого события хозяевам пришла телеграмма о том, что к ним в гости направляется писатель Максим Горький. Как оказалось, главой хозяйского семейства был приемный сын литератора.

В 1927 году Наталья Павловна стала студенткой 2-го московского университета. В то время программы всех вузов подвергались значительному сокращению. Через три с половиной года обучение её завершилось.

Почти целую пятилетку не видела наша героиня своего возлюбленного. Он приехал за ней в Москву. Здесь, в семье её брата, и отметили молодожёны день своего бракосочетания, после чего отбыли в Воронеж работать и налаживать новую жизнь.

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 4(48)-2021.

Молодой специалист стала заведующей методическим кабинетом при областном отделе народного образования (ОБЛОНО). Работа оказалась интересной. Вершить её пришлось в прекрасном коллективе единомышленников. Вместе они выпустили две методички-инструкции со стихами, играми, требованиями для детских садов. Жизнь шла своим чередом.

Беда пришла, откуда не ждали. Тяжело заболел муж, Василий Иванович. На помощь семье поспешили друзья, знакомые, коллеги. Помогли попасть к светилам медицины. Сам профессор взялся его лечить и поставил-таки на ноги.

В 1932 году в семье родилась дочь Клара. Отец в ней души не чаял. Наталья Павловна помогла мужу поступить на рабфак, освоить научные премудрости. Сделала всё, чтобы он мог сочетать занятия в вузе с практической работой. Через год Василий Иванович стал студентом Комвуза. Учился на факультете Красных директоров. В то время всё черноземье СССР охватило страшный голод. Семья Камарецких уцелела чудом. Распродали всё, что можно. Ходили босиком. От голода ноги пухли, сочились и покрывались трещинами. В полдень глава семейства обычно брал домочадцев в Коммуну, чтобы разделить с ними свой обед.

Через некоторое время по партийной линии Василий Иванович стал заниматься описанием имущества богатеев, сбежавших на Запад. Красный директор видел в их домах настоящую роскошь: дорогую одежду, серебряные кухонные и столовые наборы, недешёвый фарфор и много чего ещё. Понимая, что его собственная семья едва сводит концы с концами, предложил жене кое-что взять себе. Та лишь руками всплеснула: «Боже тебя спаси! Тебе доверило государство, и ты это доверие должен оправдать». Он ничего домой не принёс. И никогда в жизни они оба чужого не взяли. В этом духе они воспитали свою дочь и детей. В те голодные годы тяжело заболела дочь. Жизнь ребёнка висела на волоске.

Вскоре, как уже знает наш читатель, Камарецкий принял под своё начало детскую колонию в Задонске. О таком повороте судьбы жена сожалела. Ей было тяжело терять друзей, полюбившую работу. Ведь Задонск — далеко не Воронеж.

Василий Иванович увёз жену и ребёнка в деревню. Здесь они ежедневно могли покупать молоко. На смену голодной поре вскоре пришёл урожайный год. Глава семейства начал получать жалование снедью: мукой, сахаром, горохом, гречкой, солью. Селяне перевели дух. Новая беда подкралась незаметно.

В 1939 году семью Камарецких настиг пожар. Дотла сгорела их квартира. Но они не паниковали и не горевали, а радовались тому, что ребёнок уцелел. В тот злополучный день девочку с утра отвели в садик. С миру по нитке собрали нехитрый скарб и продолжали жить. Предстояло заняться озеленением двора коммуны. Каждый цветок на клумбе источал свой неповторимый аромат.

Администрация приняла решение обнести двор учебного заведения забором. За ним был свой мир. Жизнь здесь управляли беспризорники, воры, бандиты разных мастей. Они были детьми в возрасте от 7 до 17 лет. Их жизнь подчинялась законам воровского мира. Дрались не на жизнь, а на смерть. Однажды Наталья Павловна, всегда спокойная, бросилась в гущу такой драки, чтобы развести дебоширов по сторонам. Удивленные то ли её смелым поступком, то ли безумием, они прекратили свои поединки. В будущем, через определённое время, она сумеет завоевать огромный авторитет. Её станут уважать и бояться. Она никогда не кричала, не оскорбляла, не унижала ни одного беспризорника. Брала своей решительностью, убеждением, спокойствием. Между собой ребята называли её не иначе, как железный Феликс. Коллектив сотрудников подобрал грамотный, с чувством долга, ответственности. Здесь воспитывало всё, даже каждая мелочь: уход, индивидуальный подход к каждому, отношение к личности, внешний вид, оформление помещений, убранство спален, кабинетов, мастерских и созданный Натальей Павловной драмкружок. Его полюбили буквально все. В 1940 году отмечался юбилей интерната с конкурсами, фейерверками, праздничным обедом и множеством гостей. Это была даже не колония, а цивилизованный детский дом. Его организация потребовала от каждого сотрудника личного трудового вклада в общее дело, самоотверженности и ответственности за свою работу. Но никто не знал и не ведал, что в семью Камарецких одна беда приходит за другой.

В 1937 году по ложному доносу арестовали и расстреляли брата Натальи Павловны Алексея — преподавателя военной академии. У него останется супруга, которая, к несчастью, скоро умрёт от тяжелой болезни, и пятеро сыновей. В 1938 году не станет сестры Елены. Ей едва исполнилось тридцать пять лет. В конце 1939 года брат получил десять лет лагерей за антисоветскую пропаганду. Василию Ивановичу тоже досталось. Три ночи подряд его забирали в участок конный конвой, пытаясь получить показания на председателя горсовета. И таким образом признать последнего врагом народа. Камарецкого не закроют, слишком большой авторитет имел он в городе и области.

Вместе супруги смогли пережить все ужасы того непростого времени. Трудности сплотили их ещё больше. Наталья Павловна так и не стала коммунистом, опасаясь, что раскроются все семейные тайны. Все эти проблемы отошли на второй план сами собой с началом войны. Но, когда по прибытию в Кусу детского дома на чету Камарецких наложат арест, Наталья Павловна поседет за ночь.

Голодная пора заставила Василия Ивановича срочно заняться организацией подсобного хозяйства, что помогло выжить. Наталья Павловна занималась воспитательной работой и проведением различных мероприятий, в чём её воспитанникам в районе не было равных. Из года в год они занимали первые места в различных конкурсах.

Директору и завучу приходилось буквально жить на работе. Трудились на покосах, заготовке дров, в огороде. Все мужчины ушли на фронт. Заготовкой дров занимались женщины. Лошадей пока ещё не было. Потому женщины впрягались в сани сами: Зинаида Федоровна Зубова, Зина Киселева, Наталья Павловна, Пелагея Даниловна, а остальные толкали сани сзади. У Натальи Павловны была ещё одна нагрузка — готовить годовые отчёты по итогам работы интерната. Нареканий она не получала никогда. Ей удалось создать трудовые бригады из сотрудников и воспитанников. Они дружно выполняли всю хозяйственную работу.

Вечерами, обычно после ужина, старшие воспитанники из Задонска приводили в квартиру своих наставников, садились на лавку вокруг большого самодельного деревянного стола. Говорили и спорили о делах насущных, играли в домино и карты, пели. И на душе становилось легче. Так формировался коллектив единомышленников. К лету 1942 года удалось сдружить Кусинских и Задонских ребят. На праздниках все пели и плясали. Кумиром была Зина Валеева. До конца 1990-х годов Зинаида Васильевна работала няней в нашем интернате. Она отличалась добросовестным отношением к делу. Любила покричать, но как-то без злобы. Всегда была готова прийти на помощь. Долгие годы являлась донором крови, которая помогла спасти десятки человеческих жизней. Воспитала троих сыновей.

В 1954 году Василий Иванович оставил пост директора, а Наталью Ивановну перевели в Воронеж завучем детского дома. Но вскоре Камарецкие снова вернулись в Кусу, и пятый директор нашего интерната Дмитрий Ермолаевич Кудряшов пригласил ее на работу, чтобы вернуть заведению былую славу, какая была при муже. Наталья Павловна согласилась и сделала всё, как надо, став для Кудряшова надежной опорой. В ту пору ей пришлось заново организовывать в интернате художественную самодеятельность, приводить в порядок документацию. Со всем справлялась. В короткий срок Кусинский детский дом стал занимать первые места по многим показателям среди подобных заведений России.

Упокоилась Наталья Павловна уже в преклонном возрасте, в 88 лет. Но до конца дней осталась в ясном уме и доброй памяти. За свою жизнь ни разу никого не оскорбила, не унизила, всегда оставалась предельно тактичной, вежливой, спокойной и рассудительной. В этом смысле она была полной противоположностью своего горячего супруга. Тот мог вспылить до ярости, но быстро отходил. А Наталья Павловна брала другим: убедительностью доводов, железной аргументацией, силой характера и добротой. Разные по характеру люди, они шли в одной «упряжке» к единой цели и никогда не сдавались.

В молодости Наталье посчастливилось уцелеть в огне двух пожаров — в Красноярске и в Златоусте, где она проживала в разное время с родителями, хотя шансов спастись было крайне мало. Наталья Павловна смотрела на жизнь с оптимизмом. Много читала. Особенно любила русскую классику. С душой пела народные песни. Разбиралась в живописи. С удовольствием слушала оперные арии. И всегда стремилась к личностному совершенству. Она часто думала об этом в минуты достижения любого успеха.

Уданный труд педагога отмечен путевкой наркомата на открытие ВДНХ. В столицу Камарецкие ездили всей семьёй. Среди наград нашей героини — многочисленные трудовые медали, министерские грамоты, знак «Ударник коммунистического труда», почетное звание «Отличник просвещения РСФСР». Но люди того героического поколения трудились не ради славы, а по велению сердца, отдавая детям часть своей души.

г. Челябинск, г. Курган

185 лет — от Чёрной речки

Галина Афимова

Миражи

Рано утром мне не спится,
У меня такой режим:
Ум мой хочет потрудиться,
Погрузиться в миражи;

Навести порядок в мыслях
И послушать отзвук лет:
Может кто-то сверху — вышний —
Образумит, даст совет.

Где же Пушкин, гордость наша?
Встречи наши нарасхват!
Для знакомства — кофе чаша,
Красным свечи все горят.

Киньте мне одну, две фразы —
И закрутится мотив;

Вы не бойтесь: будет праздник,
Будет много перспектив.

Вы бесстрашный — точно знаю.
Ну, так что же? Жду я Вас!
Вспоминаю, вспоминаю
Древний ветхий тарантас.

Приезжайте днём иль ночью,
Когда будете скучать.
Встречу гостя: Вы в почёте!
Не хочу Вам докучать.

Вот запал мне в душу Пушкин:
Кладезь слов — большой шутник;
Захотелось быть Вам дружкой:
Вы в мечты — мой проводник!

г. Копейск

* * *

Не смотри с портрета с укоризной.
Разметались кудри по холсту.
Мы знакомы были в прошлой жизни,
И встретались в мае на мосту.

Шли гулять по набережной Мойки.
Холодало. Я болтала чушь.

Я бы шла с тобою вечность, только
Я в другие вечности лечу.

Дом 12, силуэт твой тонкий
Затянулся в арку темнотой.
За руку, за фрак держала б, только —
Надевал Дантес уже пальто.

г. Миасс

Каринэ Гаспарян

Последний бал Пушкина

Белый зал и в чёрном дирижёр;
Взмах руки — и парами по кругу;
Вон Дантес, а рядом Натали,
Боже! как близки они друг другу.

Веер щёк притушит жар слегка,
Локон шаловливый на щеке;
Поступь величавая и легка,
И рука покоится в руке.

Шёпот за спиной: «Ах, мон шер!
А Дантес чудесный кавалер,
Да и Натали ему под стать!
Краше пару трудно отыскать.

И кипит по жилам кровь поэта —
Ногти в кулаке, аж до крови...
Ах, как смело, как невинно смело
Всё-таки смеётся Натали!

Как она смеётся! И порхают,
Алый шёлк и розовый муар!
Только сплетни, сплетни разжигают,
Ревности бушующий пожар.

Натали, Дантес с Мари Мещерской,
Геккерен с сестрою Натали —
И мазурки сладкое блаженство,
Полонезов всхлипы до зари...

Люди не добры, да и не злые —
Просто так почешут языки:
Скучно им сегодня и попалась,
На язык попалась, Натали...

Завтра может быть уже другая:
Всё привычно, «свет» он «свет» и есть.
Только Пушкин злится неприлично,
Защищая и себя, и честь.

Елена Дугенкова

Ну, к чему, скажите, горячиться?!
Вот и злополучная дуэль —
Не со зла, а так, повеселиться...
Вы — убили! Вы попали в цель.

А потомки ваши и их дети
Всё равно его боготворят!

Ольга Карпенко

У Чёрной речки

Район Приморский. Чёрной речки плеск.
Год тридцать третий. Солнечное лето...
Так далеко до гибели поэту —
И близко... Судьбоносность невских мест:

Шестым июльским днём родился сын
Здесь — назван в честь отца он
Александром —
На даче. Жизнь цвела счастливым садом!..
Был миг далёк, что станет роковым.

В усадьбе, рядом с Невкой, снова бал,
Прогулки вдоль береговой дороги,
И до рассвета с музой диалоги...
Светла, туманна Чёрной речки даль.

Здесь рядом, как на острие надежд,
Рожденье сына — и прощанье с жизнью,
У Чёрной речки, чёрной для Отчизны,
Спустя четыре года пал поэт.

Сменилось лето снежным февралём,
Сменилось счастье роковой утратой.
Поэтом жизнь поставлена на карту,
Но память вечна и светла о нём!

Вы — все прах!
А он один бессмертен!
И живёт поэт!
Теперь живёт в стихах!

г. Троицк

Сейчас у Чёрной речки сквер разбит,
Возведена в нём каменная стела —
С тех пор на месте пушкинской дуэли
Народная печаль в сердцах скорбит.

Русский гений

У нас в стране не зря явился гений:
Так хороша Россия, велика!
Взлетает к солнцу Пушкина строка,
Описывая чудное мгновенье.
Пытлив и страстен у поэта взор
И дерзок головы кудрявой очерк.
На лист из-под пера стремятся строчки —
Летит Пегас в языковой простор.

Низвергнуты случайные кумиры,
Всё по местам расставят времена —
Нетленны пушкинские письма:
Нерукотворный дар поэта миру
Поэзией течёт из уст в уста —
От предков к новым поколениям...
Жизнь Пушкина — всего мгновенье,
А муза — вечна, гениальна и чиста!

г. Челябинск

Нэлл Кизилова

России первая любовь

Нет! Пушкин не убит зимой на Чёрной речке,
Хотя жестокий рок его с Дантесом свёл.
Хоть пистолет палит и не даёт осечки...
В минуту ту поэт бессмертие обрёл.

Он сверстников своих приводит в изумленье,
«России первая любовь», достойный муж.
Живой родник, источник вдохновенья,
Глоток святой воды для наших мёртвых душ.

Он лирою своей спасает наши души,
Вселяет в них любовь, достоинство и честь.
И вера там сильнее, где деревенька глуше,
Там чище наша кровь и праведники есть.

И сколько бы ещё не минуло столетий,
Родится, может быть, достойнее пиит.
Но Пушкин будет жить в любое лихолетье:
Он — совесть нации — не может быть убит.

с. Миасское

1825. Михайловское

За окном снега и веси.
Бесконечный санный путь.
Поле, волки, лес и бесы —
И назад не повернуть.

Давит небо темно-серо,
И бледнеет чуть восток.
Засыпает милый север
Бесконечный снега ток.

* * *

Среди его стихов и слов великих
Мне всякий раз виднеется ясней
Глубокой мудрости пласты, все лики,
Согласье душ, исполненных страстей.

А. С. Пушкину

Предания старины глубокой
Внимал мальчишка с юных лет.
Струился лунный свет от окон,
И шёпот грел и няни плед.

Крутилась пряжа тонкой нитью,
А сквозь ресницы тени, лес...
Ах, няня, как же переплыть мне
Весь океан твоих чудес?

И вот перо от строчки к строчке
Выводит сказку наяву.

Одиночество поэта;
Бесконечна ссылки жуть:
Ни привета, ни ответа —
В Петербург заказан путь.

Там под злую песнь Борея —
Государственный аврал.
Здесь, в снегах повальных зреет,
Чернореченский финал.

г. Челябинск

Тулеген Наурзбаев

Не знаю лучшего пока гипноза
И оторваться не могу совсем
От пушкинской волшебной прозы,
Его сонетов, сказок и поэм.

г. Троицк

Тамара Сумовских

Мир удивился — как же точно
Попал и всколыхнул молву.

Да так, что не одно столетие
Он будит души. Русь жива
А некто хитростью и плетью
Хотел загнать её в хлева.

Поэт великий — ростом мал,
Путь указал России милой.
И в буквах всё зашифровал.
Убить пытались — не убили.

п. Тыелга

Алла Федосееенкова

Но Чёрная речка течёт и течёт

* * *

День чёрной рекою куда-то течёт...
И так же возможно,
Кастрюли хрущоб заливая борщом
Слов пустопорожных,
Считать медный сор, торговать плоть коров
И жарить бессменно
Их мясо на углях бессчётных костров
Своей Ойкумены.

В орбитах убитых обжорством планет,
Распятий в постелях,
Ни стоны уже, ни дыхания нет
В простреленном теле.

Ничком, задохнувшись желанием жить
И кровью из раны,
Собравшийся в вечность недвижно лежит
На ложе нирваны.

Но Чёрная речка течёт и течёт
По руслу былого.
Сердцам, обожженным строкой, горячо.
Бессмертное слово,
Как пуля-убийца, войдет в тишину,
Чтоб люди не спали,
Страницы судьбы его перевернув
На столиках спален.

* * *

В шкафу бренчит костыми скелет.
Да у кого их нынче нет?
Кого не слали темным лесом?
Вне дряхлых правил политеса,
С отсрочкой в пару сотен лет
Я на дуэль зову Дантеса.

Да, я приду за ним туда,
Где и верблюд пролезет в ушко
Иглы Хайяма. Без стыда
Перчатку брошу и на мушку
Возьму, как черная вода,
Всего, от пяток по макушку.

Сомкнусь над ним, взведу курок,
Преодолев верх женской сути.
Не Пушкин я, не обессудьте.
Его враги, друзья и судьи

Александр Фунштейн

* * *

*Раненый на дуэли Пушкин умирал два дня
и скончался 10.02.1837 г.*

О! Как сказал он о зиме:
«Мороз и солнце, день чудесный...»
Такое сделать резюме
Мог лишь поэт наш, всем известный.

А нынче как-то всё не так:
Морозы даже измельчали...
А Пушкин нам оставил знак —
Февральский день большой печали.

Прошло почти две сотни лет...
Неукротимо время мчится,
Но тот проклятый пистолет,
Мне кажется, ещё дымится.

И длится горькая печаль,
Два дня казались веком длинным,
И милый, добрый доктор Даль
Бессилен без пенициллина.

Пенициллин, он мог спасти!
Творений новых сколько б стало!
Великий Пушкин! Ты прости,
Что так наука опоздала.

Дуэль

По белому сверкающему снегу
Барьеры прочертили секунданты,
И жизнь вся от альфы до омеги
Мелькает быстро в мыслях дуэлянтов.

Мне скажут, что упущен срок,
А совесть вечно на распутье.

Но как же заповеди? Всем
Когда-нибудь за все ответить
Приспееет срок. — Любовь посеи!
И белой ночи снег осветит
И жертву освятит.
Но метит
Дантес в сердца России всей.

Какой от смерти этой прок
Вершителям и лжепророкам?
Беду накаркавшим сорокам?
Домам, мечтающим о лете?
Ни снег февральский не ответит,
Ни кровь зари на парапете
Реки, черней всех рек на свете.

г. Коркино

Их чёрные угрюмые фигуры
Уже идут к барьерам друг на друга
И чья через мгновенье пуля-дура
Противника уложит в снег упругий?

Снег не постель, не мягкая подушка...
Миг роковой уже в судьбу стучится,
Упал, ещё полшага сделав, Пушкин,
Как чёрная подстреленная птица.

Но Пушкин... Пушкин, как всегда, неистов,
От боли он едва не задохнулся,
Но, всё же сделал свой ответный выстрел
И, как всегда, поэт не промахнулся.

Но спасся враг запретною защитой.
Он выстрелил, мерзавец, в нашу гордость,
Ничтожество — убийством знаменитый
И воплощением понятия — подлость.

Женщины Пушкина

Известная Наталья Гончарова...
С ней жизнь обошлась весьма сурово.
Была приятной, вовсе не дурнушкой.
Кто б знал о ней сейчас, когда б не Пушкин?
И Анна Керн — приятная девица,
Ей тоже не везло, как говорится,
За старика сосватали девчушкой.
Кто б знал о ней сейчас, когда б не Пушкин?
О женщины! О вас поют поэты.
Какие песни в вашу честь пропеты!
Вы умницы, красавицы, вы душки.
Но если бы не вы, а был бы Пушкин?

Шутка

Я в чём-то словно Пушкин просто,
Огонь в душе моей горит.
Мы оба маленького роста
И тѣзки, что ни говори.

Есть даже превосходство, знаю:
Ведь, позабыв весь белый свет,
Взахлёб я Пушкина читаю,
А он меня не может, нет.

Дуэль

Всё в мире противоположно:
Добро и зло, прощенье — месть,
Возможно или невозможно —
Противоположностей не счесть.
Как часто чёрное за белым
Таится, прячется и льстит;
Жестоко, тонко и умело
Все тёмные дела вершит.
Век девятнадцатый. Россия
Под снежной пеленой лежит.
И следом санным бело-синим
Поэт в бессмертие спешит.
За клевету и наговоры,
За оскорбления и ложь
В дуэли разрешишь все споры,
В ней имя честное вернёшь.
Ах, чёрно-белая дорога,
Вот к Чёрной речке поворот.
В душе бушует гнев, тревога —

Примите роды

- Примите роды.
- Роженица кто?
- Пушкин.
- Кого ждёте: мальчика, девочку?
- Россию!

Но, если б рейтинги составить,
И всех на общий пьедестал,
Я с ужасом могу представить,
Как я б от Пушкина отстал.

г. Челябинск

Галина Черкасова

Не знает Пушкин, что там ждёт.
Сошлись глазами дуэлянты,
Подумал каждый о своём:
Балы далёко, аксельбанты —
Здесь чёрный ствол перед лицом.
Не дрогнула рука Дантеса,
В святое подло он стрелял.
Смотрел с циничным интересом:
На белом — Пушкин умирал...
Упал на красно-белый снег
Поэт великий, человек.
Прошло уже почти два века,
Россия помнит ту дуэль:
На Чёрной речке саван снега,
Поэт, январская метель.
Кружиться снег над Чёрной речкой,
Притихший укрывает лес.
И с Пушкиным, великим, вечным,
Увы, но... помнится Дантес.

с. Миасское

Александр Попов

Если Россию не рожать заново, она ста-
нет Западом, Югом, Востоком, но не Рос-
сией.

- Примите роды.
- Роженица кто?

г. Челябинск

Деревенские истории

Зимой наше озеро было усыпано сидящими возле лунок рыбаками. В основном это были жители города Свердловска, которые приезжали по выходным на озеро Иткуль на разных машинах: на легковых, на бортовых, крытых брезентом и оборудованных скамейками. Много было рыболовов, которые приезжали на мотоциклах с колясками по 2—3 человека.

Они начинали съезжаться в деревню в субботу после обеда, большинство сразу же старались проехать через переулочек к озеру и, оставив машины на берегу, спешили порыбачить до наступления темноты.

Пробував инструментом лунки недалеко от машины, они устраивались возле них и, наловив какое-то количество рыбы, шли в деревню устраиваться на ночлег.

Приезжие оставляли на берегу свой транспорт, не боясь, что кто-то может позариться на транспортное средство. Времена были спокойные, пришлых людей не было, а свои, деревенские, никогда бы не навредили городским. Почти в каждом доме городские устраивались на ночлег, и большинство были знакомы с хозяевами, так как приезжали не первый год. Подружившись с семьей, продолжали ездить на отдых всей семьей, в течение летнего сезона.

В озере было очень много рыбы. В летнее время вся ребятня бегала с удочками и ведрами на большие камни, которые громоздились в воде возле берега. Между камнями плескалась озерная вода, и видно было, как рыба стайками снует туда-сюда. И мальчишки, накопив червей, целыми днями рыбачили на серых камнях — благо они были широкие и на них можно было спокойно сидеть, свесив (опустив) ноги, не доставая ступнями до воды.

Вёдра быстро наполнялись рыбой, в основном это были окуни и ерши. Кому хотелось настоящий ухи, те посылали детишек именно на эти камни, уверенные, что без рыбы мальчишки не придут. Если уже наступил сезон купания, тут же рядом можно было искупаться. Для этого рядышком, в метрах десяти был участок воды с мягким песком и разноцветной галькой. Вдоволь накупавшись и придерживая ведро с уловом и удочкой, детишки бежали домой. Отдавали добычу матери и торопились к столу, где дымилась еда и пытел самовар.

Хозяйка выбирала рыбу покрупнее, а мелочь отдавала собаке, которая крутилась тут же. Если мелочи оказывалось много, её опускали в чугунок с кипятком, и оставляли, там накрыв крышкой. Когда все это остывало, выливали вместе с жидкостью большое корыто во дворе под навесом. Курочки, гуляющие на лужайке возле дома, с кудахтаньем набрасывались на лакомство и через несколько минут возле корыта лежали разбросанные мелкие косточки от куриного пира.

Иногда мальчишки-рыболовы вытаскивали из воды удочку с крючком, на котором висел рачок. Они его снимали и бросали обратно в воду. В те времена в озере было полно раков, но их никто не брал домой. Они валялись по всему берегу, еле живые и мёртвые, потому что их снимали с рыболовной сетки и с крючка, не заботясь о том, чтобы не повредить их.

Эти времена остались в прошлом, в далёком детстве, а сейчас в озере нет рачков — такое оно стало грязное; чистые серые камни обросли грязным мхом и илом, который летом стелется по всему берегу.

Возвращаясь к рассказу о зимней рыбалке. По всей деревенской улице стояли машины свердловских рыбаков. Их охотно пускали на постой за небольшую плату, хотя самим приходилось потесниться. Времена были тяжёлые, послевоенные, и 30 копеек с человека было неплохим подспорьем семье. Тем более если ночевало несколько человек, а хлеб стоил 15 копеек. Постояльцам стелили на полу, заносили из кладовки матрас, набитый сеном, а поверх матраса приезжие стелили свои полушубки и укрывались хозяйскими одеялами. Одеяла были из разноцветных лоскутков, сшитые хозяйкой, многие спали в тёплой одежде, на полу было не жарко, тем более дверь часто открывалась, кто выходил покурить, кто по нужде.

Когда начинало светать, рыбаки просыпались и садились завтракать. Они доставали свою еду, наливали чай из самовара, который уже стоял на столе. Хозяйка дома вставала раньше всех, топила печку, ставила самовар, и кипятила воду в большом чайнике для термосов рыбаков. Позавтракав и одевшись, все выходили во двор, где у них с вечера были заготовлены рыболовные снасти, уложенные на санки, привезённые с собой.

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 3 (47)-2021.

И группы людей по несколько человек спускались к озеру через переулочек и разбредались по озеру. Тропек на озере было проложено много, и люди шли на свои проверенные места, где у них были прежние лунки, которые нужно было только почистить от снега и продолбить ломиком. У каждого рыбака были свои пометки на местах с прошлой недели; лунок было несколько, и каждый знал, где какая рыба больше клюёт. Вечером рыбаки возвращались в деревню. У всех были полные ящики рыбы, шли довольные, весёлые, планируя на следующий выходной снова приехать на рыбалку.

Большинство торопились засветло уехать домой, а оставались ещё на день-другой те, кому не надо было на работу. Много было пенсионеров, которые не спешили уехать, и, зная, что рыбалка каждый день удачная, они оставались ещё на денёк или даже на недельку. Пойманный улов они отправляли домой, а новую добычу пересыпали снегом, и складывали в ларь с крышкой, которой им предоставляли хозяева дома. В общем, все были довольны: хозяева — тем, что заработают немного денег, а свердловчане — что наловят ещё рыбы и увезут домой хороший запас.

Зима в том году была без жестоких морозов, погода стояла ясная, солнечная, воздух бодрящий, с лёгким ветерком. Мужчины, работавшие в леспрохозе, по выходным тоже занимались рыбной ловлей.

Не отставали от них и одинокие женщины, потерявшие в войну мужей и поднимающие детей без чьей-либо помощи. Они тепло одевались: поверх ватных фуфаяк и ватных брюк были повязаны большие шерстяные платки в клетку, на ногах валенки-самокатки с калошами, чтобы не промочить ноги во время долбления лунок. У каждой рыбачки были свои рыболовные снасти, уложенные на самодельные санки с полозьями. Они старались рыбачить на середине озера и знали, где ловится крупная рыба: лещ и щука, попадались и сом с налимом. Рыбу крупную можно было хорошо продать, она пользовалась спросом у приезжих покупателей. Чтобы рыба хорошо клевалась, в лунку сыпали мормышей из спичечных коробков, которые были в карманах одежды у каждой рыбачки.

Рыба не заставляла себя долго ждать, и женщины только успевали снимать её с крючка. Мормышей добывали на озере Араньял, на берегу которого появилась деревня Ключи. Это озеро было топкое, в нем не купались, не стирали, а только рыбачили: летом с берега удочками на длинных удилищах и на лодках, ставились сети. Там в основном водился карась. За этой рыбой и за мормышем туда ездили и наши деревенские жители, имевшие лошадей, расстояние до деревни Ключи от Даутово было пять километров.

Мой дедушка, отец мамы, Ахметша рано утром запрягал лошадь и уезжал за мормышем только зимой. Летом в этой приманке не было нужды, она и так хорошо клевала. Дедушка брал с собой ящик с мешком под мормышей, черпак на длинной деревянной ручке, которым он черпал из лунки рыбий корм. Дед приезжал только к вечеру, распрягал лошадь, давал ей корм и воду. Дедушка заходил в избу в заиндевелой одежде, заносил ящик с мормышем и высыпал в корыто возле стены. Бабушка суетила у самовара, наливала горячий суп в большую деревянную чашку, нарезала свежий хлеб большими ломтями.

Дедушка наш был высокий, кряжистый, ел долго и шумно и покрикивал на бабушку: почему она нас не садит за стол. Бабушка нам была не родная, она была мачехой моей маме и сильно нас не привечала. Только после окрика дедушки она наливала нам суп из гуся, одну чашку на троих, и мы, замерзшие после горки, с удовольствием уплетали горячее варево деревянными ложками. А дедушка отламывал от гуся кусочки и давал нам крылышки и шею.

А бабушка Марзия недовольно наблюдала за нашим пиршеством и подгоняла нас к выходу, говоря, что уже темно, идите домой, мать вас потеряет. У неё не было своих детей, и мы ей были не нужны.

А нам хотелось понаблюдать за мормышами, они шевелились, как муравьи, и были такие неприятные на вид. Мы удивлялись: как рыба может глотать такую гадость? Приходила мама, забирала нас домой, и мы бежали к себе, обсуждая между собой, сколько дедушка заработает денег. Покупателей мормышей было много, так как лошади были не у всех, и не каждый обладал навыками добычи мормыша на топком озере.

Через некоторое время на озере Иткуль появилась рыболовецкая артель из города Касли. В артель брали на работу всех желающих из окрестных деревень. Многие шли туда работать, тем более кроме зарплаты после каждой смены всем доставался короб рыбы, который делили по числу работающих в этот день.

г. Снежинск

(Продолжение следует)

Валентина Почтарёва

Все мы родом из детства (воспоминания)

Моя бабушка Прасковья Потаповна Кашина — мама моего отца. Жила она с мужем Семёном Максимовичем и тремя детьми в деревне Архангельское Сосновского района Челябинской области. По семейным обстоятельствам семья переехала в Чебаркуль. Купили домик, корову. Старшая дочь Елизавета устроилась работать в больницу бухгалтером, средняя — Клавдия тоже в больницу, поваром. Сын Александр поступил на металлургический завод рабочим. Так и жили. Бабушка вела домашнее хозяйство, дед работал счетоводом. Дочки вышли замуж, сын женился.

Когда умер дед, бабушке начислили пенсию по потере кормильца, этим она и жила, скромно, но не унывала. Всех кормила пирогами, плюшками. Все внуки бабушку любили и всегда приходили к ней в гости.

Бабушка была большая мастерица, шила внукам рубашки, платья.

Субботний день был особенным. Все его ждали, топили баню, в котле томился свежий веник из крапивы, которым натирали больные места. В ограде ставили большой самовар с трубой. Заваривали чай с душистыми травками и все садились его пить после бани. Бабушка пекла пирог, который ставили посреди стола. Было вкусно и весело.

Домик был маленький, но всем хватало места. Светлые опрятные половички. Большая русская печь, в которой и пеклись те самые вкусные пироги. В комнате, в углу, божница со старинной большой иконой, украшенная вышитым полотенцем. Также украшалась цветами, сделанными бабушкой из бумаги перед Пасхой, привлекала и меня. Перед праздником белили стены, основательно мыли полы, шоркая их песком и голиком. На окна вешали чистые занавески. Вечером бабушка ставила опару для теста. Мы с нетерпением ждали завтрашний день. Утром, когда мы ещё нежились в постели, по дому плыли приятные запахи. На столе стояли куличи в белых «шапочках», посыпанные маком, а на блюде лежали крашенные луковой шелухой яйца. Для каждого — куличик и яичко. А какой же вкусный был свежее испечённый хлеб! Большой и круглый, с хрустящей корочкой. Придавишь его, а он снова поднимается. С кружкой холодного молока — ничего нет вкуснее!

Как мы ждали свой день рождения. Каждому бабушка готовила подарок: что-то перекроит, сошьёт, — вот и обновка. А глаза так и дарят доброту и ласку, заботу о нас, внуках. Бабушка была и строга, но мы не слышали крика, она говорила спокойно, мы её слушались.

Однажды бабушка собралась в гости: «Поедешь со мной?» — «Отпустят?» Надо было разрешение родителей. И вот мы едем в электричке в д. Медведево. Там жили родственники бабушки. Верхняя часть окна в электричке открыта, я забираюсь на сидение с ногами. Достая свой красивый платочек и машу всему, что я вижу: деревьям, полянке с цветами, ветерку, который шаловливо играет с моим платочком. Вот он подул сильнее, и платочек выскользнул из моих рук и полетел, извиваясь змейкой.

Бабушка с укором глядит на меня, я опускаю глаза. Наконец мы добрались туда, где живут наши родственники. «Баба Паша приехала!» — вбегают две мои двоюродные сестрички Тома и Надя, обнимают бабушку и целуют, она угощает их сладостями. Приходит, прихрамывая, дед Володя, брат бабушки, он ходил с бадажком: «Что, Валя, в церковь приехала, молиться?»

Я киваю головой. Деда Володя был председателем колхоза, коммунист, атеист. Все садятся за стол. На столе шаньги с творогом, картошкой, чай, молоко. Я выхожу во двор. Под навесом в стойле корова равнодушно жуёт свою жвачку. Маленький телёночек прижимается к ней. Я гляжу сначала на корову, а затем на телёнка. У него мягкая шёрстка и тёплые бока. Ягнята забились в угол стойки и жалобно блеют.

Раннее утро: солнечные лучи солнца ласково гладят меня по щеке, мне приятно. Хорошо лежать на перине, на полу, нежась, как в белых пушистых облаках. «Вставай, внучка, пойдём». Нехотя встаю, одеваюсь. Бабушка берёт узелок, и мы идём в храм. Ранние лучи солнца пробираются сквозь решетчатые окна, падают на пол, образуя светлые, волшебные прямые линии. На скамье у стены сидят прихожане, ожидая службу. Начинается служба, поёт церковный хор. Я стою, открыв рот. «Молись», — шепчет бабушка. Я повторяю за молящимися поклоны. Приходим к причастию. Маленький старичок с бородкой спрашивает меня: «Грешна, чадо?» Я киваю головой, как учила меня бабушка. Вот мы снова дома в, Чебаркуле. Бабушка прилегла, укрывшись одеялом, шитым из лоскутков. Я забираюсь на кровать, достаю свои куклы, тоже сшитые бабушкиными руками, цветные тряпочки. В них

заворачиваю кукол и рассказываю им, как съездила в д. Медведево, что видела, какая замечательная у меня бабушка и как хорошо, что она у меня есть.

Бабушка, мама моей матери, родилась в с. Архангельское Сосновского района Челябинской области. Она, её муж Григорий Фёдорович и трое детей проживали в этом селе в маленьком доме-землянке на участке земли в десять соток. Семья жила дружно. Девушкой Дуня была голубоглазая, робкая, с длинной косой до пояса. Григорий — красавец с чёрными кудрями, с сильными рабочими руками. Познакомились они случайно. У бабушки родители жили безбедно: имели коров, выращивали овец и гусей. Хозяйство было справное. А Григорий был один, с сыном на руках, жена умерла. Основной работы не было, и он ходил по дворам, нанимался в работники. Человек он был не пьющий, умел чинить обувь, как говорили раньше — чеботарить, тем самым и зарабатывал на хлеб. Евдокия ему понравилась, и он ей понравился. Так и поженились. Выделили им корову и овец, но своего дома не было. Смастерили они домик-землянку и стали жить. На свет появилось трое детей: Татьяна — старшая дочь, Капитолина и сын Михаил. Приёмный сын Иван уехал учиться в Челябинск — там и остался.

Назначили Григория управляющим хозяйством. Время было трудное, голодное, перебивались кое-как. Но нашлись же такие люди, позавидовали их дружной семье и написали донос, будто он положил в карман горсть пшеницы. Григория посадили. Зимой, голодный, полуголый, шёл он с заключёнными через поле. Увидели случайно мороженную брюкву, и все бросились к ней, чтобы поесть...

Пришёл Григорий через пять лет домой, а тут война началась. Вскорости случился у него приступ, повезли в больницу, но не довезли. Осталась Евдокия одна с тремя детьми в войну. Дети подрастали, начали работать. Сыну Михаилу на фронт повестка пришла, а ему едва восемнадцать лет исполнилось. Дочь Татьяна, несмотря на свои молодые годы, в шестнадцать лет работала сначала на тракторе, а потом шофёром. Вторая дочь Капитолина — в колхозе, в поле. Решили сами перестроить маленький домик-землянку. Бабушка и обе дочки носили брёвна для дома, когда было совсем тяжело — нанимали людей, расплачиваясь молоком и сметаной. Денег тогда не давали, работали за палочки — трудодни. Вернулся раненный в правую руку сын, бронь не стал оформлять. «Да меня, мама, и так не возьмут, я же раненый». Но не прошло и полгода, забрали. «Ну, теперь я не приду, мама», — были последние его слова. Так и случилось, не вернулся Михаил домой.

Закончилась война, дочки вышли замуж. Татьяна с мужем стали жить с бабушкой, а Капитолина уехала в Чебаркуль и там вышла замуж. Мы часто ездили к бабушке в гости. Несмотря на тяжёлую жизнь, утраты, она оставалась доброй, заботливой бабушкой, матерью. Голубые её глаза так и дарили нам тепло и любовь.

Вечно в заботе: выращивает гусей, цыплят, пасёт на лужайке телёночка. Соберутся её подруги такие же, как она — перенесшие невзгоды. Усядутся вместе за стол, а на столе большой самовар, ватрушки, сливки для чая. И начнут вспоминать тех, кто не вернулся домой с фронта. Поплачут, поговорят и разойдутся.

Я ещё нежусь в постели, а бабушка в заботе, шепчет: «Вставай, Валя, пока горячее, поешь». И гладит меня тёплыми, добрыми руками. Пошли мы с бабушкой в магазин, а она, кого ни встретит, всем поклонится: «Здравствуйте». Я говорю: «Много у тебя знакомых». Она улыбается. Однажды приехала бабушка к нам в Чебаркуль в гости, а я пошла встречать её. Идём, и она снова каждому прохожему: «Здравствуйте», — и кланяется. Я говорю: «Откуда ты знаешь этого человека?» А она улыбается: «Нет, не знаю, но здороваться надо со всеми».

Добрые бабушкины руки сколько связали для нас носков, варежек! Сколько напекли для своих внучат пирожков, шанег! Худенькие бабушкины плечики перенесли на себе столько, что не каждому мужчине по силе! Спокойная, добрая, она никогда не кричала на нас, расшалившихся. Одно слово: «Да будя Вам», и всё. Прожила тихо, скромно, так и ушла. Последние слова были в заботе о нас, внуках: «Там молоко в крынке». Я преклоняюсь перед бабушкой, она осталась навечно тёплым, светлым лучиком в моём сердце. Тихая, спокойная, добрая.

г. Чебаркуль

Николай Таёжный

Свой путь Марии Булатовой

В минувшем 2021 году Дудинский камерный театр отмечал свой 50-летний юбилей. Возраст зрелости театра за Полярным кругом... Результаты упорной работы коллектива поистине блестящие, у театра появилась своя публика, любящая и способная достойно оценить его. Сегодня уже трудно представить себе жизнь города без Камерного театра, он стал своеобразным символом Дудинки. И открыли артисты театра свой юбилейный сезон замечательной премьерой спектакля «Свой путь» по пьесе уральского драматурга Ярославы Пулинович. Спектакль поставила режиссер, художественный руководитель Красноярского независимого театра современной драмы «Вспышка» Мария Булатова, главные роли в спектакле исполняют артисты театра Катерина Ушакова и Марк Осипенко.

— «Свой путь». Это современная пьеса, новая, ещё во всю свою мощь не прозвучавшая, написана в 2018 году молодым драматургом Ярославой Пулинович. Это достойный, известный театральный писатель, её пьесы ставятся по всей России, очень популярный и востребованный автор, поднимает жизненные, животрепещущие темы, понятные и близкие любому зрителю. Мне показалось, что спектакль этого драматурга будет интересен в городе, где мало звучит современных произведений. И мне очень интересно творчество Пулинович, поднимающей и вечные вопросы, и жгучие проблемы современности.

Гость нашего города и Камерного театра — Мария Булатова, молодая актриса и режиссёр независимого театра, пользующийся у любителей театра известностью не только в Красноярском крае. Окончила Красноярскую академию музыки и театра, получив актерское образование на театральном факультете, курс мастера Валерия Аркадьевича Дьяконова. Поняв, что хочет заниматься режиссурой, в 2017 году получила также режиссерское образование. Специализируется в современной драматургии и экспериментальном театре.

— Всегда занималась частным театром, мне интересно делать то, что хочется в данный момент, — поясняет гостя. — Ставлю спектакли по Красноярскому краю и другим городам, у нас частный молодежный независимый театр «Вспышка», являющийся резидентом Красноярской филармонии. Театр экспериментальный — нет необходимости в привычной сцене-коробке. Многие спектакли идут вне сценического пространства, то есть пространство подбирается под спектакли. Условно говоря, для постановки спектакля достаточно иметь лишь коврик. Ещё выигрываем порой гранты — так и существует частный театр.

Мария Булатова по большей части занимается современной драматургией. Из авторов близка Ярослава Пулинович, ныне, пожалуй, самый известный драматург, много раз ставила Ивана Вырыпаева.

— С классикой дело обстоит сложнее — нет практически такого запроса, но мне было бы интересно, — признается Мария. — Училась многому у Камы Мироновича Гинкаса, большого специалиста по Чехову, в студенчестве много играли Чехова. В Красноярском институте до пандемии репетировали Шекспира, но спектакль выпустить не удалось. Пандемия вынудила искать новые формы — мы увлеклись аудиотеатром, очень много над этим работали. Аудиотеатр — не совсем то же самое, что радиотеатр, но во многом переключается.

— Из современников Николай Коляда мне интересен как личность, но его драматургией не занималась. Это настоящий мастодонт: много пишет, с трепетом читаю его, много ставит, печёт драматургов, как блины — Ярослава Пулинович, Маша Конторович, Олег Богаев и много других — его ученики. «Коврик постелил — вот тебе и театр!» — это его установка. И пост в Интернете, задание для студентов: сделать Гамлета из ничего. Архипопулярный в недавнем прошлом Евгений Гришковец — достаточно устаревший уже, на мой взгляд. Виктор Астафьев? Не доводилось ставить, не доросла ещё. Астафьева много в Красноярском крае, он же наш — много ставят, интерпретируют. Когда-нибудь попробую...

— Не хочу ли ставить местных, таймырских авторов? Нет, даже не читала никого пока, но тоже, разумеется, хотелось бы прикоснуться, ведь я тоже почти таймырец — мама и папа жили в Хатанге, где отец работал лётчиком, там родились и росли старшие сестры, а я уже в Красноярске. В детстве была в Хатанге, но помню плохо. Зато хорошо помню огромную — всю ванну заняла — рыбину, которую папе прислали. Икру ели ложками. Ожидала, что на Таймыре будет холоднее, но по ощущениям — в Красноярске как будто сильнее мёрзла, из-за большей влажности, видимо. Дома я столько пешком не хожу. И ещё — здешние постоянно пьют чай, может, оттого в домах теплота гораздо ярче, чем в большом городе.

Спектакль Ярославы Пулинович «Свой путь» актеры нашего Камерного театра вместе с режиссером Марией Булатовой репетировали совсем недолго — всего две недели. Но

всё успели, даже отшлифовать. Забегая вперёд, доложу, что отшлифовали до блеска, как показала премьера.

— Про пьесу рассказывать — дело неблагодарное — улыбается Мария, слегка грустновато, как всегда бывает после завершения большого и трудного, дорогого сердцу дела. — Пьеса для двоих, главные герои: Марк и Катя. Но хотелось задействовать всю труппу, поскольку по моим ощущениям, здесь гораздо больше персонажей, и главный из них — Россия. Рассказ не только о взаимоотношениях мужчины и женщины, но и о месте героев в жизни страны, в гуще событий непростого, переломного времени. Пьеса большая — состоит из шести частей, и мы придумали, как помочь ребятам, как-то оформить паузы между частями. Каждая часть — это новая жизнь героев — с 1987 года по 2025 — эпичный материал, достаточно сложный в актерском плане, очень игровой. При простых, достаточно узких возможностях площадки мы создали с художником Владимиром Лобановым сценографическое решение — простое, но очень интересное. Получилось как бы само собой — на первых встречах мы только разговаривали, каждый рассказывал свою историю, было интересно следить за развитием событий в стране через призму личных историй. Это настроение, как фон, как иллюстрации мы и использовали, какими-то историями даже дополнили пьесу.

Художник театра Владимир Лобанов предложил оформление сцены скупыми, но очень точными штрихами, иллюстрирующими самую суть отображаемого в спектакле отрезка времени. Это и оригинальные коллажи, оживляющие интерьер, реалистичные, характерные костюмы актеров, и попадающие в самую суть мелодики времени музыкальные вставки популярных звёзд.

— Репетировать «Свой путь» мы начинали по видеосвязи, поэтому представляла по началу ребят как-то по-другому. Сейчас заканчиваем собирать спектакль, мы должны почувствовать весь объём. Здорово работалось! Вообще, люблю ставить в малых городах, здесь театр — особая структура. В маленьком городе — дух сплоченности, здесь маленький дорогой мирок, актёры и художники, и декораторы, и костюмеры — получают гораздо больше ощущений от того, что они делают. А в большом городе больше отвлекающих моментов. Когда актёр сам создал свой реквизит — и отношение другое. Вообще, коммуникации между людьми в маленьком городе проще, что позволяет создавать более качественный продукт.

— При работе с актерами хотелось внести какой-то новый пласт, важно придумать образы, основываясь на органике ребят. Получилось, по-моему, прикольно. Но, повторюсь, пересказывать пьесу — дело неблагодарное, надо смотреть. Приходите в театр! Приходите в театр для того, чтобы изучать себя. Зритель — главный, ключевой момент в театре. Театр — не столько место, где показывают спектакли, но место, где их смотрят. Важно, если зритель понимает, что приходит не развлечься, а узнать что-то новое для себя, про себя, про место, где живёт и зачем живёт. Это увлекает более, чем просто посмеяться или поплакать. Актёр всегда трепетно ждёт встречи со зрителем, понимающим, насколько он важен...

— Дудинскому Камерному желаю именно такого равнодушного зрителя. Говорят, что театр — это только для 5 % избранных, но в Дудинке наверняка больше — театр должен объединять людей, это его социальная миссия. Новых интересных спектаклей!

г. Дудинка

Галча Уразова

Жили-были

Тайна леса

Однажды группа школьников отправилась в поход на Французскую горку, где в XIX веке французские инженеры наладили добычу золота. Целый день дети лазили по развалинам бывших строений и побывали в пещерах. Жгли костёр, варили суп из рыбной консервы «Килька в томатном соусе», играли с мячом.

К вечеру собрались домой, но пошли другой дорогой. Эта дорога была лесная, вилась вдоль реки Миасс. Там редко можно было встретить людей. Местные побаивались этих мест. Дети шли шумной гурьбой, разговаривали и смеялись, поэтому не сразу поняли, что заблудились. Берёзы и пеньки стали повторяться. Поляну эту они уже проходили. Но, несмотря на страх, дети шли вперёд по лесной дорожке. Им казалось, что они идут по прямой, всё ближе и ближе к посёлку. История повторилась: здесь они постояли, поджидая других детей, сломали ветку на берёзе, а там, чуть впереди, на пригорке, собирали землянику. Дети

забеспокоились: «Что же такое происходит?» Возникло ощущение, что кто-то наблюдает за ними, смотрит в спины. Оглянуться бы, да страшно. Мурашки по коже бегут. А лес стоит спокойный, ни ветерка, и птички не чирикают. Зато небо голубое.

Ощущение, что кто-то тайный их преследует, не уходило. Жутко. Волосы на голове зашевелились. Дети молча продолжали идти всё быстрее и быстрее вперёд. Ужас, страх и паника охватили их, и они рванули быстрее от этого места, не оглядываясь.

Успокоились только, когда увидели посёлок. Дома взрослым рассказали, и те вспомнили, что тоже плутали в этих местах. Кто водит людей по кругу? Что за тайна поселилась в лесу?

Белка в саду

Пасмурный осенний день. Сажу я у окна на кухне, гляжу на сад. Стайка воробьёв о чём-то оживлённо щебечет, и чем-то они встревожены. В саду под деревом стоит стол. А там сидит белочка, замерла и не шевелится, хвост трубой! Замерла и я. Удивляюсь, откуда такая красивая белочка появилась в нашем саду? Как на картинке, словно садовая игрушка. Но у нас нет такой игрушки. Пока я недоумевала, белочка прыгнула в траву и ускакала. Я бегом за фотоаппаратом и в сад к белке. Но её уже и след простыл. Смотрю, скачет по дорожке вверх, к бане. Но там вход в огород закрыт. Ну, думаю, сейчас обратно прискачешь. И точно, скачет в мою сторону, обратно, вниз по дорожке. Меня не видит. Осталось до меня полметра. Я её вижу прекрасно! Такая красивая! Рыжевато-коричневая, хвост большой, пушистый. Увидела меня, остановилась, зыркнула глазами вверх, смотрим друг другу глаза в глаза. Глазки чёрные, круглые. Пытаюсь навести на неё фотоаппарат. В это время белочка как прыгнет в сторону, в кусты вишни и исчезает. Ветки вишни коричневые, листва под кустом жёлтая, спряталась. Не вижу её, как не пыталась найти. Белка исчезла бесследно. То ли в ветвях спряталась, то ли нашла отверстие в заборе. Ни шороха листвы, ничего не слышно. Долго я её искала, но не нашла. Исчезла моя красивая белочка!

Пётр и Павел

Родились мальчики-двойняшки недоношенными. Какие они были страшенькие! По весу каждый еле-еле дотягивал до килограмма. Кожа синюшная, морщинистая, как у стариков, глазки выпучены. Ручки и ножки дёргаются, сосать не могут. Постоянно мёрзнут, дрожат. Матушка положила их в шапки-ушанки, да на печку, в тепло. Каких огромных усилий стоило ей выкормить и вырастить недоносков — никто не знает.

Семья жила в деревне. Больницы нет, до города не на чем добраться. Так и выросли двойняшки в шапке, на печке. Павел рос здоровым, крепким мальчиком. А вот Петруша-то был нездоров. Разговаривать не мог, а только мычал. Ходил с палочкой, при ходьбе всё тело его тряслось, как на пружинах, ноги волочил одну за другой. Ничего не понимал, плохо слышал и плохо видел. Часто сидел на лавочке у своего дома вместе с матушкой.

Павел вырос, поступил на службу в армию. Служил долго в чине офицера. Дослужился и заболел. Жена с сыном ушли от него. Павел вернулся в отчий дом больным и никому не нужным, кроме родной матери. Был он молчаливым, угрюмым, ни с кем не разговаривал. Летом Павел ходил в военной фуражке, в кителе и в брюках, подпоясанный широким офицерским ремнём. Зимой в ватнике и шапке-ушанке. Это был весь его гардероб.

Павел, будучи здоровым, служил в колонии. Говорят, отдавал приказы на расстрел заключённых. И слегка тронулся умом. Наедине с собой — был спокойным. Но стоило ему увидеть кого-нибудь на улице, из прохожих, он тут же закрывал уши ладонями и начинал бормотать что-то про себя. Видимо, слышались посторонние голоса, звуки выстрелов. Павел буйным не был, никого не обижал. Только дома изредка стучал воротами, бросал какие-предметы во дворе и кричал. В такие моменты матушка сидела в обнимку с инвалидом Петей, крепко прижимая его к себе.

Так долго они жили втроём. Потом матушка и Пётр умерли, а Павел ещё долго один жил. Как жил, никто не знает, потому что никто к нему не ходил, все его боялись. Однажды у него обвалилась печь, и в доме стоял жуткий холод. Печку переключивать он не умел, позвать кого-то не хотел, ни с кем не общался. Однако соседи заподозрили неладное. Из дома никто не выходит, из трубы дым не идёт, следов около дома нет, в окнах свет не горит. Обнаружили его на печке, в ватнике, в валенках, едва подающего признаки жизни. Вызвали «скорую», отправили в больницу. Сельский Совет выделил ему комнату в бараке. Там он недолго прожил. Так и умер в одиночестве.

Любовный треугольник

Жили в посёлке две девчонки, две подружки. Одну звали Любка, другую Нинка. Любка была дочерью местной фельдшерицы тёти Вали, которую боялась вся детвора посёлка. Тётя Валя ходила на вызовы со своим блестящим биксом, при виде которого испуг у детей превращался в панику. Они с криком: «Врач, врач идёт!» разбегались врассыпную.

Нинка жила с матерью и братом в конце посёлка, у леса. Две девчонки, две подружки дружили с самого первого класса, подросли и превратились в местных красавиц.

Одна была блондинка, кудрявая, с короткой стрижкой. Это Любка. Её недолюбливали в посёлке: была она горделивая, высокомерная. Подруг у неё не было, кроме Нинки. Училась она хорошо, учителя ставили её в пример.

Другая, тёмно-русая — Нинка. Она была простая деревенская девчонка, из большой рабочей семьи. Общительная, подруг у неё было много: притягивала к себе обаянием. Симпатичная, в школе училась на тройки.

В соседней деревне жил-поживал парнишка молодой. Высокий, худой, доска доской. Звали его Сашка. Недавно вернулся из армии. Две подружки влюбляются в этого Сашку. Сначала дружила с ним Нинка. Это была прекрасная пара. Они всем нравились, односельчане радовались, когда видели их вместе. «Дело к свадьбе», — думали они. Что случилось между ними — они расстались. Через некоторое время Сашку видят вместе с Любкой. Немного они были вместе, а уже заговорили о свадьбе. Любку в посёлке осуждали, дескать, отбила парня у подружки. Не смотрелись они как пара.

Родила Любка девочку, но счастья не было у супругов. Недолго пожив, они разошлись. Любка уехала в запретный городок, вышла замуж за прапорщика.

Нинка родила сына чуть пораньше Любки без мужа. Мальчик родился рыжий, весь в конопушках. На кого он был похож, неизвестно. Кто его отец, Сашка ли, другой ли? Об этом знает только Нинка. Она растила мальчика одна, долго не выходила замуж. А когда сын подрос, вышла замуж за местного парня из посёлка. Вот такой любовный треугольник в одном маленьком посёлке.

г. Муасс

Светлана Андричевская

Жажда

80

Граффити № 1(49) - 2022

Лето жарило что есть мочи: ни дождичка за целый месяц. От такой погоды можно укрыться, спастись разве только в прохладе подвала. Даже крыльями пореже махать хочется. А жажда-то у всех, поголовно. Надо лететь наверх, на запах тел!

— Так хочется жить! — пропищал Комарик Летунович своему товарищу Комару Пискуновичу. Товарищ намёк понял, и они, еле шевеля крылышками, устремились к открытой двери.

— А судьбы кто? — волновался Комарик.

Вчера, например, он наслаждался дамой-судьёй с резус-отрицательной третьей группой крови. Но больше всего на свете он любил первую положительную.

На скамье подсудимых пребывал до того запашистый грязный тип, что элементарно не хотелось травиться. Здоровье дороже. Пострадавшим был поэт, намотавший вокруг шеи неисчислимое количество витков разноцветного шарфа. И это в жару! Сквозь такую преграду, как ни толкай хоботок, не достанешь до тонкой кожи на шее.

У Комара Пискуновича невольно вырвалось:

— Поэтом можно удивиться!

А вот и идеальная жертва: начисто выбрившийся адвокат. Запах кожи, температура носа — всё вещало о том, что у него уж точно первая положительная! Это и личинке было бы понятно. С разлёта впился Комарик адвокату за ухо... Напился, отвалился и блаженно пропищал всему миру:

— Как же хорошо!..

Залитая — по комариным понятиям — донельзя туалетной водой, секретарь заметила налёт насекомых по хаотическим жестам присутствующих. Опасаясь дальнейшего пополнения комариной армии, она шёпотом попросила входящих:

— Закрывайте, пожалуйста, дверь!

г. Челябинск

Николай Задорожный

Всемирный потоп

Приближался 2000 год. По всей стране на фоне перестроечной разрухи народ как одурелый распускал слухи о конце света. Социальная инфраструктура села: совхозы, колхозы были порушены. Деревни беднели, пустели. А тут ещё молва: «Конец Света». «Божья кара».

Вот настанет, дескать, двухтысячный и всем конец. Настанет «Судный день». Сначала начнёт гореть природа, потом начнётся извержение вулканов, потом землетрясения, а потом — начнётся всемирный потоп. В потоп народ верил больше, поэтому и слухи о нём распространяли всякие шарлатаны. А дельцы пользовались этими слухами и делали свои грязные дела.

Давно уже в селе Покровка не видели местного «волхва» Василия, по кличке Мудрый в таком сильном возбуждении. Проходя по затопленной дождём Заречной улице, мокрый, он пошатывался, хотя два последних дня вовсе не пил. Теперь ступая покрасневшими, как у гусака, босыми ногами по грязи, он заходил во все дома по очереди и сообщал сельчанам последнюю новость. На нём висела длинная, чуть не до колен, серая рубаха и, непонятно из какой ткани и какого цвета, короткие штаны.

— Конец света! Потоп! Разверзлись хляби небесные! В нашем селе четвертую неделю все дни и все ночи дождь хлещет. Уже два ответственных работника администрации в районе утонуло. Светопреставление начинается, довели демократы и либералы поганые до ручки! Поглядите-ка! Даже небеса и те восстали!

И Мудрый дрожащей рукой показывал на небо. Его мокрая, грязная, косматая борода торчала во все стороны, подчёркивая его и без того неприглядный вид. А вид этот наводил на сельчан мистико-психический страх, а громкий хриплый бас Мудрого приводил каждого в трепет.

К селу со всех сторон подступали тяжёлые фиолетовые тучи. Горизонт грохотал и выбрасывал короткие злые языки молний.

Впечатлительный гражданин Сивоконь, что из крайнего дома улицы, значительно развил сообщение Василия Мудрого. По полученным им сведениям, якобы Москва и Питер уже были затоплены, и реки повсюду вышли из берегов. Затоплены уже половина Сибири и Европы. Америка скрылась под водой, в чём он, Сивоконь, видел кару небесную.

Когда же к кучке сельчан, охваченных ужасом приближающегося потопа, тревожно озиравших небеса, подбежала Ефросинья Кузьмовна — местная экстрасенс и гадалка, в капоте из полиэтиленового материала, и тревожно заявила, что потоп ожидается уже давно, и об этом недавно говорил ей хороший знакомый, к слову заметить, из высоких областных чинов. А также об этом по телевизору постоянно говорят все СМИ.

В селе началась паника.

Жители Покровки были очень жизнелюбивы и не хотели гибнуть во цвете лет. Посыпались предложения к спасению жителей Покровки от потопа.

— Может, переедем в другое село? — сказал Архип Кобельков, наиболее умный из сельчан.

— Лучше стрелять в небо из пушек, — предложил гражданин Карасик, некогда служивший прапорщиком в стройбате, ныне пенсионер, и разгонять таким образом тучи.

Но оба эти предложения были отвергнуты. Первое отклонили после блестящей речи гражданина Сивоконя, доказавшего, что вся страна уже затоплена и переезжать совершенно некуда. Вторым, довольно дельным предложением нельзя было воспользоваться за отсутствием артиллерии.

И тогда взоры всех покровцев с надеждой и вожделием обратились на скороспелого предпринимателя районного масштаба Артура Самуиловича Нахалкина, который по неизвестной причине оказался здесь. Стоя немного поодаль от толпы, он самодовольно крутил свои усы и хитренько ухмылялся. Нахалкин был известен сельчанам своим изощрённым жизненным опытом. За период перестройки он смог, понятно каким образом, сколотить капиталец и создать торговую сеть в районном масштабе. У населения прослыл крутым авторитетом. Теперь вникая, возможно, в им же созданную обстановку, быстро сообразил и нашёлся.

— Ковчег! — сказал он. — Нужно строить ковчег!

— Артур Самуилич! — застонала толпа в предчувствии великих событий. — Ты наш спаситель... Мы будем...

— Считаться не приходится! — отрезал бизнесмен. — Благодарить будете после спасения.

На головы толпы продолжали падать частые, крупные капли дождя. Это подстегнуло рвение всех жителей Покровки, и к строительству ковчега приступили безотлагательно. В дело пошёл весь лесоматериал, какой только был на селе и у сельчан.

Рабочим чертежом служил рисунок из огромной старозаветной Библии, которую принёс дьякон местной церкви Онуфрий. Корпусом ковчега послужила большая, старая баржа, некогда перевозившая по реке всякие грузы. Она стояла уж который год у пристани и ржавела. К вечеру дождь усилился, пришлось работать под зонтиками. По причине нехватки материала крышу ковчега смастерили из остатков оцинкованного профнастила, хранившегося на сельском складе. Крыша блистала серебряным глазетом.

— Считаться не приходится, — говорил теперь уже капитан ковчега Нахалкин. Он быстро освоился с новой должностью.

На нём была теперь штормовая зюйдвестка. Частый дождик моросил всю ночь. Работы по постройке ковчега не прекращались. Утром следующего дня, когда ковчег был готов, к нему стали собираться сельчане. И тут только они поняли, что означает странное выражение спасителя-капитана: «Считаться не приходится». Считаться пришлось всем и хорошо.

Нахалкин брал за всё: за вход, за багаж, за право взять в плаванье пару чистых или нечистых животных — собак, кошек. За них плата была вдвойне. А так же за место на корме, где, по его уверениям, должно было меньше качать.

С первых пассажиров как с инициаторов создания ковчега, в числе которых были Василий Мудрый, Сивоконь, Карасик, Архип Кобельков, Ефросинья Кузьмовна, сменившая свой полиэтиленовый капот на брезентовый плащ, предприимчивый капитан взял по тысяче рублей. Как-никак они были зачинщики и пособники всей этой мистической затеи. С остальных назначил сумму в пятнадцать тысяч рублей. Но потом он решил отечественными рублями не брать, а брать валютой — долларами или евро.

У ковчега образовалась огромная пробка. Хлебнувший спиртного Нахалкин заявил, что после потопа денежное обращение рухнет, что денег поэтому ему никаких не надо, а даром

спасать жителей Покровки он не намерен. Так как валюты у сельчан не было, Нахалкина с трудом убедили за проезд брать вещами.

Он стоял у входа на судно и презрительно рассматривал людей, которые с испуганными лицами, толкая друг-друга, спешили подняться по трапу в «ковчег».

— Граждане, прошу не спешить и заранее приготовить соответствующую плату за спасение.

Брал золотые кольца, серьги и даже часы. Он не гнушался, если ему предлагали какую-то антикварную вещь в виде ручной швейной машинки известной фирмы «Зингер» и даже граммофона или тульского медного самовара. Всё эту утварь сразу относили в его джип, который стоял у трапа.

Посадка сопровождалась шумно и с тревожными криками. Подгоняемые дождём, который сильно зачистил, покровчане усиленно напирали. Оказалось, что ёмкость ковчега ограничена ста пятьюдесятью персонами, включая сюда кормчего Будило и его первого помощника Лохнина.

— Ковчег не резиновый! — кричал Нахалкин, защищая вход своей широкой грудью.

Граждане с надрывом голосили:

— Пройдите в ковчег! Впереди свободнее!

— Граждане, пропустите клетку с воронами! — вопил дьяк Онуфрий.

Когда вороны были занесены, капитан Нахалкин увидел школьного учителя географии Коровина-Блохина, за которым шла небольшая группа учеников.

— Ковчег отправляется! — неожиданно закричал капитан. — Граждане! Сойдите со ступенек. Отдать швартовые! Считаться не приходится!

Трап был быстро убран, дверь наглухо захлопнулась.

Дождь грозно стучал о металлическую крышу. Снаружи доносились глухие вопли обречённых на гибель жителей Покровки. Великое плаванье началось...

Три дня и три ночи просидели отобранные плователи в ковчеге, скудно питались, по-малкивали и с тревогой ждали грядущего. Сильный ветер баржу покачивал, и находившиеся в ней покровцы думали, что они плывут.

На третий день дьяк Онуфрий выпустил через люк в крыше ворону. Она улетела и не вернулась.

— Ещё рано, — сказал Нахалкин.

— Воды ещё не сошли! — разъяснил дьяк.

На пятый день выпустили вторую ворону. Она вернулась через пять минут. К левой её ножке была привязана записочка:

— «Вылезайте, дураки». И подпись «Коровин-Блохин».

Обрадованные покровчане кинулись к выходу. В глаза им ударило солнце. Ковчег продолжал стоять на месте его постройки — посреди улицы Заречной, напротив пивной «Пивнуха — Медовуха».

— Позвольте, где же потоп? — закричали изнурённые граждане.

— Это всё Василий Мудрый выдумал!

— Я придумал?! — возмущённо пробасил кудесник. — А кто говорил, что реки вышли из берегов, что Москва и Питер уже утонули?! Тоже Василий Мудрый?

— Это капитан Нахалкин всё затеял!..

— Врёте вы все! Вы сами затеяли всё это! Вы придумали потоп, — загремел Нахалкин. — Я просто решил оказать вам услугу по спасению.

И не вступая в дальнейший с ними спор, он быстро сошёл по трапу на берег, сел в свой джип, ожидавший уже его, и скрылся в неизвестном направлении.

До поздней ночи разбирались участники «ковчега», выясняя виновника и зачинщика этого злоключения, но так и не могли толком разобраться. Наконец пришли к окончательному выводу: «На всё воля Божья».

г. Челябинск

Майские праздники

Всё-таки не могу я никак понять наше правительство. Вот нам новогодние каникулы аж десятидневные устраивает, а потом ещё и такие же майские. Впрочем, об этом уже писано-переписано, но я ещё напишу, думаю, простите.

А чему в эти каникулы народу заниматься. Пить, да так, что винно-водочные магазины выручку имеют баснословную, да в аптеках, пардон, на презервативы дефицит наблюдается. Никуда не пойдёшь: ни в сад, ни в гараж — так как холодно, вот и занимается народ выпивкой беспробудной да сексом непомерным.

В майские праздники обстановка, конечно, несколько иная. Тепло уже, и можно и в сад, и в гараж идти, что большинство и делают. Но разве наш народ про выпивон забудет. Да не в жизнь. Сад садом, гараж гаражом, а выпить всегда хочется. Секса только тут в эти праздники поменьше, потому что устают люди в садах да в гаражах, да тоже ведь спрос на презервативы увеличивается.

Как-то не понимает наше правительство, что нашему народу праздники нужны однодневные, ну, в крайнем случае, двухдневные, а иначе народ в загул идёт и потом ещё после этого загула месяц отходит. Вот и спрашивается: какая тут производительность труда и догоним ли мы по уровню жизни когда-нибудь старушку Европу.

Ну, всё это так, но теперь поконкретнее — про майские праздники. Я майские праздники делю на маленькие и большие. Маленькие они ещё с советских времён остались — День международной солидарности трудящихся, а вот большие — это праздники святые — День Победы!

Вот уж тут и гульнуть не грех. Да дедов своих припомнить, сидя за праздничным столом.

Ну гульнуть так гульнуть, ну день, ну два, и может, хватит. А то ведь что получается: в маленькие майские праздники — мы с 1-го по 5-е, большие майские праздники с 9-го по 12-е. Тоже немало — четыре дня. В общем, гуди, народ, во всю катушку.

Но больше всего меня умиляет перерыв между маленькими и большими майскими праздниками. Целых три дня. Работай — не хочу. Правда, я вопрос себе и всем задать хочу: кто в эти дни работает и о чём на работе в эти дни разговоры? Смело могу сказать, что разговоры про что угодно, только не про производственные проблемы. Компьютеры, конечно, все включены для видимости, ведь за электроэнергию на производстве мы не платим, а сам народ за чайным столиком сидит, чай пьёт (водка уже в горло не лезет) да разговоры на бытовые темы ведёт. Квартира, дети, сад, гараж, рыбалка, футбол и про всё остальное, что никак к производству не относится. Градиент (то бишь вектор) производительности труда, как сами понимаете, к нулю стремится.

Все тут отличаются многословием. И женщины, которые и так любят потрепаться, да и мужики, вдруг ни с того ни с сего языки свои расфуфырят и начнут друг другу мозги компостировать, где, кто, что поймал, где что, кто добыл, где, кто, что нашёл. И, что самое главное, кто кому неправильное пенальти назначил в конце матча.

Вот мы всё мечтаем Америку да Европу догнать и перегнать, да нам бы с такими праздниками Занзибар бы догнать и перегнать, какая уж тут Америка с Германией.

Вот и спрашивается: ну зачем такие длинные перерывы в работе на праздники нам даются? День, два, ну три погулял, и хватит. Отдохнул и за работу, производительность труда повышать. И кто мне на такой вопрос ответ даст, не знаю. Дума — да ни в жизнь, она в такие праздники вся по Канарам разъезжается. Президента нашего в такие праздники тоже чего-то не видно, пустынно становится в Кремле в такие дни.

Но я всё-таки надеюсь, что ответ на такой вопрос найду, не в Думе, так у президента, не у президента, так у премьер-министра, не у него, так в правительстве нашем у министров разных, ну ни у министров, так в конце концов у простого народа, что, скорее всего, и получится. Народ-то он всё знает и всё про всё ведаёт, так что и на вопрос, нужны ли нам такие длинные праздники, тоже ответ найдёт и Думе с президентом на него ответит.

Длинные женские ногти

Я всегда удивляюсь, зачем женщины носят длинные ногти. С одной стороны, если они ещё и подкрашены — это красиво, но с другой — неудобно с такими ногтями, опять же, на мой взгляд, жить да поживать. С длинными ногтями ведь и брать что-нибудь неудобно, и делать что-нибудь неудобно, даже на клавиатуре компьютерной буквы да цифры набивать. Так что, на мой взгляд — это очередной женский заскок, дескать, посмотрите, какая я красивая да великолепная. Да и кроме того, всё-таки умудряются наши половинки с такими ногтями и что-то брать и даже что-то делать. А иногда бывают случаи, когда без женских длинных накрашенных ногтей никуда и не денешься.

Ну а моя жена, как настоящая женщина, тоже ногти имеет длинные и красит их периодически. Вот и выручили как-то нас эти ногти длинные жены моей ненаглядной.

А всё началось с того, что я стал доставать из холодильника кастрюлю не кастрюлю, не знаю, как назвать, а просто посуду, которую мы в микроволновке используем. А посуда эта такая, что не оказалось на ней её родной крышки, потому что когда-то давно я эту крышку случайно уронил на пол, ну и что с ней после этого случилось, объяснять не надо.

А моя дорогая как-то съездила с сыном в Екатеринбург в «Икею» и привезла оттуда стеклянную крышку, которой мы и стали прикрывать эту посудину для микроволновки. Правда, крышка была немного большеватая, но мы её перевернули, и в таком положении лет пять использовали.

А тут начал я доставать посудину эту из холодильника, которая, надо сказать, немаленьких размеров, и надо же тебе, рука моя дёрнулась, и вновь эта стеклянная крышка от посуды упала на пол. Что с ней произошло в дальнейшем, никому объяснять не надо. Причём — вдрызг, да на маленькие кусочки!

Прошлый раз родная крышка на мелкие кусочки не разлеталась, видимо, стекло специальное было (его мы только подмели и всё), а эта крышка, как я уже сказал, вдрызг, да на маленькие кусочки.

И ещё: в прошлый раз у нас линолеума на полу не было, просто крашенный был пол деревянный, а на сей раз пол в кухне линолеумом мы покрыли. Так вот, зараза, эти мелкие кусочки в линолеум впились, да так, будто их туда молотком вбивали. И началась у меня работа не работа, а мытарство какое-то. Начал я эти осколки из линолеума выковыривать. Я сначала пальцами, ногтями своими попробовал, думал, они чуть-чуть в линолеум впились, да не тут-то было. Осколки эти моим коротким ногтям не поддавались, и ничего у меня из этой затеи не вышло. А надо сказать, что жены моей в этот момент дома не было, на работе была, и помочь она мне просто не могла. Тогда я попробовал пинцетом осколки из линолеума выковыривать. Результат был тот же. Тогда я отвёртку взял, ну, думаю, уж отвёрткой-то я выковырю эти проклятые осколки из линолеума. А вот фиг вам, только каждый пятый осколок поддавался моей отвёртке, а остальные ни в какую. Да и то вмятины в линолеуме оставались.

В общем, маялся я так, маялся, а потом плюнул и решил ждать жену: может, у неё какая светлая мысль по вытаскиванию осколков из линолеума придёт. А дело-то утром было, ещё десяти не было, так что я весь день по кухне как по минному полю ходил. Сначала я думал надеть тапки, в которых я терпеть не могу ходить по квартире, но тапок не нашёл. Видать, я так люблю эти домашние тапки, что зашвырнул их куда-то далеко-далеко, чтоб мне на глаза не попадались. В общем — как по минному полю.

Да жена ещё, чтоб меня позлить, домой только в семь вместо полшестого явилась, видно, она очень обрадована была, что я опять крышку от посуды для микроволновки кокнул.

Жена прошла на кухню, как пришла, изучила минное это поле и сказала одну фразу:

— М-да!

А я говорю:

— Ничем эти осколки дурацкие выдернут не мог, даже клещами пробовал. А они только от клещей ещё разламываются и меньше становятся. Тут нужен женский ум, поскольку эта кухонная посуда и крышка к ней прерогатива чисто женская. Попробуй своими ногтями. Они у тебя длинные, даже не знаю, как ты на работе по клавишам компьютерным стучишь, вдруг получится.

И вы знаете, самое интересное, что жена ногтями своими, как я гвозди недобитые клещами из деревяшек, стала эти осколки из линолеума вытаскивать. Вытаскивает и приговаривает:

— Учись, пока я жива!

Учится-то, конечно, полезно, только длинных ногтей у из себя всё равно отращивать не буду, так что я только смотрел. А осколков оказалось не так и много. Минут за двадцать

пять жена всю кухню и очистила. Да давай надо мной подсмеиваться, дескать, мужик, а с какими-то осколками справиться не смог.

— Да, нет, — говорю, — справиться я бы справился, да только весь бы линолеум своими отвертками, пинцетами, да клещами, поцарапал и попортил, что тебе, дорогая, не очень-то пришлось бы по вкусу.

— Естественно, — отвечает жена. — В общем-то, правильно сделал, что меня дождался. Длинные ногти тоже свои плюсы имеют.

Я с женой согласился, а головой своей подумал, что не зря женщины длинные ногти носят. Во-первых это красиво, если ногти покрашены, а во-вторых, как оказалось, и прок даже от этого есть. Чтобы я делал без жены с этими дурацкими осколками. Выдрать бы я их, конечно, выдрал, но тогда линолеум весь пришлось бы в кухне менять, потому что отвёртками да клещами я бы точно весь его испортил.

С тех пор я перестал подсмеиваться над женой, когда она свои длинные ногти (кстати, не такие уж и длинные, как мне теперь показалось) тщательно пилочкой подпиливает и в порядок тем приводит. А потом красит.

«Пусть красит, — подумал я, — несимпатичной от этого она не становится, а даже наоборот». Да и вообще, повторюсь, польза от длинных ногтей оказалась.

Ну а что касается крышки от кастрюли для микроволновки, то опять же в «Икее», что в Екатеринбурге, сын купил такую же, какая была. Немножко великовата, но мы её перевернули и посудину закрывали.

Ну, а я, со своей стороны, всё-таки постараюсь больше крышек от этой посуды не бить. Осторожно очень с ней обращаться буду. Хотя, конечно, всё может произойти от неожиданности. Правда, плюс тут есть: мы теперь знаем, как и, самое главное, чем осколки из линолеума выковыривать можно!

г. Снежинск

Вячеслав Тюнькин

Рассол

Вот ты глаза квадратные когда-нибудь видел? Я — видел. А дело было так.

Приехал я в родительский дом на каникулы после первого курса института. Как и всякий, краем глаза заглянувший в дебри науки касаемо будущей профессии, мнил себя уже состоявшимся специалистом — врачом. А деревня потихоньку спивалась. Самогон и брага в каждом дворе не переводились. И был у меня сосед — Фёдор Палыч, постарше отца моего. Земляк: наши семьи после отмены «крепостного права», последовавшего за смертью «отца народов» из одних краёв приехали. Костромские мы. И на правах земляка как бы родственником почитался.

Столяр был — руки золотые! У меня отец плотничал — так его серванты до сих пор на радость людям служат. А то, что Палыч мастерил — на два-три порядка выше. Охотник был — на зависть. Рыбак — всегда знал, когда и где с удочкой примоститься, сети или «морды» поставить. А вот спивался...

Как-то утром, родители на работе были, приходит ко мне Палыч:

— Славка, дай похмелиться!

А во мне «профессиональная жилка» заиграла. Решил я человека на путь истинный наставить:

— Фёдор Палыч, так ведь похмеляться — самое гиблое дело. Алкоголиком станешь (как будто бы он им давно уже не был), не живут долго алкоголики-то (Палычу — под семьдесят!), дети у них уродами рождаются (внуков у Палыча — пруд пруди, и кроме насморка никаких болезней не ведают).

Палыч головой кивает, поддакивает, как бы за науку благодарит. А уж меня-то гордость так и распирает: гляди-ка ты, действует!

— Ну, так что ж делать-то? — спрашивает.

— Если уж похмеляться — так лучше рассолом.

— Ну, хоть рассолу дай...

Я от самого чистого щедрого сердца наливаю ему на кухне кружку ядрёного огуречного рассолу и подаю...

Фёдор Палыч, блаженно улыбаясь, выдохнул и одним махом опростал кружку...

Надо было видеть его лицо! Растерянность неспешно сменилась удивлением. Удивление — обидой. Глаза покраснели и выпучились. Губы затряслись:

— И впра-авду ра-ассо-ол...

До меня, наконец-то дошло, что не ждал он такого коварства — за шутку мою науку принимал. Упал я на диван. Хохочу! А он чуть не плачет. Но тут и до него доходить стало, что я-то — дурак — на полном серьёзе соловьём пел, заливался. Сначала что-то забулькало в горле, а потом раздался хриплый раскатистый хохот. Подогнулись колени. Палыч сполз по стене на пол.

Долго мы хохотали на пару. До слёз. До икоты.

А потом — налил я ковшик браги, и мы с ним, посмеиваясь, осушили его по очереди до самого доньшка и стали планы строить на завтрашнюю рыбалку за окунями, у которых на перекате поутру жор намечался.

Так вот в тот самый момент, когда Палыч последний глоток рассолу осиливал — глаза у него и были квадратные. Не веришь? Вот те крест!

Боцман

Митёк Рыжиков откликнулся на кличку «Боцман». Хотя корабли и моря видывал разве что на экране телека да на картинках. А почему? Да всё потому, что шутки у него были «боцманские». Анекдот помните?

Пароход с пассажирами. Подлодка. Торпеда...

Капитан: «Боцман! Во избежание паники отвлечь гражданское население судна! Помирать — так с музыкой...»

Боцман: «Есть!.. Граждане пассажиры! Смертельный номер! Спешите видеть! Только для вас! Только у нас! Только в этом сезоне! Вот я сейчас по палубе органом детородным хрястну — пароход надвое расколется...»

Удар... На обломках по волнам качаются двое уцелевших.

Капитан: «Дур-рак ты, боцман! И шутки твои — дурацкие! Торпеда-то мимо прошла...»

Вот так и Митёк. Безо всякого злого умысла. Пошутить, видите ли, страсть как любил. То солонку соседу за обедом в столовке целиком кому в борщ высыпет, то Петровичу мундштук красным перцем натрёт, то во время игры картёжной сам воздух спортит и пытается всех: «Кто?», то мышь дохлую Ваське подкинет, а тот — как баба — страсть как этого боится. И тому, в общем, подобное.

Да, к слову сказать, и «хозяйство» у него — знатное, не менее, поди, чем у того боцмана.

А фамиль-то у Митька — тоже под стать! — рыжий, что твой Чубайс! Может, так бы его и прозвали, да в те поры об этом — нынешнем-то — «шутнике» никто ещё и не слыживал.

А трепло-то был — первостатейное... И на кладбище-то он мальцом ночевал, и сома то пудового в Гумбейке выживал... Разве что на медведя с рогатиной не хаживал.

В Костромской губернии про таких говаривали: «Дураково поле — херами огорожено».

И ведь никак уgomонить не могли — ни матюками, ни кулаками!

...До одного случая...

Душевая у нас была рядом с цехом нашим. А к ней — туалет прикомплектован. Приспичит, бывало, во время помывки — шасть на минутку — и опять под горячий душ. Хоросьво! А потолок в душевой — высокие, лампы — мощные... В те поры на электричестве-то ещё не экономили.

Так вот... Как-то в туалете лампочка погасла... Заходишь со свету — как у того негра сам знаешь, где... Зги не видать. И наострил туда лыжи Боцман. По-махонькому. Ну, расположение унитаза всяк по памяти давно знает. К «станку», значит, Боцман пристраивается. А на этом самом очке в тот момент, на грех, Васька в позе орла об смысле жизни думал... И нет бы ему, дураку, голос подать — так тоже, видишь ли, пошутить удумал... Взял да и обхватил рукой причинный ствол, в лоб нацеленный...

Тако-ого вопля я отродясь не слыживал...

У Петровича — не поверишь! — лысина дыбом встала...

У Васька заместо запора — понос приключился...

Вода — горячая — и та аж на несколько минут ледяной струёй полилась...

Всей бригадой Боцмана отхаживали...

Насилу управились...

Вот с этого-то случая и уgomонился наш Боцман.

С полгода темноты боялся. Зато шутки свои дурацкие напрочь забросил.

Трепаться, правда, не перестал — горбатого могила исправит, но шутить — ни-ни!

Пагуба

— Вы-ыпишусь — у-убью с-суку!.. — Гришка, опираясь на столешницу, сквозь зубы цедил свои угрозы, покуда симпатичненькие медсёстры деловито обрабатывали какими-то растворами его причинное место, ляжки и ягодицы — обильно усыпанные волдырями.

Это надо ж удумать-то было — болоньевый плащ в растворителе выстирать! Ну, заляпан кое-где краской был... И что? Не на выход же. А на рыбалку да по грибы — самое хоросово: скомкал — в карман убирается. И завсегда при себе. На случай дождичка, например. Ка-акой плащ был... Чёрный. С погончиками. С карманами... Ноне такой боле ни в жисть не купить... А-а, лярва! Одни тоько пуговицы и остались...

Жалко плащец-то, да ладно... Так ведь она всю эту химию-то — в унитаз выплеснула! А смывать-то, скажи на милость, кто будет?! У-ух, доберусь...

На работе-то такой «парфюмерии» нанюхаешься — ничегошеньки нос не слышит. Да ещё сверхурочные — ей же, стерве, на финтифлюшки разные... Ну, заскочил после работы с Петровичем по пивку... Чёрт меня дёрнул эту поганую котлетку схавать! Даром, что ли, вкус-то мне её не потрафился? Как прижучило — еле донёс до дому-то.

С порога — прямо в сортир. Прикурил на ходу... Спичку — в унитаз, и сел...

Как двери вышиб — не помню. Зато жизнь свою, пока через коридор, что твой планер, летел — всю вспомнил. Даже то, чего по причине возраста дристопелёночного и вообще помнить-то бы не должен.

Задница-то, поди, что у твоей макаки. Так у неё-то она — по жизни такая. От природы. И не болит ведь... А тут... И ни присесть, ни прилечь... Ох, выпишусь...

А вот курить-то, однако-ть, бросать надобно. Баба — она и есть баба — вдруг ещё что, зараза, отчудит... Надобно бросать... Пагуба это. Пагуба...

г. Коркино

Александр Мшутин

Байки о Чекундашке*

Чекундашка и Николаев (раскрутка певца)

Петров, Сидоров, Николаев и Иванов с Чекундашкой шли по городу. В переходе пел слепой. Друзья остановились, вытаскивая мелочь, и Иванов взглянул на Чекундашку.

— За мои зеленые глаза

Называешь ты меня колдуньей, — голосом Кадышевой запел слепой.

Люди остановились, а женщины стали бросать деньги в кепку слепого.

— Ни хрена себе! — удивился Петров и толкнул в бок Николаева. — Давай — со своей икебаной! Долг платежом красен. Отрабатывай.

И Николаев запел. К нему неожиданно присоединились Петров с Сидоровым. Толпа загустела, а слепой исчез.

— «Чайф», — гадали в толпе, — или «Лесоповал»?

— Нет! Это группа «КПЗ», — уверенно говорили другие.

— Живьём! — восхищались третьи.

— Разойдись! — слышалось в толпе.

Засвиристел милицейский свисток.

В это время Николаев запел голосом Муслима Магомаева: «Буря смешала землю с небом!» И седые «шестидесятники» стали теснить милицию:

— Пусть народ поёт!

Бейсболки друзей уже были полны купюр. Петь больше не имело смысла.

Чекундашка звякнула, концерт закончился.

... — Ни хрена себе! — удивился Петров, пересчитывая деньги.

— А чё? Ничё! — весело сказал Николаев. — Всякий труд почётен.

— Всякий труд — оплачиваем, — поправил Сидоров.

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 4(48)-2021.

А Иванов промолчал.

— Если я отдам тебе долг, — сказал Николаев Петрову, — то на пузырь не хватит.

— А, плевать! — ответил Петров. — Празднуем!

Чекундашка и Николаев

(нервы)

У Николаева голос стал пропадать, давать «петуха»; появились фальшивые нотки.

Чекундашка не помогала.

— Н-да, — сказал Сидоров. — Ситуйэшен.

— Надо настраивать, — музыкально выразился Петров.

— Ломка, — поправил его Сидоров.

— Возрастная, — догадался Петров.

— Будем лечить, — решил Иванов.

— Нет, — возразил Николаев. — Это у меня от нервов.

— Запросто, — согласился Петров. — Вот муха, например, летает — а я задремать не могу.

— Точно, — добавил Сидоров. — Я только подумаю, что муха где-то на кухне и сейчас прилетит в комнату — всё, ни в одном глазу.

— Надо лечить, — сказал Иванов и решительно достал бутылку.

— Ни хрена себе! — голосом Петрова воскликнул Николаев.

— А, плевать, — добавил Петров. — Наливай.

Как Чекундашка на птичьем рынке пользу приносила

(бойкот)

Петров, Сидоров и Николаев пристрастились ходить на птичий рынок. Брали с собой Иванову с Чекундашкой и шли. На рынке к ним привыкли, их жаловали. Еще бы: взглянет Иванов на Чекундашку — белки начинают носиться в колесе, хомяки кувыркаются, щенки тявкают, а попугаи устраивают базар на чистейшем народном языке с лёгким иностранным акцентом! За друзьями всегда толпа ребятишек.

Продавцы стали поднимать цены.

Так было и на этот раз: друзья только появились, а цены — будто Чекундашка уже час развлекает народ.

— Ни хрена себе! — возмутился Петров.

— Н-да, — сказал Сидоров.

А Иванов промолчал.

Молчало и зверьё.

— Ты что же это попугая по цене павлина гонишь? — упрекнул продавца Николаев. — А это что? Это же болонка, а не шарпей!

Хомяки впали в спячку. Щенки скулили.

Продавцы сдались.

— То-то, — сказал Иванов и взглянул на Чекундашку!

Рынок снова стал рынком: загалдел, засвистел, залаял.

— А чё? Ничё! — восхитился Николаев. — Душевно.

— Н-да, — согласился Сидоров. — Пивка бы под такое настроение...

— А, плевать, — быстро сдался Петров. — Угощаю!

Чекундашка и ара

(диалог)

Иванов, Петров, Сидоров и Николаев остановились у клетки с попугаем. Попугай был большим и с длинным хвостом.

— Ни хрена себе, — сказал Петров.

— Н-да, — согласился Сидоров, — экземпляр.

— Ара, — сказал знаток попугаев Николаев.

Волнистые попугаи уже во всю лаялись клетка на клетку, а этот молчал.

— Он что, немой? — поинтересовался Петров.

Ара взглянул на Петрова.

— Дай три рубля, — сказал он Петрову.

— Ни хрена себе! — подпрыгнул Петров. — А хвост не отпадет?

— Иди на фиг, — ответил попугай.
— А чё? Ничё, — засмеялся Николаев. — Сдачу получил.
— Колись, братан, — сказал попугай.
— А ху — ху ни ха — ха, — завёлся Петров.
Ара замолчал.
— Н-да, диалог, — подытожил Сидоров.
А Иванов дунул в пластиковый стаканчик:
— За взаимопонимание!

На попугайской фене

Петров взял пива и ждал друзей.
Подошли трое с бутылкой водки.
— Дай три рубля, — сказал один Петрову.
— Иди на фиг, — машинально ответил Петров.
— Колись, братан, — сказал второй.
— Ни хрена себе, — вспомнил ару Петров.
Мужики тоже не молчали. И началось.
С птичьего рынка подоспели друзья и закончили схватку. Противник бежал. Стали подсчитывать убытки: четыре стакана пива и подбитый глаз Петрова. Из трофеев — позорно оставленная бутылка водки и кошелёк с деньгами.
— Ни хрена себе, — забеспокоился Петров, — надо отдать!
— Они свое получили, — сказал Иванов.
— Возмещение за моральный ущерб, — успокоил Петрова Сидоров. — И за глаз.
— А чё? Ничё! — пересчитал деньги Николаев.
— А, плевать, — согласился Петров. — Наливай.

Бумеранг

Иванов, Петров, Сидоров и Николаев подошли к клетке с арой. Пообщаться.
— Привет! — сказал Петров попугаю.
Ара угрюмо молчал.
— Колись, братан, — настаивал Петров.
Ара взглянул на подбитый глаз Петрова.
— А ху-ху ни ха-ха, — изрёк попугай и отвернулся.
— Ни хрена себе! — удивился Петров. — На лету схватывает.
— Вундеркинд, — сказал Сидоров.
— Получи три рубля. — Петров протянул деньги попугаю. — Всякий труд оплачивается.
Попугай выпустил из-под хвоста струю.
— Ни хрена себе! — возмутился Петров.
— Сатисфакция, — констатировал Сидоров.
А Иванов дунул в пластиковый стаканчик:
— Смоем позор.

Как Иванов, Петров, Сидоров и Николаев ловили рыбу (авария)

Петров, Сидоров и Николаев ловили рыбу. Петров поймал пару черепах, а Сидоров с Николаевым — с десяток чебаков.
— Хренота, а не рыбалка, — мрачно сказал Петров.
— А чё? Ничё. Суп черепаший — деликатес, — успокоил его Николаев.
Поплавок у Петрова задёргался, Петров рванул удочку.
На крючке была третья черепаха.
— Н-да, — сказал Сидоров, — ситуэйшен.
— Нашествие, — добавил Николаев.
— А, плевать! — бросил удочку Петров. — Наливай.
Водка из бутылки не наливалась.
— Ни хрена себе! — удивился Петров.
— Чекундашка, — сказал Николаев и кивнул в сторону берега, где Иванов готовил костерок.
— Пробку свинти, — подсказал Сидоров.

Петров свинтил пробку. Водка не наливалась.
— Ни хрена себе, — заволновался Петров и встал.
Лодка перевернулась.
— Я же говорил: Чекундашка, — пробулькал Сидоров.
— А, плевать! — сплюнул воду Петров. — Сматываем удочки!
— А чё? Ничё! — сказал Николаев. — Зато искупались.

г. Челябинск

Пробник

Весна

Вот и наступил апрель:
Застучала с крыш капель,
Птицы радостно запели,
Закружились карусели;

На проталинках сырых
Проснулись одуванчики.

* * *

Ах, весна-расчудесница:
И капель, и ручей;
Солнца луч в лужах плещется,
Бодрость зябких ночей.

И кораблик бумажный,
Что из детства приплыл,
Подарил нам улыбку,
Лёд сердец растопил.

От восторга ребячьего
И на шум детворы,
Не поверите, граждане,
К нам вернулись грачи!

Нина Кысса

Бабушки на лавки сели
Оставили диванчики.

Пробудилась мать-природа,
Весне она безумно рада.
Солнце радует людей
Изобильем тёплых дней.

г. Снежинск

Надежда Голцкова

Наш Челябинск

Частицей сердца каждого
Живёт Челябинск наш.
Он — город детства нашего,
И маленьких проказ.

Его одежды красим мы,
Он краше с каждым днём!
Горжусь, что я уралочка;
Судьба моя — Челябинск мой,
Мы дружно в нём живём.

г. Челябинск

Юрий Рычков

Счастье рядом с нами

* * *

Пою о жизни я минором,
Заметит кто-то: «Это грусть».
«Ты пессимист!» — кричат мне хором.
Отвечу просто: «Ну и пусть!»
В глуши души уединения,
Хочу о тайном помечтать...
Людей жестокое гонение
Так хочется не осуждать...
Лад звуков музыки минорный,
Смиренье дарит и покой,
И, словно Господом прощенный,
Я становлюсь совсем другой.

Я лишь тебе одной,
желанной, рад!

Когда невыносимо тяжело
И долбит оскорблений колких град,
Согреет пусть тебя моё тепло,
Я лишь тебе, одной желанной, рад!

Люблю тебя и сердцем, и душой,
Со мной всегда твой милый,
добрый взгляд...
Мой человек, и близкий, и родной,
Ты для меня — дороже всех наград!

К N...

Тобою я живу, тобой болею!
Не стану ворошить, ошибок прошлых грязь;
И, словно юноша, от счастья одурею,
Вновь ощутив любви взаимной связь!
Тобою я дышу, сказать — не смею,
Что страшно потерять души прекрасный лик;
Пред красотой твоей, любя — робею,
Мой взгляд безмолвный выражает крик!

Мост любви

Мост любви, казалось бы, обычен,
Тешит взор своею простотой...
Под ногами очень непривычен:
Ты попробуй-ка на нём постой!

Ухватившись цепкими руками
За перила скользкого моста,
Я подумал: счастье рядом с нами
Лишь тогда, когда любовь чиста.

г. Челябинск

Вера Серебрякова

Судьба

Не сетую я на судьбу:
Она заложена в программе.
И как вести с нею борьбу,
Если потворствуем ей сами?
Хотела бы я не любить,
Себя не мучить понапрасну,
Но как без этого прожить,
Любить — это всегда прекрасно.
Хотела я красивой быть,
Но всё даётся оптимально.
Красивому с умом не жить,
А умному и так нормально.
Хотела бы я гордой быть
И никогда не лицемерить,
Но гордым очень трудно жить,
Для них везде закрыты двери.

Весна

В этот прекрасный день весны
Жаль, что не все друзья пришли.
Но всё же есть ещё костяк.
Мы собрались не просто так.
Бокал поднимем мы за дружбу!
А что сейчас ещё нам нужно?
Бокал поднимем за любовь,
Чтоб к нам она вернулась вновь.
Бокал поднимем за здоровье:
Как без здоровья жить с любовью?
А главное хочу сказать,
Чтоб повстречаться нам опять.

г. Челябинск

Галина Уразова

Весна в посёлке

Весна в посёлке, сосулька с крыши:
Кап-кап-кап.
Воздух синий, воздух свежий.
Дороги: чавк-чавк-чавк.
Солнце светит, солнце греет
Без перерыва на обед.
Целый день без батареек,
На износ, на нет.
С цветами все мужчины
Снуют и там, и сям.
Горят глаза у женщин
По пятницам.

Пятница и...

Мой любимый день — пятница,
Но нет друга у меня Пятницы.
В океане бурном пятится
Жизнь моя — баркас по пятницам.
Робинзон я, но не Крузо,
И не ем я кукурузу.
И в проливе Лаперуза
Встречи я боюсь с медузой.

Весна

Март нынче крадучись идёт:
С апрелем встретиться боится.
То снег, буран, то гололёд,
А к вечеру вдруг небо прояснится.
С утра случился снегопад —
Пушистый белый снег,
Потом капли невпопад,
И снова снег с небес.

г. Миасс

Хорошему человеку

Как хорошо, что человек на свете есть,
С которым так легко, когда мы вместе,
С которым можно просто говорить
Без зависти и лести.
Его улыбка помогает жить,
А слово поднимает настроенье,
И хочется любить, стихи творить
И получать земное наслажденье.

Апрель звенит капелью на дворе,
И шмель жужжит от радости в окне;
Бегут ручьи, летят грачи,
А мы — читаем вслух стихи
О нашей жизни, о любви.
И скоро вновь зальются соловьи!
Идёт весна, поёт душа,
Я этим счастлива, друзья!

г. Челябинск

О земле родимой

* * *

Он всё такой же,
всё могучий,
сосновый бор Песчаного села.
Раскинув лапы на снегу сыпучем,
красуется опять с утра.

Стоит и тянет ветви к небу,
пытается коснуться облаков.
А рядом молодняк лишь зеленеет,
все хочет побыстрее расти.

* * *

Я помню то время, когда деревня живая была.
Когда на рассвете, табун выгоняли и шли на поля.
Когда ты кружил и бежал по дороге росной
Туда, где знали, где ждали, любили тебя.
Где радостно было, что дом есть родной.
Пусть маленький и деревянный, но вырос ты в нем...
Где мать, подоив корову, несёт тебе молока,
Где радости, счастья не счесть, такой наша жизнь была!
Ах, как бы хотелось нам всем вернуться туда.
Но жизнь не стоит на месте,
Идут быстротечно года.

* * *

Распустила косы
Белая берёза.
Наклонилась низко, прямо до воды.
От чего печально,
Выглядишь сегодня?
От того что ветер, шелестит в тиши?
Не скучай, родная,
Ты у речки милой:

Прилетят соловушки
И спокот тебе.
О родной сторонке,
Где прошла вся молодость.
О земле родимой,
Где живёшь теперь.

п. Увельский

Анатолий Кухтурский

Непридуманные жизни непридуманных людей

(о повести Н. И. Годины «Царёнок»)

94

Граффити № 1(49) - 2022

«Чудиново было большое, красивое. Какие дома были раньше! Вся округа съезжалась в церковь. Базары на площади. Особенно гуляли на Масленицу. Делали крепость. Ну, и без драк и шуток не обходилось».

Так пишет о родном селе Николай Иванович Година. Здесь прошло его далекое, трудное, но счастливое детство.

Четыре сотни сюжетов. Большинство веселые. Но сквозь эту веселость проглядывает тяжелое военное и послевоенное время. Предоставленные сами себе ребяташки рано выросли. Вместе со старшими надрывались на тяжелых работах, постоянно думая о хлебе насущном.

Повседневной пищей была картошка, свекольник да затируха. В чугунок с кипятком сыпали муку, помешивая ложкой, солили, забеливали молоком или обратом. К затирухе пекли печенки. В некоторых семьях делали кулагу. Вообще-то ели все, что мало-мальски подавалось пищеварению.

«...По весне отправлялись на промысел в леса, в степь, на озера. Собирали дикий чеснок, рвали кислицу. Выкапывали солодку, сосали корни. Сладкие такие. Шныряли по лугам, по болотам, зорили чаек, <...> пигалок. Дергали рогозу или шилушки. Сушили и так ели...»

Иногда, чтобы обмануть голод, жевали и вовсе экзотическую пищу, например паленые шкуры, располосованные на ремни, жваку, вываренную из бересты, и даже белую глину, которую продавали бакаевские татары.

Но детство есть детство. И хоть жили голодно и холодно, между работой находили время для игр и забав. Играли в сколошарик, муху, чижик, шаровки. Были и более серьезные иры, например, жучок или, скажем «чугунная жопа». В повести подробно дается описание таких развлечений, которые помогали выжить в суровое время.

Несмотря на детское восприятие жизненных сцен, автор с глубокой точностью описывает события далеких лет, их последствия. Россыпи ценных сведений из истории села, ее жителей можно найти на страницах «Царенка».

«Между школой и магазином стояли ряды прилавков. На площади были установлены коромысловые весы. На них мог заезжать воз целиком...»

«Черный Чебурак находился напротив Соленого озера. Название “Черный” от цвета изб. В 1921 году там случилась эпидемия тифа. Вымерли почти все».

«...У нас иногда говорили о поташинских и салтановских, что живут в Зареке...»

Вряд ли кто сегодня знает о Поташино или Салтаново. Так назывались части села, данные переселенцами в память об их родных местах. А сообщение о Зареке и вовсе откровение для краеведа-исследователя. Зарека — топоним, в котором неизменяемая чистая основа в именительном падеже объединена с префиксом. Такой тип словообразования характерен для северных поморских территорий, что указывает на ход переселенческого движения.

А какие собственные имена запечатлены в книге! Более двух сотен. Особенно показательны прозвища. Они дополняют портрет его носителя, характеризуют личность в малейших деталях. В центре внимания, конечно же, «царенок», главный герой повествования. Его отец был балагуром, шутом на праздниках. Любил играть царя. Так и пошло — царь да царь. Ну, а дети, естественно, царята. И по сей день в Чудиново есть царь, внук того давнишнего. Спросите в деревне Николая Владимировича Левинского, не каждый сразу поймет, о ком речь. Чуть не полдеревни жителей Левинские. Но царь один, его самый малый знает. Дети нынешнего царя тоже цари или царенки, ну а жена, нетрудно догадаться, царица. Эту царскую ношу придется нести еще не одному поколению.

Цыган, Кабан, Куян, Шкинкатю, Лобода, Хлыстик Нырок, Крыса, Хопушка, Цыва, Муха, Кутак, Гагара. Этот перечень можно продолжить. Конечно, Кабана, Нырка, Крысу, Муху нетрудно представить. Догадаться можно, что куяны — лопухие или косые («куян» по-татарски «заяц»). Даже Шкинкатю можно представить — Катюшкин: здесь переставлены слоги. Но кто такие Цыва, Булдырь, Сюля, Фука, знает только улица.

Кстати, традиция давать прозвища жителям села жива и поныне. Наряду с традиционными прозвищами появляются новые Прыщ, Писня, Кутя, Грач, Таракан, Хрен, Отмороженный, Топор (причем топоров два — белый и черный).

О чем бы ни писал Н. И. Година, его миниатюры уходят в реальную жизнь. В коротеньких рассказах, зарисовках, иногда даже в штрихах нас захватывает калейдоскоп событий, непритязательных, не всегда логичных и обоснованных, но жизненных, состоявшихся, а еще близких нам, ибо все мы вышли из детства. В них чувствуется пульс времени. Автору удалось запечатлеть, сохранить в памяти и донести до читателя незабываемые минуты ушедших лет.

«Память, память... — писал Р. Рождественский. — Никуда от нее не денешься, не скроешься, не уедешь. Пласты в ней, как годовые кольца внутри дерева: все близко, все рядом, все около сердца...»

Несмотря на то что повествование ведется от имени друга детства Владимира Ивановича Родионова-Кузяева, авторство Николая Ивановича осязаемо и обнаруживается при первом же прочтении. Самобытный мастер, со своим видением жизни, неповторимым языком создал непрдуманную повесть из жизни непрдуманных людей.

Он не заботится о красивости употребляемых слов, но они невероятно точны и обьективны, не героизирует персонажей повести. Напротив. Иногда они показаны едва ли не в гипертрофированном виде. Но как раз эта действительность без всяких уверток и изворотов и располагает к автору, не дает усомниться в правдивости его рассказа.

Главное достоинство Николая Ивановича Годины — его доброта, сердечность, отзывчивость к героям повествования. Юмор, шутка, иногда и легкая ирония находят место в большинстве миниатюр, но совершенно отсутствуют язвительность и злоба.

Такое же бережное отношение к землякам сохранил Николай Иванович в жизни. Бывая в родной деревне, он с трогательной сердечностью встречается с друзьями детства, которых, к сожалению, остаётся все меньше. И обязательно идет на местное кладбище. Скромные полевые цветы ложатся на могильные холмики ушедших из жизни земляков.

«Наше поколение почти все вымерло, — пишет автор в заключении «Царенка». По пальцам можно пересчитать свидетелей далекого детства. Вон у младшего царенка уже внуки растут. Знают ли они о своем царском происхождении. А жизнь... несмотря ни на что продолжается».

Повесть «Царенок» — уникальный подарок чудиновцам, светлая память уходящему и уже ушедшему поколению.

с. Чудиново

Валентина Почтарёва

Пришла весна, как рада я!

Подснежник

Это чей такой ребёнок?
Тянет ручки из пелёнок?
Сквозь сугробы и валежник,
Пробирается подснежник.
Он дитя природы нашей,
Мы его не кормим кашей.
Гладит солнышка ладошка:
— Подрастай скорее, крошка.

Пчёлка

Проснулась пчёлка, зажужжала:
— Весна пришла, а я не знала.
Желтеет первенький цветок,
В берёзах бродит вкусный сок,
На ветке дремлет паучок,
В траве весь светится сверчок.
Пришла весна, как рада я!
Цвети, любимая земля!

Весна

Пригрело так солнышко снова,
Запел вновь пастуший рожок.
И «му-у-у» — замычала корова,
Почуяв зелёный лужок.
Вот первые дождика капли
На землю неслышно легли,
И курицы будто бы цапли,
На лапке одной прилегли.
Вновь дышит земля, молодеет,
И музыка где-то слышна,
Черёмухи ветки белеют —
Всё! Значит, явилась весна.

Смешной урок

У меня в тетрадке «двойка»,
А виной — соседка Зойка!
Весь урок меня смешила...
И так весело нам было!
То язык мне свой покажет,
То про мультики расскажет...
«Иванов, иди к доске!»
Раз, и «двойка» в дневнике!
Мы же с Зойкой хохотали,
Ничего не замечали.
Вот и прозвенел звонок,
Кончился «смешной» урок!
Как теперь скажу я маме,
Что случилось в школе с нами?
В том, что получил я «двойку»,
Виновата только Зойка!

г. Чебаркуль

Иван Рябов

Что такое «подлость»?

Домой из школы Саша пришёл грустный. Четверть закончилась, и по всем предметам в табель были выставлены отметки. На этот раз в Сашином табеле с отметками всё вроде было хорошо. Но тройка по иностранному языку портила всю эту картину.

Саша медленно разделся. Взял портфель и, опустив голову, прошёл в свою комнату. Поведение сына не осталось без внимания мамы. Она оставила все свои дела и зашла к нему.

— Что это с тобой? Что, Александр мой, невесел? Почему свой нос повесил?

Саша молча достал из портфеля табель. Мама посмотрела его и поинтересовалась:

— Что же ты немецкий язык упустил?

— Меня подставили...

— То есть как — подставили? — не поняла мама. — С тобой поступили подло?

Саша кивнул. Мама опять спросила:

— А ты знаешь, что такое «подлость»?

Саша задумался. В его памяти был случай, недавно произошедший с ним.

Перед началом четверти преподаватель иностранного языка тяжело заболел. Занятия стала вести новая молодая учительница. Звали её Галина Сергеевна. Всё шло нормально. Но... Сашу удивляло то, что учительница совершенно его не спрашивала! «Нет так нет», — думал он. Вот уже и четверть заканчивается. И вот тут-то Сашу стали терзать смутные сомнения: «А как она собирается выводить отметку?»

Во время перемены Саша подошёл к Галине Сергеевне. Она сидела за столом и заполняла журнал. Саша заглянул в журнал и... остолбенел от неожиданности. Преподаватель посмотрела на него и спросила:

— Что-то случилось?

Саша, придя в себя, кивнул головой. Он показал в журнале на строчку против своей фамилии. В ней стояли четыре тройки.

— Откуда это у меня? — ничего не понимая, спросил он.

Учительница провела пальцем по строчке.

— Так. Пе-ре-пёл-кин... Хм... А причём здесь ты? — не поняла Галина Сергеевна. — Перепёлкин — вот он. И она указала на Пупкова, сидящего перед ней за первой партой.

— Перепёлкин — это я! — возмутился Саша. — А он — Пупков.

Преподаватель даже удивилась. Она вопросительно посмотрела на Пупкова. Тот сидел и улыбался. Он всё слышал. Учительница заглянула в журнал. Нашла строчку напротив фамилии Пупков. Здесь стояли сплошные четвёрки. Галина Сергеевна пригляделась. «Ба! Да ведь это подделка! Отметки выведены другой рукой!» Теперь всё стало ясно. Тройки принадлежали Пупкову. Он, назвавшись Перепёлкиным, сплавил их ему, а сам тайком поставил себе четвёрок. Учительница с укором посмотрела на Пупкова и сказала:

— Как ты мог это сделать? Ведь это же подло!

Но тот продолжал улыбаться. В его глазах не было и тени стыда.

Четверть заканчивалась. И Саша уже ничего поделать не мог. За четверть по немецкому языку у него выходила тройка. «И поделом, — думал он, — сам виноват! И учитель здесь не причём. Вот если бы я раньше спохватился!»

— Алло. Ты меня слышишь? — спросила мама.

Саша очнулся.

— Ты знаешь, что такое «подлость»? — продолжила мама.

— Да, — сказал Саша.

Он рассказал маме произошедшую с ним историю, а потом спросил:

— Мама, а я по отношению к учителю поступил подло?

— Ты поступил нехорошо. И за это поплатился. Но это не подлость. Представь, что человек долго не проходил медицинское обследование. Вот он тяжело заболел и только после этого появился у врача. А мог появиться раньше, мог не запускать заболевание. Разве это можно назвать подлостью по отношению к врачу? Нет. Но всё же встречаются среди нас и подлецы. С такими людьми нужно держать ухо востро! Ты понял? Подлость — это низкий поступок, роняющий достоинство человека, совершившего его, в глазах окружающих. Подлость, как правило, совершается умышленно. Запомни это!

г. Челябинск

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 1(49)/2022

Литературный альманах

Редактор *А. А. Мишутин*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 17.02.2022 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 8,13.

Заказ № 14.

Тираж 90 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.

Телефон редактора альманаха «Графоман»: 8 908 570 83 97.

E-mail: mishutin1940@mail.ru

